

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Л.М. Шмелёва

**Семья казанских ученых Шестаковых
и развитие антиковедения
и византиноведения в России
(40-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.)**

Издательство
Татарского государственного
гуманитарно-педагогического университета
2010

УДК 930
ББК 63.3(0)
Ш 18

*Печатается по рекомендации
Ученого Совета факультета исторического образования
Татарского государственного
гуманитарно-педагогического университета*

Научный редактор:
д.и.н., профессор Г.П. Мягков

Рецензенты:
д.и.н., профессор О.Л. Габелко
д.и.н., профессор О.В. Сеницын

Шмелёва Л.М.

Ш 18 Семья казанских ученых Шестаковых и развитие антиковедения и византиноведения в России (40-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.) / Л.М. Шмелёва. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2010. – 216 с.

ISBN 978-5-87730-515-1

В монографии рассматривается жизнь и творчество крупного деятеля российского просвещения П.Д. Шестакова и его сыновей – профессоров Казанского университета С.П. и Д.П. Шестаковых, занимавшихся на протяжении длительного периода изучением проблем античной филологии и истории и византиноведением.

Предназначена для историков, студентов исторических факультетов и всех интересующихся данной проблематикой.

ISBN 978-5-87730-515-1

© Шмелёва Л.М., 2010

ВВЕДЕНИЕ

Казанский университет занимает особое место в духовной жизни России. С момента своего основания в 1804 г. он стал центром просвещения, культуры, науки, общественной мысли. Мировую известность университету доставили научные достижения его ученых. Научные школы складывались в Казанском университете по многим направлениям, в том числе и в области гуманитарного знания. В первой половине XIX в. заслуженную славу университету принес Восточный разряд, заложивший основы отечественного востоковедения; к 40-м годам XIX в. восходит становления славяноведческого направления, связанного с деятельностью В.Г. Григоровича; в 70-е годы формируется знаменитая лингвистическая школа И.А. Бодуэна де Куртенэ. Российское и европейское признание получили труды казанских историков В.И. Григоровича, Д.А. Корсакова, Ф.Г. Мищенко, В.К. Пискорского, Н.А. Осокина, И.Н. Смирнова, Н.А. и Н.Н. Фирсовых, М.М. Хвостова, А.П. Щапова и др.

Жизнь и творчество этих ученых получили заслуженное отражение в литературе. Им посвящались юбилейные конференции, монографии и коллективные труды. Их дела, научные открытия и заслуги описываются в трудах, посвященных истории университета. Но история науки, научной и общественной жизни университета и Казани не исчерпывается названными именами. До сих пор вне поля исследовательских интересов продолжают оставаться имена десятков ученых. Из гуманитариев можно назвать А.С. Архангельского, Д.Ф. Беляева, Е.Ф. Будде, Н.Н. Булича, В.А. Богородицкого, Н.П. Загоскина, Д.И. Нагуевского, М.П. и Н.М. Петровских, В.К. Харламповича, С.П. и Д.П. Шестаковы и многих, многих других. Этими учеными были сформированы и поддержаны богатые исследовательские традиции и воспитаны многочисленные ученики. Изучение их вклада и роли в науке отвечает также такой задаче историографии как формирование бережного отношения к традиции, которая определяется не только выдающимися научными исследованиями, но и рядовыми историографическими фактами, типичными для эпохи. Именно деятельность этих ученых обеспечивает, с одной стороны, состояние науки, которое Т. Кун определил как «нормальное», а с другой, – готовит материал для того революционного прорыва, который совершают ученые, по праву становящиеся учеными «первого плана». Празд-

нование 200-летия Казанского университета стимулировало интерес к истории университета в целом, к исследованию деятельности работавших в нем ученых, различных научных сообществ. Тем более, что история Казанского университета дает богатейший материал для постановки и решения проблем историописания, в том числе для изучения научных сообществ, научных коммуникаций в среде ученых и т.п.

Данная монография посвящается изучению жизни, творчества и наследия известного деятеля российского просвещения Петра Дмитриевича Шестакова (1826–1889) и его сыновей – профессора Казанского университета, члена-корреспондента Петербургской академии наук Сергея Петровича (1864–1940) и профессора Казанского университета Дмитрия Петровича (1869–1937).

Обращение к их творчеству вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, до сих пор не исследован и не выявлен их вклад в развитие отечественной исторической науки, во-вторых, обращение к их жизни и деятельности дает возможность изучить и показать роль семьи, семейных традиций в развитии науки. В истории Казанского университета известно немало династий ученых. Можно назвать славяноведов М.П. и Н.М. Петровских, историков России Н.А. и Н.Н. Фирсовых, династию химиков Арбузовых, математиков Котельниковых и др. Среди них и семья Шестаковых.

Обращение к семье ученых как феномену развития науки имеет науковедческий интерес. Как известно, ведущим направлением науковедческих исследований стало изучение научных школ¹. Специальное внимание уделялось институциональному значению классического университета, факультета в его жизни как особой структурно-административной единицы и важнейшей формы интеллектуального сообщества², таких организаторов коммуникативных практик, как историческая периодика³, исторические общества, возникавшие при универ-

---

¹ См.: Школы в науке. М., 1974; *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000; *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении: Материалы научной конференции. М., 2002; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Ягудин Б.М.* Н.А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань, 1998; *Михайльченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.; Брянск, 1997; *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука вторая половина XIX – начало XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003 и др.

² См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1990; *Краснова Ю.В.* Историческое образование в столичных университетах России в конце 70-х гг. XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003 и др.

³ См.: *Мохначева П.П.* Журналистика и историческая наука. Кн. 1, 2. М., 1998.

ситетах⁴ т.п. Выделена как особое направление изучения исторической мысли России XIX в. провинциальная историография⁵. Но этим не исчерпывается картина институтов, участвующих в процессе развития науки. Так, для исследования научных сообществ, не подпадающих под определение «научной школы», в 1990-е годы в научный оборот был возвращен термин – «культурные гнезда», введенный в исследовательскую практику в начале XX в. литературоведом Н.К. Пиксановым. Этот термин нашел применение в исследованиях, посвященных исторической мысли провинций⁶.

Своего рода «культурным гнездом» является и семья ученого, выступающая в роли микросоциума, в котором происходит первичное приобщение к духу науки, знакомство, а то и втягивание в практику исследовательской деятельности. Социологическая и педагогическая науки активно разрабатывают учение о семье как институте социализации. Историография также не могла обходить вниманием эту роль семьи в становлении ученых. Но, как правило, в поле зрения попадала проблема условий формирования личности ученого. В данном исследовании роль семьи рассматривается шире, поскольку избранный объект – семья Шестаковых – представлял, фактически, пример научной династии. В этом плане представляется важным изучить научное наследие семьи Шестаковых и дать оценку их вклада в исследование проблем антиковедения и византиноведения.

Автору представляется необходимой постановка следующих исследовательских задач: 1) проследить жизненный путь П.Д. Шестакова и его сыновей – Сергея Петровича и Дмитрия Петровича – как ученых, выявив основные этапы их творческой биографии от становления интереса к античности и истории Византии до вопло-

---

⁴ См.: *Есенгаарев Е.Ж.* Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX – начала XX веков (На материалах исторических обществ при Московском и Петербургском университетах): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 2005; *Камардина О.В.* Императорское русское историческое общество: Очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999 и др.

⁵ См.: *Бердинский В.А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX века. М.; Киров, 1995; *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998; *Штергер М.В.* Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003 и др.

⁶ См.: *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. Екатеринбург – Омск, 2000. С. 14; *Сабурова Т.А.* К вопросу о «культурных гнездах» провинциального города (Омское медицинское общество на рубеже XIX – XX вв.) // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999; *Севастьянова А.А.* Указ. соч.; *Штергер М.В.* Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX века (по материалам Тобольска и Омска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003.

щения этого интереса в собственной исследовательской практике; 2) выяснить влияние членов семьи на выбор сферы деятельности, направления в исследовательской работе и тематике научных трудов; 3) оценить вклад Шестаковых в изучение античной проблематики и место их работ в отечественной традиции исследования истории и культуры Византии; 4) показать роль С.П. и Д.П. Шестаковых в складывании традиций казанского антиковедения и византиноведения.

Литература по изучаемой теме достаточно обширна. Первую группу составляют исследования, посвященные истории отечественной исторической науки. Одной из первых работ, в которой было представлено развитие исторических и филологических исследований по античности в XIX в., был труд В.П. Бузескула «Введение в историю Греции» (М., 1904). В нем охарактеризовано развитие и российской антиковедческой науки не только по проблемам, но и по персоналиям, а также намечены пути дальнейшего развития антиковедения в России. В своем исследовании «Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX вв.» (Ч. 1–2. Л., 1929–1931) В.П. Бузескул дал анализ основных тенденций развития отечественной исторической науки, изучающей всеобщую историю.

С конца 1960-х гг. исследователи обращаются к изучению творчества отдельных ученых-историков, первоначально «историков первого плана», чьи работы оказались более востребованы в советский период. Развитие российской исторической науки в целом представлено в капитальном труде «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., 1955–1985). Отдельные разделы посвящены изучению античности и истории Византии в дореволюционные годы. В них рассматриваются основные направления в российской историографии, обращается внимание и на персоналии историков. В коллективном труде «Историография античной истории» (М., 1980) дан общий очерк историографии античности до 1970-х гг., в рамках которого рассмотрение идет по историческим периодам и по национальным историографиям. Из российских антиковедов представлены наиболее значительные фигуры: М.С. Куторга, Ф.Ф. Соколов, Ф.Г. Мищенко, М.М. Хвостов, И.М. Ростовцев и некоторые другие.

Значительный вклад в исследование проблем отечественной историографии античности внесли работы Г.С. Кнабе, Н.С. Талашевой, Э.Д. Фролова. В труде «Русская наука об античности» (СПб., 1999) Э.Д. Фролов рассматривает развитие отечественной историографии с новых методологических позиций, обращая внимание не только на ученых первой величины, но и на «историков второго плана», подробно анализирует все существовавшие направления. Историограф отнес С.П. и Д.П. Шестаковых к историко-культурному направлению.

О.Л. Вайнштейн в «Истории советской медиевистики (1917–1966)» (М., 1968) дал характеристику и дореволюционной медиевистике и обра-

тил внимание на то, что даже в трудные послереволюционные годы старая профессура продолжала работать, хотя и менее активно. В этом труде было представлено и византиноведение, как одна из составляющих медиевистики. Специальную работу проблемам развития византиноведения посвятил Г.Л. Курбатов⁷. В ней дается общий очерк развития византиноведения, в том числе и российского. При рассмотрении российской историографии истории Византии Г.Л. Курбатов сделал акцент на социально-экономическом направлении, которое получило мировое признание, уделяя меньше внимания остальным направлениям.

На современном этапе развития историографии внимание исследователей привлекают и проблемы научных сообществ; назовем лишь некоторые: проблема научных школ, проблема коммуникаций внутри научных школ и научных сообществ, проблемы методологических поисков дореволюционных ученых (И.Л. Беленький, В.П. Золотарев, В.П. Корзун, Б.Г. Могильницкий, Г.П. Мягков, А.Н. Нечухрин, С.Н. Погодин, О.В. Сеницын и др.). Заслуживает быть отмеченной постановка проблемы о семье как типе научной коммуникации⁸. Также усиливается интерес к наследию дореволюционных российских византиноведов, в научный оборот водятся многие новые источники по развитию византиноведения в России⁹. Привлечение этих работ позволяет дать общий историографический фон, а также определить место Шестаковых в российской науке.

Привлекались так же работы, посвященные Казанскому университету, что было необходимо для выяснения той социальной и культурной среды, в которой жили и работали Шестаковы. Здесь в первую очередь следует назвать труд М.К. Корбуа «Казанский государственный университет... за 125 лет» (Казань, 1929–1930), в котором представлено развитие университета за весь период его существования. Последним по времени трудом стала «История Казанского университета» (Казань, 2004), вышедшая к 200-летию юбилею университета. Авторам этого исследования удалось показать жизнь Казанского университета как единого организма. Состояние научных исследований, в том числе по истории и филологии, органично вписано как одна из важных составляющих университетской жизни. Кроме общих трудов, по истории Казанского

---

⁷ См.: *Курбатов Г.Л.* История Византии: историография. Л., 1975.

⁸ См.: *Макарова Е.А.* Династии ученых как особая форма научного сообщества: к постановке проблемы // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М.: РГГУ, 1999.

⁹ См.: *Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге* / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995; *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга* / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999; *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси: 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М., 2000.

университета выходили работы по отдельным периодам истории университета и по отдельным аспектам университетской жизни¹⁰.

Следующая группа работ, посвящена исследованию состояния исторической и филологической науки в Казанском университете. Первым, кто обратил внимание на проблему изучения всеобщей истории в Казанском университете, был А.С. Шофман, с именем которого связано возрождение антиковедческих исследований в Казанском университете¹¹. О развитии в Казанском университете антиковедения писали А.С. Шофман, В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинцев, И.А. Дружинина и др.; медиэвистики – М.Д. Бушмакин, Г.П. Мягков, А.З. Ханина, Ш.С. Хамматов, Б.М. Ягудин и др.; славяноведения – А.С. Сергеев, Н.И. Макарова и др., новистики – О.В. Бодров. Развитие востоковедения в университете представлено в трудах Р.М. Валеева, С.М. Михайловой, Н.А. Мазитовой и др.

В отдельный блок выделяются исследования о российских историках, живших и работавших в Казани. Здесь следует назвать работы А.С. Шофмана о Ф.Г. Мищенко, его же и И.Н. Матвеевой о М.М. Хвостове, И.П. Ермолаева и А.Л. Литвина о Н.Н. Фирсове, А.И. Мухамадеева о Д.А. Корсакове, а также работы Н.А. Андрамоновой, Л.К. Байрамовой, М.М. Сидоровой. Названные работы представляют интерес в плане построения биографической части работы, а также возможности более полно обрисовать окружение семьи Шестаковых.

Привлечена была литература, посвященная конкретным проблемам классической филологии, античной и византийской истории. В этот блок вошли работы антиковедов – А.Н. Егунова, А.Ф. Лосева, А.А. Тахо-Годи, Н.Л. Сахарного, Л.С. Клейна, С.И. Соболевского, В.Н. Ярхо и др., византиноведов – С.С. Аверинцев, Д.Е. Афиногенова, Г.Г. Литаврина, А.П. Каждана, Т.В. Поповой, З.В. Удальцовой, Л.А. Фрейберг и др.

Источниковая база исследования разнообразна и включает опубликованные и неопубликованные материалы, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Используемый комплекс источников может быть разделен на несколько групп.

Первую группу составляют труды российских и зарубежных антиковедов и византиноведов: Ф.Ф. Соколова, Д.Ф. Беляева, Ф.Ф. Зелинского, Ф.Г. Мищенко, В.П. Бузескула, А.А. Васильева, Ф.И. Успенского, Дж. Бери и др. В их ряду свое место занимают исследования С.П. и Д.П. Шестаковых¹².

---

¹⁰ См.: Вишленкова Е.А. Учебная повседневность в Казанском императорском университете // История и историки в Казанском университете. Казань, 2005; Хакимова А.С. Казанский университет в 80–90-е годы XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997 и др.

¹¹ См.: Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете. Казань, 1956.

¹² В поле зрения Шестаковых как исследователей и публицистов попадали самые разнообразные сюжеты. Например, Петр Дмитриевич написал ряд работ по истории

Вторую группу источников составляют нормативные акты (университетские уставы 1863, 1884 гг., циркуляры Министерства Народного Просвещения) и документы делопроизводства. Основной массив последних содержится в фондах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ). В работе были использованы материалы следующих фондов: Ф. 92. Канцелярия попечителя Казанского учебного округа; Ф. 131. Казанские высшие женские курсы; Ф. 977. Казанский университет (материалы до 1918 г.); Ф. Р–1337. Казанский университет (с 1918 г.); Ф. Р–1339. Северо-Восточный археологический и этнографический институт; Ф. 1487. Восточно-педагогический институт (с 1934 г. – КГПИ, с 1994 г. – КГПУ, с 2005 г. – ТГГПУ). В научный оборот вводятся протоколы заседаний историко-филологического факультета и Совета Казанского университета, различных комиссий, создававшихся в выше названных организациях, формулярные списки Шестаковых, их личные студенческие дела, а также материалы, отражающие их подготовку как профессорских стипендиатов. Они представляют бесценный материал для воссоздания жизненного пути и деятельности П.Д., С.П. и Д.П. Шестаковых. По документам этих организаций можно проследить путь становления С.П. и Д.П. Шестаковых как ученых со студенческой скамьи до профессорского звания. В фондах Северо-Восточного археологического и этнографического института (СВАЭИ) и Восточно-педагогического института (ВПИ) отложилась информация о научно-педагогической деятельности С.П. и Д.П. Шестаковых в 1918–1930-х годах. Сохранившиеся в этих фондах отчеты о преподавании и прошения о командировках позволяют узнать о лекционных курсах, читавшихся в этих учебных заведениях, о планах исследовательской работы ученых и о подготовленных к печати работах.

Были также использованы материалы ряда фондов Архива Российской Академии наук (г. Москва): Ф. 154. Институт истории науки и техники АН СССР; Ф. 397. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; Ф. 411. Отдел кадров АН СССР. Личные дела; Ф. 457. Отделение истории и философии РАН. Документы этих фондов позволяют воссоздать научную деятельность С.П. Шестакова в 1920–1930-е годы и его сотрудничество с АН СССР.

Документов личного происхождения П.Д., С.П. и Д.П. Шестаковых сохранилось не много, что связано с событиями российской истории 1920–1930-х гг., когда их наследие оказалось фактически не нужным. В отрывочных воспоминаниях сына Д.П. Шестакова Петра Дмитриевича

Волжской Булгарии и этнографии Поволжья, Сергей Петрович включился в 1906 г. в дискуссию по проблеме происхождения Руси; в 20–30-е годы он занимался грамматикой марийского и удмуртского языков. Дмитрий Петрович 1890-х годов занимался литературной критикой. Изучение этих тем – предмет других исследований.

содержится свидетельство, что в 1930-е гг. Дмитрий Петрович сам сжег часть своего архива, и только жена и старшая дочь смогли уговорить его сохранить остальное¹³. Все сохранившиеся материалы разбросаны по различным архивохранилищам Российской Федерации. Основная часть хранится в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Это «Дневник» П.Д. Шестакова, переписка, рукописи и отдельные оттиски работ, фотографии и др.

Для восстановления внутрисемейных связей большое значение имеет «Дневник» П.Д. Шестакова, содержащий записи за 1870–1886 гг.¹⁴. События, случившиеся до 1870 г., изложены в форме воспоминаний. В «Дневнике» П.Д. Шестаков уделяет значительное внимание своей семье, отношениям внутри нее и семейным традициям. В этом плане интересна и его переписка с женой¹⁵.

Были также привлечены «Дневники» М.В. Нечкиной, в которых есть записи об историко-филологическом факультете Казанского университета в 1920–1921 гг., литературные воспоминания П.П. Перцова (друга Д.П. Шестакова), которые позволяют выявить восприятие деятельности Шестаковых их современниками¹⁶.

Эпистолярное наследие семьи Шестаковых сохранилось очень фрагментарно. Достаточно хорошо представлена переписка П.Д. Шестакова, в которой отражены дела Казанского учебного округа¹⁷. Переписка С.П. и Д.П. Шестаковых в большей мере отложилась в фондах тех ученых, с кем они вели переписку. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) хранятся письма Д.П. Шестакова к жене и дочери, которые он посылал из Владивостока в Казань, письма к нему А.А. Фета, а также переписка Дмитрия Петровича с известными издателями того времени¹⁸.

В Архиве РАН (г. Москва) выявлена переписка С.П. Шестакова с Институтом истории науки и техники по вопросу об издании перевода труда

---

¹³ См.: *Шестаков Д.П.* Стихотворения. Б.м., 1979 // ОРК НБЛ КГУ. Ф. 21. Ед. хр. 12. Л. 155. П.Д. Шестаков не оставил воспоминаний о своем отце, но составляя сборник его стихотворений, дал комментарии к некоторым событиям жизни Д.П. Шестакова.

¹⁴ См.: *Дневник П.Д. Шестакова* // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 7620.

¹⁵ См.: *Шестаков П.Д.* Письма к жене // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 9682; *Шестаковы П.Д. и А.Я.* Переписка // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 8152.

¹⁶ См.: *Дневники М.В. Нечкиной.* Казань и Казанский университет / Под ред. А.Н. Бикташевой. Казань, 2003; *Дневники академика М.В. Нечкиной* // ВИ. 2004. № 10. С. 114–137; *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002.

¹⁷ См.: *Шестаков П.Д.* Переписка. 1855–1889 // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 8149.

¹⁸ См.: *Шестаков Д.П.* Письма к Сабашникову Михаилу Васильевичу // Ф. 261. Издательство М. и С. Сабашниковых. К. 7. Ед.хр. 5; *Шестаков Д.П.* Письма к Шестаковым Александре Никитичне (жене) и Анне Дмитриевне // ОР РГБ. Ф. 218 Собрание отдела рукописей. К. 1391. Ед. хр. 5; *Фет А.А.* Письма к Шестакову Д.П. 1891–1892 гг. // ОР РГБ. Ф. 218. Собрание отдела рукописей. Картон 1379. Ед. хр. 39.

Андрея Везалия и Институтом мировой литературы по поводу написания учебника по истории греческой литературы. В этом же архиве в фонде Ф.Е. Корша найдено несколько писем С.П. Шестакова, в которых идет обсуждение одной из статей Сергея Петровича¹⁹. Эти документы впервые вводятся в научный оборот.

Для восстановления некоторых моментов биографий были использованы автобиографии П.Д. и С.П. Шестаковых. Автобиография Петра Дмитриевича хранится в ОРК НБЛ КГУ, в ней он делает акцент на своих юношеских годах, объясняя, почему он избрал греческую филологию в качестве специальности. Автобиографический очерк был опубликован С.П. Шестаковым в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Казанского университета». В нем Сергей Петрович особо выделяет свои занятия византийскими хрониками. Привлечена была и автобиография С.П. Шестакова, составленная им в 1938 г. для Академии наук СССР. В ней наиболее полно освещен период после 1917 г.²⁰

В круг источников включены произведения античных авторов и византийские хроники. Поводом для обращения к ним стала работа С.П. и Д.П. Шестаковых над изучением античных и византийских источников²¹.

Автор выражает глубокую благодарность профессору Г.П. Мягкову, заведующему кафедрой древнего мира и средних веков Е.А. Чиглинцеву и всему коллективу кафедры, а также профессору Омского университета В.П. Корзун и доценту Удмуртского университета А.А. Зориной за ценные советы и рекомендации, которые помогли улучшить содержание данной работы.

---

¹⁹ См.: *Шестаков С.П.* Письма к Ф.Е. Коршу. 1907 г. // Ф. 558. Корш Ф.Е. Оп. 4. Д. 380; Переписка с авторами на издания 1936 г. // Ф. 154. Институт истории науки и техники АН СССР. Оп.1. Д.122; Переписка об издании научных работ. 1936–1938 гг. // Ф. 154. Институт истории науки и техники АН СССР. Оп.4. Д.78.

²⁰ См.: *Шестаков П.Д.* Автобиография. Черновик // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 7.621; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): В двух частях / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2; Автобиография С.П. Шестакова // Ф. 411. Отдел Кадров АН СССР. Личные дела. Оп. 4-а. Личные дела умерших членов-корреспондентов. Д. 14. Шестаков С.П.

²¹ См.: *Гомер. Илиада; Гомер. Одиссея; Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола) / Русский текст, комментарий, указатели / Матвеев В.А., Щеголева Л.И. М., 2000 и др.*

Глава 1

СЕМЬЯ ШЕСТАКОВЫХ В НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАЗАНИ И КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

---

§ 1. Попечитель Казанского учебного округа

П.Д. Шестаков и его «истинно-просвещенческая деятельность»²²

Петр Дмитриевич Шестаков родился 27 июня 1826 г.²³ в селе Алферьево Масальского уезда Калужской губернии в семье священника. Отец Петра Дмитриевича умер, когда ему было несколько месяцев, поэтому воспитывался он у дяди со стороны матери. Именно дяде принадлежала решающая роль в деле обучения и воспитания П.Д. Шестакова. По словам самого Петра Дмитриевича, именно он настоял на обучении в гимназии. В гимназию П.Д. Шестаков поступает в 1835 г. в г. Твери. Учеба не привлекала его до 6 класса, когда в гимназию пришли новые молодые учителя. Особое влияние оказал на Петра Дмитриевича учитель греческого языка, имя которого остается неизвестным, так как сам Петр Дмитриевич никогда не называет его имени, хотя и отзывается о нем с благодарностью. В седьмом классе гимназии, когда учеников делили «на математиков и греков», П.Д. Шестаков выбирает греческий язык. «Более основательные сведения я имел в греческом языке, а главное я приобрел любовь к греческой литературе и умение заниматься самостоятельно», – писал он позднее²⁴. В этот период определенное влияние на становление интересов Петра Дмитриевича оказал его старший брат – Сергей Дмитриевич, учившейся в тот период на историко-филологическом факультете Московского университета, позднее ставший адъюнкт-

---

²² Из характеристики ректора Казанского университета Н.Н. Булича (См.: НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15525. Л. 2).

²³ Так указано в «Дневнике» П.Д. Шестакова и в работе А.С. Рождествина «Петр Дмитриевич Шестаков». Казань, 1907. В книге «Казанское дворянство 1785–1917 годов. Генеалогический словарь» (Казань, 2001) указан 1827 г.

²⁴ Шестаков П.Д. Дневник. Л. 5.

профессором этого же факультета и занимавшийся переводами древних авторов.

Поэтому особых раздумий у Петра Дмитриевича при выборе факультета, на который он бы хотел поступить после окончания гимназии, не было. И в 1842 г. П.Д. Шестаков поступает на историко-филологический факультет Московского университета, где своей специализацией он избирает греческую филологию. Его учителями были Д.Л. Крюков, Т.Н. Грановский, М.П. Погодин. В своем «Дневнике» П.Д. Шестаков дает небольшие, но яркие характеристики каждому из них²⁵. Особенно проникновенные слова он пишет о Д.Л. Крюкове и Т.Н. Грановском. «В лекциях глубокого знатока латинского языка и римских древностей Д.Л. Крюкова оживали перед нами величавые фигуры древнего римлянина и весь римский мир принимал осязательную форму», – писал П.Д. Шестаков на одной из страниц своего «Дневника»²⁶. С не меньшим уважением отзывался он и о Т.Н. Грановском: «Другой, полный мечтательной думы, глубоко симпатичный образ представляется мне, как живой, я как будто теперь гляжу на его бледное, вдохновленное лицо, как будто слышу его мягкий, хотя несколько глухой, проникающий в душу голос; и встает предо мной историческая эпоха, смысл которой он так хорошо умел объяснять нам»²⁷.

В своей автобиографии Петр Дмитриевич останавливается и на таком эпизоде из своей университетской жизни, как летние каникулы: «Летнее время проводил обыкновенно на уроках у помещиков в деревне. Здесь я имел некоторую практику в новых языках. В деревне было единственное время, когда я вставал рано, чтобы почитать на чистом воздухе одного из любимых древних писателей»²⁸. Это показывает его неподдельный интерес к классической филологии, занятия которой он никогда не прекращал.

В 1846 г. П.Д. Шестаков окончил Московский университет со степенью кандидата, что давало право на продолжение образования и открывало возможность сделать карьеру ученого. Однако Петр Дмитриевич получает назначение в Смоленскую гимназию учителем греческого языка. Видимо, на то было несколько причин. П.Д. Шестаков еще не помышлял о научной карьере. Но главную роль играли материальные обстоятельства: ко времени окончания университета Петр Дмитриевич должен был содержать большую семью: мать, сестру с

---

²⁵ Там же. Л. 13-16.

²⁶ Там же. Л. 13. См. также опубликованные воспоминания П.Д. Шестакова: Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. Т. 55. С. 656.

²⁷ Там же; Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах С. 657.

²⁸ Шестаков П.Д. Моя автобиография // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 7.621/1. Л. 6об.-7; Шестаков П.Д. Из воспоминаний педагога // Воспитание. 1862. Т. XII. Кн. IX. С. 198.

детьми и брата матери. Сам он в своих воспоминаниях обходит этот вопрос, отмечая лишь, что в конце июня 1846 г. получил назначение в Смоленскую гимназию. В 40-е годы XIX в. присуждение по окончании университета кандидатской степени означало получение 10 классового чина и личного дворянства²⁹.

В 1846–1860 гг. он преподавал греческий язык в гимназиях Смоленска, Твери и Москвы. Будучи учителем, Петр Дмитриевич не забывал совершенствовать свои знания в древних и новых языках. В автобиографии он пишет, что делал много переводов в стихах и прозе, готовил комментарии к древним авторам³⁰. В этот же период Петр Дмитриевич переписывался с историком М.П. Погодиным. Обнаруженные нами письма в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки свидетельствуют, что в это время Петр Дмитриевич занимается вопросами древней мифологии, а также ведет краеведческую работу, прося Погодина опубликовать ряд его статей по истории Твери³¹.

Любовь к детям и проявившейся административный талант способствовали тому, что в 1850-е годы Петр Дмитриевич назначается директором гимназий в Смоленске, Твери и Москве. Затем в три года он делает блестящую карьеру: в 1860 г. назначается инспектором студентов Московского университет; в 1861–1863 гг. – инспектором казенных училищ Московского учебного округа; в мае 1863 г. получает назначение помощником попечителя Казанского учебного округа, а с февраля 1865 г. назначается попечителем Казанского учебного округа. Такое развитие карьеры самим П.Д. Шестаковым было воспринято неоднозначно: с одной стороны, его радовало, что были оценены его труд и усердие, с другой, он понимал, что новые должности несут с собой новые заботы. На страницах его «Дневника», даже спустя много лет, чувствуется сомнение: сможет ли он справиться и оправдать возложенное на него доверие³².

В должности инспектора студентов Московского университета Петр Дмитриевич пробыл всего около года: должность инспектора, «как полицейская, была не моему характеру», – запишет он позднее в «Дневнике»³³. Инспектор и его помощники отвечали «за порядок в помещениях, посещали места пребывания студентов, водили их в баню и на концерты, следили за их частными квартирами, поддержи-

---

²⁹ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 87.

³⁰ Шестаков П.Д. Моя автобиография // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 7.621/1. Л. 7об.

³¹ Письмо П.Д. Шестакова к М.П. Погодину // ОР РГБ. Ф.231. Погодин / II. Картон. 37. Ед. хр. 38. Л. 1, 2.

³² Шестаков П.Д. Моя автобиография // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 7.621/1. Л. 18об.

³³ Там же. Л. 17.

вали связь с городской полицией, нанимали и увольняли университетскую прислугу, следили за чистотой студенческой формы и качеством еды в столовой, за посещением занятий учащимися»³⁴. Так же инспектор обладал широкими карательными полномочиями.

По словам самого Петра Дмитриевича, во время нахождения в должности инспектора он действовал в строгом соответствии с уставом университета, поэтому он стремился не допускать в стенах университета сходов и собраний. Такая установка связана была еще и с убеждением П.Д. Шестакова в том, что университет – это место где юноши получают знания, и потому здесь нет места политике. При этом Петр Дмитриевич выступал противником привлечения внешних сил для решения внутри университетских конфликтов. Особенно отрицательно он относился к использованию полиции для успокоения студентов, считая, что все, что происходит в университете – его (университета) внутреннее дело, и лишь в крайнем случае – это дело Министерства народного просвещения и попечителя учебного округа³⁵. Этим же взглядам он продолжал придерживаться и на посту попечителя Казанского учебного округа.

Возможно, что на такие установки в отношении университета и студентов повлияли студенческие волнения 1861 г. против новых правил, запрещавших студенческие организации. Особенно бурно волнения проходили в столичных университетах, сопровождаясь неповиновением студентов начальству, сходками и демонстрациями. В этих условиях П.Д. Шестаков пытался успокоить студентов и заставить их разойтись, что бы не доводить дело до полиции, и серьезных последствий для студентов.

Как уже отмечалось, должность инспектора студентов была не по душе П.Д. Шестакову. Поэтому при первой же возможности он соглашается на перевод на должность инспектора казенных училищ Московского учебного округа. Практически сразу он был отправлен в инспекционную поездку по округу, и в Ярославле посетил старого своего учителя Я.И. Кубли, инспектора Демидовского лицея. Шестаков в этой поездке познакомился с дочерью Я.И. Кубли Анной, на которой женился в августе 1862 г.³⁶ Осенью 1862 г. он получает заграничную командировку сроком на 4 месяца с целью ознакомления с иностранными учебными заведениями, в основном со школами и гимназиями. В ходе своей командировки он посещает Германию, Францию, Швейцарию. Сохранившееся в «Дневнике» воспоминания об этой поездке

---

³⁴ Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 199.

³⁵ Там же. Л. 18.

³⁶ Шестаков П.Д. Дневник. Л. 19.

касаются в основном культуры и природы посещенных стран, о постановке среднее образования в этих странах записей нет³⁷.

По возвращении из поездки Петра Дмитриевича ждал новый сюрприз: назначение на должность помощника попечителя Казанского учебного округа. В своем «Дневнике» он подробно описывает то, как он узнал о назначении на эту должность. В марте 1863 г. он был вызван в Петербург к министру народного просвещения А.В. Головину, который предложил П.Д. Шестакову отправиться в Казань помощником попечителя учебного округа. Петр Дмитриевич отмечал в «Дневнике», что это предложение было для него неожиданным: «Никогда в самых лучших мечтаниях своих я не долетал до такого места, никогда не мечтал когда-либо о достижении такого положения: все, о чем я мечтал, умереть на месте директора одной из московских гимназий. Понятно, что предложение министра меня поразило. И было очень лестно для моего самолюбия»³⁸.

М. Корбут считает, что выдвинуться П.Д. Шестакову помогли «его умелые мероприятия в борьбе со студенческим движением в Московском университете, на посту инспектора студентов, но отнюдь не его происхождение, которое не давало ему никаких “прав” на занятие поста попечителя»³⁹. Исследователь прав в том, что административный талант Петра Дмитриевича помог сделать карьеру в столь короткий срок, но не нужно забывать, что не последнюю роль в этом играло и то, что его взгляды на образование совпадали с линией правительства, это касается и отношения П.Д. Шестакова к роли древних языков в деле воспитания юношества, и в его уважительном отношении к университету, автономность которого он всегда отстаивал. В этом плане он хорошо подходил на должность попечителя округа, когда необходимо было вводить новый университетский устав, дававший большую автономность университетам. Кроме того, претендентами на должность попечителя учебного округа «становились люди, либо вышедшие из университетской среды, либо близко к ней стоявшие»⁴⁰, что также не могло не содействовать назначению П.Д. Шестакова на эту должность.

В мае 1863 г. П.Д. Шестаков приезжает в Казань. С января 1864 г. он исполняет обязанности попечителя округа, так как попечитель Стендер сначала уезжает в Петербург, затем, не возвращаясь в Казань, на лечение за границу. В феврале 1865 г. Петр Дмитриевич

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 20.

³⁹ Корбут М.К. Казанский университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30. Т.1. Казань, 1929. С. 194.

⁴⁰ Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 191.

назначается на должность попечителя Казанского учебного округа. Обстоятельства, в которых Петр Дмитриевич принял управление округом, были очень трудны и требовали от попечителя большого административного таланта и преданности делу образования. Именно П.Д. Шестакову пришлось вводить университетский устав 1863 г. Управление округом требовало учета интересов многих сторон, умения лавировать между различными группировками в обществе, реализации правительственной политики.

Устав 1863 г. заметно ослабил контроль и опеку над университетами. Авторы «Истории Казанского университета» отмечают, что «таким образом, был сделан первый крупный шаг в направлении к полному самоуправлению в университетах России»⁴¹. Необходимо подчеркнуть, что П.Д. Шестаков был приглашен на должность попечителя либеральным министром А.В. Головиным, разрабатывавшим и вводящим устав, а так же то, что он был убежденным сторонником реформ Александра II. Именно эти обстоятельства и определили во многом характер и направления деятельности Петра Дмитриевича на посту попечителя.

В своей деятельности на посту попечителя П.Д. Шестаков большое внимание уделял начальным и средним заведениям округа. По его инициативе стали проводиться съезды учителей округа, а в «Циркуляре Казанского учебного округа» стали печатать не только приказы и распоряжения по учебному округу, но и статьи по педагогике, методике преподавания, материалы педсоветов гимназий и училищ. По мнению Шестакова, это должно было способствовать повышению квалификации учителей, распространению передовых педагогических идей в среде провинциального учительства. При историко-филологическом и физико-математическом факультетах Казанского университета была учреждена семинария по подготовке учителей. Для них с разрешения Шестакова была введена практика в гимназиях⁴².

В июле 1866 г. в Казани прошел съезд учителей русского языка и словесности гимназий Казанского учебного округа. Цель этого съезда сформулировал в своей вступительной речи П.Д. Шестаков: «установить по возможности твердую программу для преподавателей русского языка и словесности, чтобы пресечь ненужные эксперименты», результатом которых стала плохая грамотность учащихся и их «верхоглядство» в литературе, и «очертить для преподавания русского языка и русской словесности ясные рамки, в которые вошло бы только

---

⁴¹ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 129.

⁴² Утробина И.В. Педагогическое образование в Казанской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв. С. 152–154.

необходимое, служащее к основательному изучению преподаваемого вами предмета и к развитию умственной и нераздельно с ней нравственной стороны учащихся»⁴³. Съезд проходил в течение пяти дней. На нем обсуждались программы преподавания для каждого класса гимназии. Также были даны показательные уроки, программы и разбор которых напечатаны в приложениях к материалам съезда. В этих же приложениях помещены и программы по русскому языку и словесности⁴⁴.

Особо пристальное внимание Петр Дмитриевич уделял делам в Казанском университете, часто принимал участие в заседаниях Совета университета, особенно если они были посвящены обсуждению важных вопросов. В отношении университета Петр Дмитриевич считал необходимым строгое соблюдение положений Устава 1863 г., и недопущение излишнего, по его мнению, либерализма в стенах университета. Поэтому, по мнению современников и исследователей, он содействовал тому, чтобы во главе университета стояли исполнительные администраторы⁴⁵. Вместе с тем, он искренно переживал, когда в университете имели место раздоры среди профессоров, когда происходили студенческие волнения. Для П.Д. Шестакова важно было, чтобы профессорская корпорация выступала перед студентами как единое целое, так как только в этом случае она может иметь положительное влияние на студентов. Также одной из задач Казанского университета, по мнению П.Д. Шестакова, было распространение знаний в учебном округе, а для этого необходимо было оградить университет от внутренних раздоров. При решении практически всех вопросов, касающихся университетской жизни, П.Д. Шестаков опирался на ректора и Совет университета, которые обладали по Уставу 1863 г. немало административной самостоятельностью. Поэтому Петра Дмитриевича беспокоили разногласия среди профессоров.

После выстрела Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. министр А.В. Головин был отправлен в отставку. Министром народного просвещения был назначен граф Д.А. Толстой. Новый министр сразу же взял курс на отмену устава. В начавшейся борьбе между новым министром и либеральной профессурой многое зависело от общественно-политических позиций попечителей учебных округов, университет-

---

⁴³ Съезд учителей русского языка и словесности в гимназиях Казанского учебного округа в Казани в июле 1866 г. Казань, 1866. С. 4.

⁴⁴ См.: Съезд учителей русского языка и словесности в гимназиях Казанского учебного округа в Казани в июле 1866 г. Казань, 1866. Приложения I – X.

⁴⁵ См.: *Корбут М.К.* Казанский университет. Т.1. С. 194; Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 79; Ректоры Казанского университета, 1804 – 2004 гг.: Очерки жизни и деятельности. Казань, 2004. С. 130; История Казанского университета. Казань, 2004. С. 134.

ских Советов, ректоров и профессоров. Как искренний сторонник Устава 1863 г. П.Д. Шестаков защищал этот устав от посягательств министра народного просвещения Д.А. Толстого и влиятельного консервативного журналиста М.Н. Каткова. В.В. Астафьев и Ю.И. Смыков в «Истории Казанского университета» очень высоко оценивают эту сторону деятельности П.Д. Шестакова, они считают, что «именно благодаря решительной позиции таких попечителей учебных округов, как Шестаков, Устав 1863 г. вплоть до 1884 г. оставался в силе в основных своих положениях». В отстаивании Устава 1863 П.Д. Шестаков мог опереться на ректоров университета⁴⁶.

В 1866 г. П.Д. Шестаков с графом Д.А. Толстым совершал инспекционную поездку по Казанскому учебному округу. Петр Дмитриевич сошелся с Д.А. Толстым во взглядах на образование. Как вспоминает сам П.Д. Шестаков, это выразилось в следующем: «изучение родного языка должно предшествовать изучению иностранного, а при изучении иностранных языков в начале упор делать на чтении»⁴⁷. Они вполне сошлись в своем отношении к классической системе обучения, в центре которой находились древние языки и математика.

Д.А. Толстой считал его «образцовым попечителем»⁴⁸, о чем он сообщил в докладе Александру II после инспекционной поездки. Причем, выписку с характеристикой Д.А. Толстой прислал Петру Дмитриевичу, который приложил ее к своему дневнику, который стал вести с момента приезда в Казань. В своем докладе Д.А. Толстой так характеризует Петра Дмитриевича: «Он вполне соответствует занимаемой должности... Кроме того, он умен, обладает тактом и сметливостью, весьма деятелен, тверд характером, и, когда нужно, энергичен. Я не сомневаюсь, что с таким Попечителем мне удастся со временем искоренить в заведениях этого округа те дурные элементы, которые насаждены в нем в прежнее время»⁴⁹.

В своих воспоминаниях П.Д. Шестаков отмечает то большое влияние, которое оказывали на Д.А. Толстого М.Н. Катков и М.П. Леонтьев, им во многом удавалось убедить министра, а он, по словам Шестакова, «раз убедившись – верен убеждению». В целом

---

⁴⁶ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 134-135.

⁴⁷ Шестаков П.Д. Граф Д.А. Толстой как министр народного просвещения // Русская старина. 1891. Т. 69. Кн. 2. С. 398.

⁴⁸ Толстой М.В. «Шестаков» – некролог // ОР РГБ. Ф.433. Картон.1. Ед. хр. 20. Л. 4об.

⁴⁹ Переписка П.Д. Шестакова. 1855 – 1889 гг. // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 8149. Л. 21 – 21 об.

Петр Дмитриевич высоко оценивает деятельность Д.А. Толстого на посту министра народного просвещения⁵⁰.

Административная деятельность не препятствовала занятию Петра Дмитриевича наукой. Будучи инспектором студентов в Московском университете, он перевел с греческого несколько трагедий Еврипида, которые впоследствии публикует в «Ученых записках» Казанского университета.

Являясь попечителем, он принимает участие в работе научных съездов, проводимых в Казани, и научных обществ. Особенно активное участие он принял в подготовке и работе IV археологического съезда в 1877 г. Работа по его подготовке началась в 1876 г. Был создан Предварительный комитет под председательством графа А.С. Уварова. Заседания комитета касались организационных вопросов. Вскоре выяснилось, что «в виду необходимости сосредоточения своей главной деятельности в Казани» комитетом было принято решение избрать еще одного председателя в лице попечителя Казанского учебного округа Петра Дмитриевича Шестакова⁵¹. Секретарем предварительного комитета в Казани был профессор Казанского университета Д.А. Корсаков, к участию в обсуждении организации съезда и его программы привлекались профессор и преподаватели Казанского университета, Казанской духовной академии, преподаватели гимназий и училищ Казани, мусульманское духовенство и татарские просветители, представители городского управления⁵².

Сам съезд проходил в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. На открытии съезда Петр Дмитриевич произнес речь, в которой говорил о необходимости изучать местные древности и историю Поволжья, о сохранении памятников старины и архивов, о развитии археологической науки о ее задачах⁵³.

На съезде П.Д. Шестаков был председателем секции исторической географии и этнографии, на заседаниях которой он также сделал три доклада. Первый касался истории болгарского города Маджара. Для восстановления истории этого города он привлекает византийские источники (хроника Феофана) и русские летописи. Доклад вызвал бурную дискуссию по вопросу о финно-угорском элементе в Булгарском государстве. Второй доклад был посвящен вопросу о зырянской или пермской азбуке Св. Стефания Великопермского. В нем

---

⁵⁰ Шестаков П.Д. Граф Д.А. Толстой как министр народного просвещения // Русская старина. 1891. Т. 69. Кн. 2. С. 399; Т. 70. Кн. 4. С. 192.

⁵¹ Извлечения из протоколов заседаний предварительного комитета. Казань, 1877. С. 5.

⁵² См. архивные материалы Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете хранящиеся в ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 9261. Л. 18 – 22.

⁵³ Труды IV Археологического съезда. Т.1. Казань, 1877. С. 26-28.

Петр Дмитриевич приходит к выводу, что книги эти существовали, однако к настоящему времени они утрачены. Свои выводы он основывает на устном предании зырян, где сохранились сведения о книгах, но говорить об их изъятии еще в XVIII в. Третий доклад содержал сведения о взаимовлиянии языков, в частности русского и татарского.

Доклады Петра Дмитриевича и дискуссии по их поводу были опубликованы в «Трудах IV Археологического съезда»⁵⁴. Все эти исследования показывают прекрасную подготовку П.Д. Шестакова как филолога. Во всех он большое внимание уделяет именно филологической стороне вопроса, особенно это прослеживается при построении линий доказательств, хотя для доклада о болгарском городе он привлекает и обширный археологический материал.

На съезде профессорами Д.А. Корсаковым и С.М. Шпилевским была высказана идея о необходимости иметь в Казани общество, которое бы поставило своей целью изучение местного края. Это предложение было поддержано делегатами съезда, тогда же развернулась бурная дискуссия по вопросу о целях общества и о его программе. П.Д. Шестаков заявил о своем сочувствии идее организовать общество по изучению местного края и предложил собрать подписи в поддержку основания в Казани Общества археологии, истории и этнографии.

С августа 1877 г. шла выработка Устава общества и переписка с Министерством народного просвещения об основании общества. Устав общества был утвержден министром народного просвещения в марте 1878 г. Главная цель общества определялась в уставе как «изучение прошлого и настоящего русского и инородческого населения в территориях бывших Булгаро-хазарского и Казанско-астраханского царств, с прилегающими к ней местностями»⁵⁵.

Организационное собрание общества состоялось в мае 1878 г. На нем присутствовало 20 членов-учредителей. Председательствовал на этом собрании профессор казанского университета С.М. Шпилевский. Он зачитал собравшимся Устав общества и предложил избрать в соответствии с Уставом председателя общества. Напомнив присутствующим вклад Петра Дмитриевича Шестакова в организацию IV Археологического съезда и самого общества, Шпилевский предложил избрать его председателем. Предложение было принято единогласно. В соответствии с Уставом общества П.Д. Шестаков был из-

---

⁵⁴ Шестаков П.Д. 1) Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды IV археологического съезда. Т. 1. Казань, 1884.; 2) Где находятся книги, писанные зырянской или пермской азбукой, составленной св. Стефанием Великопермским? // Там же; 3) О влиянии русского языка на языки инородческие // Там же.

⁵⁵ Устав Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // ИОАИЭ. Т. 1. С. 7.

бран его председателем на два года⁵⁶. Впоследствии он еще дважды избирается на эту должность. С отставкой с поста попечителя казанского учебного округа П.Д. Шестаков слагает с себя обязанности председателя, о чем он уведомляет Общество письмом. Его отставка принимается, и он избирается в почетные члены общества⁵⁷.

В «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» П.Д.Шестаков опубликовал ряд статей по археологии и истории Волжско-Камского края, которые свидетельствуют о его желании лучше понять местные культурные условия для использования этого опыта в своей административно-педагогической деятельности. Но все же, в основе его внимания к истории местного края лежали и научные интересы. Так, в одном из выпусков «Известий» он публикует небольшую заметку по археологии – «Несколько слов о могильнике близ деревни Ананьино, в 4 верстах от г. Елабуги»⁵⁸. В ней он описывает предпринятые им раскопки могильника. Найденные при этом предметы он передает в музей Общества.

Живое участие принимает П.Д. Шестаков и в возникающих дискуссиях. Его замечания свидетельствуют о знакомстве не только с филологией, но и с историей и археологией на профессиональном уровне. Во время дискуссии о датировке каменных орудий, П.Д. Шестаков обратил внимание присутствующих членов общества, что крестьяне и теперь иногда употребляют каменные орудия, поэтому очень важно учитывать, где найдено орудие, и что его окружает.

Принимал он участие в обсуждении проблем образования инородцев. В одном из таких обсуждений он высказал возможность использования дополнительных значков к русским буквам, чтобы они правильно передавали звук инородческого языка. Эта точка зрения была высказана Шестаковым в противоположность мнению, что русская азбука должна использоваться без каких-либо дополнений. С филологической стороны мнение Петра Дмитриевича было более правильным, к тому же в вопросе образования инородцев и в деле русификации местного населения он предлагал быть очень осмотрительными.

Как председатель Общества и как попечитель Казанского учебного округа, Петр Дмитриевич принимал активное участие в сохранении памятников старины, в частности, Булгарского ансамбля, которому грозило разрушение от местных жителей, использовавших его камень

---

⁵⁶ Протоколы заседаний Общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. Т. I. С. 16.

⁵⁷ Протоколы заседаний Общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. Т. V. С. 32,33.

⁵⁸ Шестаков П.Д. Несколько слов о могильнике, находящемся близ деревни Ананьинской, в четырех верстах от г. Елабуги // ИОАИЭ. 1879. Т. 2. С. 72–73, 128–134.

для хозяйственных построек. Переписка с различными министерствами и ведомствами об остатках зданий в городе Булгар велась в 1879–1880 гг. В результате в октябре 1880 г. комплекс зданий был передан в ведение Общества археологии, истории и этнографии⁵⁹. По предложению П.Д. Шестакова был составлен подробный акт о состоянии зданий. Передача Булгарского ансамбля в ведение Общества способствовало сохранению этого памятника булгарского зодчества и его изучению⁶⁰. В последствии еще в течение нескольких лет велась переписка «об исходотайствовании субсидий на поддержание Булгарских памятников». В результате Обществу было выделено 300 руб. в год на содержание Булгарских развалин⁶¹.

Продолжал Петр Дмитриевич заниматься и древними языками, несмотря на огромный объем административной и общественной работы. Он публикует в «Ученых записках» Казанского университета свои переводы с древнегреческого: в 1865 г. трагедию Еврипида «Медея», в 1870 г. – трагедию Еврипида «Гипполит, венки несущий», в 1876 – трагедию Еврипида «Троянки», последнюю он перевел, уже живя в Казани. В «Дневнике» Петра Дмитриевича сделана запись, что занимался он и переводом «Киропедии» Ксенофонта⁶². В этот же период его привлекают и византийские источники, в большей мере, хроники, которые он называет «мало кому знакомым миром»⁶³. Его интерес к ним не был случайностью: для исследования истории Волжской Булгарии необходимо было привлечь весь комплекс известных и доступных источников.

Одним из таких источников и становятся для Петра Дмитриевича византийские хроники. Свою любовь к ним он смог передать своему старшему сыну Сергею. Он сумел увлечь его византийскими хрониками, раскрыть перед ним весь их прекрасный мир. Часто отец и сын беседовали об изучении византийских хроник. Это увлечение византийскими хрониками стало со временем преобладающим в научном творчестве Сергея Петровича, впоследствии профессора Казанского университета и члена-корреспондента Российской Академии Наук.

---

⁵⁹ Письмо Министру народного просвещения А.С. Уварову // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 9701. Л. 1.

⁶⁰ Протоколы заседаний общества археологии, истории и этнографии // ИОИАЭ. Т. IV. С. 23.

⁶¹ Отношения г. Сенатору, ревизующему Казанскую губернию // ОРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 9264. Л. 1.

⁶² *Шестаков П.Д.* Дневник. Л. 44. Рукописи перевода не сохранились. Возможно, они остались у старшего сына Петра Дмитриевича – Сергея Петровича, а архив последнего не сохранился.

⁶³ Там же. Л. 1105.

Особое место в творчестве П.Д. Шестакова занимает педагогика. Он опубликовал множество статей на различные педагогические темы. Плодотворным в этом отношении был период пребывания Петра Дмитриевича в Москве, 1859-1862 гг. В статьях этого периода подробно рассматривается постановка преподавания и обстановка в училищах и гимназиях. Он считает, что открытие новых учебных заведений должно происходить по инициативе общества, а не государства, но последнее должно создавать условия, при которых общество пришло бы к мысли о выгодности образования.

Главным в процессе обучения он считал научить детей самостоятельно мыслить, понимать то, что они изучают. Он обращал внимание, что предметы и методы должны соответствовать возрасту учащихся. Учеников нельзя перегружать предметами, это не принесет им ничего хорошего. Кроме того, он считал, что только тогда ученики будут хорошо учить предмет, когда учитель сможет их заинтересовать их этим предметом.

Одним из средств в формировании самостоятельного мышления он видел древние языки, и в этом вопросе, как уже отмечалось, Петр Дмитриевич сходиллся с министром народного просвещения Д.А. Толстым⁶⁴. Но если в 60-х – 70-х годах XIX в. П.Д. Шестаков, как и Д.А. Толстой, считал что изучение древних языков отвлечет юношество от увлечения идеями социализма, то в конце 80-х годов XIX в. Петр Дмитриевич уже не приписывал древним языкам таких свойств⁶⁵.

Особенно его интересовало преподавание языков и истории. По мнению Петра Дмитриевича, обучение следовало начинать с родного языка, затем давать новые языки, и лишь потом древние. Последние не должны занимать много часов в курсе гимназического образования, поэтому П.Д. Шестаков выступал противником увеличения количества часов на древние языки в гимназиях. Преподавание языков, и древних, и новых в гимназиях должно быть живым, интересным познавательным. Он призывал больше внимания уделять преподаванию новых языков, так как они могут пригодиться в жизни. Сам он очень жалел, что в юности не тренировался говорить на иностранных языках, и что это вызвало некоторые затруднения во время заграничной командировки⁶⁶.

---

⁶⁴ Шестаков П.Д. Граф Д.А. Толстой как министр народного просвещения. С. 398. См. также: Талашова Н.С. Ученые-антиковеды России: попытки спасти страну на рубеже XIX – XX веков // Талашова Н.С. Избранные труды. Т. 1. Иваново, 2001. С. 363.

⁶⁵ Шестаков П.Д. Граф Д.А. Толстой как министр народного просвещения // Русская старина. 1891. Т. 69. Кн. 2. С. 388.

⁶⁶ Шестаков П.Д. Моя автобиография // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 7.621/1. Л. 19.

В ряде статей и особенно в опубликованных воспоминаниях Петр Дмитриевич останавливает свое внимание на воспитании студентов. Отношение к студентам должно быть, по его мнению, уважительным и честным. Нельзя на юношей 17–21 года смотреть как на детей и держать их по-детски; с другой стороны непростительно, по мнению П.Д. Шестакова, требовать от них «благоразумия и умеренности совершенно зрелого возраста»⁶⁷. Большое значение в деле воспитания студентов, по его мнению, имеет корпорация профессоров. Перед лицом студентов профессорская корпорация должна быть единой, тогда только она может показать студентам нравственный пример. П.Д. Шестаков был искренно убежден в том, что чем больше студенты будут заняты учебой, тем лучше для них и для университета, поэтому он приветствовал решение Совета университета об обязательном посещении студентами лекций, принятое в июне 1871 г.⁶⁸

Важное место в творчестве и деятельности П.Д. Шестакова занимает инородческое образование. В конце 60-х гг. XIX в. вопрос об образовании инородцев стал обсуждаться в министерстве народного просвещения. Д.А. Толстым было затребовано мнение по этому вопросу попечителей Казанского и Одесского учебных округов, на территории которых проживало много инородцев. Также министерством рассматривалась организация школ для местного населения в Индии и во французском Алжире⁶⁹.

П.Д. Шестаков направил в министерство представление, названное «Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа»⁷⁰. В этом представлении Петр Дмитриевич исходит из того, что «религия, исповедуемая инородцами, налагая определенную печать на самый быт народа, должна занимать едва ли не главное место при решении вопроса о системе образования», в этой связи он выделяет три группы инородцев – христиан, язычников, мусульман – и намечает меры по их образованию, под которым он понимает приобщение инородцев к русской и западной культуре. Признавая, вслед за правительством, в качестве конечной цели образования инородцев их «обрусение и слияние с народом русским», П.Д. Шестаков предлагает начать с просвещения инородцев на их родном языке в специально созданных для них школах, при чем учителей для этих школ также следует готовить из инородцев: учитель-инородец внушает больше доверия. В то же время Петр

---

⁶⁷ Шестаков П.Д. Дневник. Л. 45.

⁶⁸ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 157.

⁶⁹ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802 – 1902. СПб., 1902. С. 593.

⁷⁰ Шестаков П.Д. Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа. Казань, 1869.

Дмитриевич предостерегает от насильственных мер как в системе образования (не загонять в школы насильно), так и в религиозном просвещении (не вести открытую религиозную пропаганду), особенно это касается мусульман⁷¹. Поэтому он оказывал поддержку школе Н.И. Ильминского, в которых велось обучение инородцев на их родном языке.

Для нас важным является тот факт, что, поддерживая в целом политику русификации инородческого населения Казанского учебного округа, Петр Дмитриевич был противником прямолинейности и насилия в этом вопросе. По его мнению, делать это необходимо посредством осторожной образовательной политики.

В начале февраля 1870 г. в министерстве народного просвещения состоялось специальное заседание, на котором обсуждался вопрос об организации образования инородцев. На него были приглашены попечители Казанского и Одесского учебных округов и директор Департамента духовных дел иностранного вероисповедания граф Сиверс.

Совещание выработало систему образования инородцев. Она в целом совпадала с взглядами П.Д. Шестакова на этот вопрос. Эта система распадалась на две подсистемы: для инородцев-христиан и для исповедующих ислам. «Меры для образования второй группы инородцев, татар-магометан, должны отличаться особой осторожностью», «лишь путем распространения русского языка и образования, с устранением всех таких мер, которые могли бы породить опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от их веры», такая рекомендация была записана в Журнале заседаний Совета⁷². По решению Совещания в Казани учреждались Учительская семинария и учительская школа. На этом же совещании П.Д. Шестаков предложил графу Д.А. Толстому перевести все инородческие школы в ведение Министерства народного просвещения⁷³.

В соответствии с решениями заседания 26 октября 1872 г. в Казани была открыта Казанская учительская семинария при непосредственном содействии попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова⁷⁴, готовившая учителей для инородческих школ.

Однако в начале 1880-х годов положение П.Д. Шестакова на посту попечителя несколько пошатнулось. В июле 1879 г. были приняты новые правила для студентов и временная инструкция для инспек-

---

⁷¹ Там же. С. 12, 20, 21, 25–29.

⁷² *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802 – 1902. СПб., 1902. С. 594.

⁷³ Там же. С. 595.

⁷⁴ *Утробина И.В.* Педагогическое образование в Казанской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв. С. 104.

ции, которые усилили административный нажим на студенчество, что создало напряженную обстановку в университетах. В мае 1881 г. Государственный совет по предложению либерального министра народного просвещения барона А.П. Николаи отменил действие правил и инструкции, но напряжение в университетах не спадало. А в марте 1882 г. А.П. Николаи был заменен Д.И. Деляновым, известным своими консервативными взглядами, и правительственная политика в области образования вновь резко изменилась. Министерством Делянова были выработаны новые правила поведения студентов и усилены репрессивные меры против студентов, замеченных в политических беспорядках, ужесточены требования к дисциплине. Правила были введены в действие с 1882/1883 учебного года. В то же время шла подготовка к пересмотру устава 1863 г., который не устраивал правительство как слишком либеральный.

В этих условиях П.Д. Шестаков уже не устраивал И.Д. Делянова, а взгляды Петра Дмитриевича на образование стали казаться либеральными и не отвечали новой политике правительства в области образования, направленной на пересмотр Устава 1863 г., который так старательно защищал Петр Дмитриевич.

В 1882 г. против П.Д. Шестакова была начата кампания как против либерального (!) попечителя. Предлогом оказалась речь Петра Дмитриевича, произнесенная на годичном акте во 2-й Казанской гимназии в конце августа 1882 г., когда гимназистам вручались награды и аттестаты⁷⁵. Эта речь была навеяна статьями в «Московских ведомостях», направленных против университетского Устава 1863 г.⁷⁶, который П.Д. Шестаков старался защищать всеми силами, и предназначалась для сына Петра Дмитриевича – Сергея, окончившего в 1882 г. гимназию с золотой медалью и собиравшегося поступать в университет. Для Петра Дмитриевича было важно, чтобы сын с уважением относился к профессорам и университету. Сам с уважением и любовью относившейся к университету, Петр Дмитриевич хотел того же от сына, которого он видел ученым⁷⁷.

«В последнее время даже серьезные органы печати массу обвинений обрушили на профессоров и университетские порядки. Печатаются об университетах обличительные статьи даже за подписью “студент”, следовательно обвинения идут как будто и от студентов.

---

⁷⁵ Речь П.Д. Шестакова была опубликована в газете «Волжско-Камское слово». См.: Волжско-Камское слово. 1882. № 179.

⁷⁶ См.: передовые статьи «Московских ведомостей» в № 166 от 17 июня 1882 г.; № 180 от 1 июля 1882 г.; № 182 от 3 июля 1882г. В них редакция выступала против Устава 1863 г., считая его слишком либеральным и требовала подчинить университеты правительству, то есть отменить университетскую автономию.

⁷⁷ См.: Шестаков П.Д. Дневник. Записи за 1882 – 1886 гг.

Грустно это безоглядное бросание камней в высшие учебные заведения, на которые в наше время, когда мы учились, все – и общество, и учащиеся смотрели с некоторого рода pietas. А теперь пожалуй иной молодой человек, начитавшись нападений на университеты и профессоров, внесет в университет не прежнюю нашу pietas, любовное, благоговейное чувство, а дух критики и отрицания достоинства своих будущих наставников. Да не будет так с вами!» – говорил в своей речи П.Д. Шестаков⁷⁸. В своей речи Петр Дмитриевич обращал внимание будущих студентов на то, что «умственный и нравственный рост университета зависит и от профессоров, и от студентов», а значит и от них зависит состояние университета. П.Д. Шестаков считал, что массивная критика университетских порядков и профессоров подрывает уважение молодежи к профессорам и университету и «играет на руку политическим агитаторам, стремящимся возбудить волнения в высших учебных заведениях» и призывал своих слушателей не примыкать к этим агитаторам⁷⁹. В этой речи П.Д. Шестаков снова проводил мысль о том, что политике не место в университетах.

На речь последовала гневная статья в «Московских ведомостях»⁸⁰, в которой попечитель Казанского учебного округа был обвинен в попустительстве гимназиям и университету, от чего там не было порядка. «Правительство, по видимому, готовится к необходимой реформе, имеющей целью прекратить фальшивое положение университетов, образовавшееся в начале 60-х годов, поставить их в правильное отношение к государству, водворить в них дух науки, освободить профессорские коллегии от тирании партий и очистить от посторонней примеси отношения наставников и учащихся», писали «Московские ведомости» в сентябре 1882 г. Редакция «Московских ведомостей» выступала за повышение роли государственной власти в управлении университетами и за отмену университетской автономии. П.Д. Шестаков, напротив, выступал за сохранение этой автономии, именно это и не понравилось редакции «Московских ведомостей».

В «Волжско-Камском слове» был опубликован ответ П.Д. Шестакова на статью «Московских ведомостей», в котором он осуждал позицию передовицы «Московских ведомостей»⁸¹. Сочувственно к речи попечителя отнеслись либеральные издания, например «Вестник Европы», в котором отмечалось, что замена одного

---

⁷⁸ Речь П.Д. Шестакова // Волжско-Камское слово. 1882. № 179.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Московские ведомости. 1882. № 258. от 17 сентября. С. 2.

⁸¹ Волжско-Камское слово. 1882. № 200.

университетского устава другим может и не привести к нужному результату⁸².

Напряженность в университетах осенью 1882 г. усилилась, и достаточно было одного неосторожного поступка со стороны университетской администрации, чтобы вызвать студенческие волнения. Таким поступком, по-видимому, явилось решение правления университета лишить студента 2 курса медицинского факультета Воронцова стипендии, как имеющего задолженность по курсовому экзамену. 28 октября 1882 г. Воронцов попытался ударить по лицу проректора Н.А. Фирсова, когда тот вошел в аудиторию читать лекцию первому курсу историко-филологического факультета. От дальнейших действий его удержали сами студенты, но Воронцов обозвал Фирсова «подлецом и негодяем». В тот же день Совет университета исключил Воронцова из числа студентов Казанского университета. Дело Воронцова было передано в университетский суд. Однако ни правление, ни попечитель П.Д. Шестаков не предполагали, какой резонанс вызовет поступок Воронцова в студенческой среде. Уже на следующий день в университете собралась группа студентов, выражающая недовольство исключением Воронцова. Студенты ворвались в актовЫй зал, где после бурных обсуждений выработали петицию, в которой высказывались требования отстранить профессора Н.А. Фирсова от должности проректора и восстановить Воронцова, предоставить студентам право самим распределять стипендии и иметь право собраний. В тот же день Совет прекратил чтение лекций, а специальная комиссия под председательством П.Д. Шестакова приступила к расследованию этого инцидента. По докладу комиссии Совет исключил из университета 20 студентов, 12 человек были временно отстранены от занятий, 52 студентам было объявлено особое порицание, 104 – просто порицание⁸³.

П.Д. Шестаков остался недоволен таким решением Совета, как слишком либеральным. На Совете обнаружилось и противостояние среди профессуры, что не дало Шестакову «возможности строго спросить с зачинщиков этих беспорядков», как запишет он в дневнике⁸⁴. Позже, уже в отставке Шестаков в своих воспоминаниях, имея виду события в университете осенью 1882 г., напишет, что разлад между профессорами может угрожать спокойствию университета⁸⁵.

---

⁸² Вестник Европы. 1882. октябрь; декабрь. С. 948—958.

⁸³ Шестаков П.Д. О студенческих волнениях в Казани в 1882 г. // Русская старина. 1888. Кн. 12. С. 649—670; 1889. Кн. 1. С. 113—130.

⁸⁴ Шестаков П.Д. Дневник. Л. 950.

⁸⁵ Шестаков П.Д. О студенческих волнениях в Казани в 1882 г. // Русская старина. 1889. Кн. 1. С. 121.

После этих волнений в начале декабря П.Д. Шестаков записывает в своем дневнике: «Я решил поступить так: если бог благословит спокойствием и миром Казанский университет до самого праздника, то после нового года числа 3-4-го января подать министру свое прошение об отставке». Петр Дмитриевич собирался уйти в отставку по состоянию здоровья, на которое он неоднократно жаловался⁸⁶. «Довольно послужил. Можно удаляться на покой. Жаль, правда, что не ушел я несколько раньше, что приходится удаляться после университетских беспорядков: могут и с полным основанием сказать, что я удален за беспорядки, но пусть говорят, а отдохнуть и успокоиться после таких тревожных следствий следует», – писал П.Д. Шестаков в дневнике⁸⁷.

Однако отставка означала и существенное сокращение семейных доходов. Если годовой доход П.Д. Шестакова до отставки составлял около 6000 руб., то после отставки он мог рассчитывать примерно на половину этой суммы. Петр Дмитриевич несколько раз в дневнике просчитывает возможные доходы и расходы семьи и записывает «с отставкой придется сократить расходы. Не хотелось бы причинить семье неудобство своей отставкой в денежном вопросе»⁸⁸. У Петра Дмитриевича было четверо детей: старшая дочь Александра к этому времени только что окончила гимназию, Сергей, который только поступил в университет, младшие Надежда и Дмитрий учились в гимназии. Поэтому вопрос об отставке решался на семейном совете и был решен положительно.

4 января 1883 г. П.Д. Шестаков подает прошение об отставке. Сведения об оставлении Петром Дмитриевичем поста попечителя сразу же стали известны казанской общественности. И 16 января П.Д. Шестаков записывает в свой дневник: «Теперь профессора говорят, уже начинают жить, что я выхожу и характеризуют мое управление университетом как конституционное, опирающееся на Устав 1863 г. Вот куда пошло!»⁸⁹. Но до июня 1883 г. ответа из министерства не было. В это время в Петербурге полным ходом шла подготовка нового университетского устава, консервативного по своему духу и, естественно, такой убежденный сторонник либерального Устава 1863 г. правительству и новому императору Александру III был уже не нужен. Поэтому в начале июня 1883 г. Александр III подписывает указ об отставке П.Д. Шестакова с поста попечителя Казанского учебного округа. Однако Петр Дмитриевич узнал об этом только 19 июня 1883 г. из

---

⁸⁶ Шестаков П.Д. Дневник. Л. 958. См.: также записи за 1881–1882 гг.

⁸⁷ Там же. Л. 958.

⁸⁸ Там же. Л. 1001.

⁸⁹ Там же. Л. 1016.

письма к нему министра народного просвещения И.Д. Делянова. «Наконец долгодвигавшийся вопрос об оставлении мною службы определен сегодня положительно», – записал в дневнике Петр Дмитриевич после получения письма от министра народного просвещения И.Д. Делянова⁹⁰.

Указ об отставке был получен в Казани 25 июня 1883 г. П.Д. Шестакову была назначена пенсия 2800 руб. в год и 700 руб. «личной прибавки» из сумм Государственного казначейства ежегодно⁹¹.

По словам А.С. Рождествина, Петр Дмитриевич прекратил после отставки всяки официальные отношения с Министерством народного просвещения, но продолжал живо интересоваться состоянием народного образования⁹². Сразу после отставки с поста попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестаков подает прошение об отставке его с поста председателя Общества археологии, истории и этнографии. Его прошение было удовлетворено. Тогда же П.Д. Шестаков был избран почетным членом общества. Петра Дмитриевича продолжает интересоваться работа Общества археологии, истории и этнографии, он получает отчеты о работе общества, издания его трудов⁹³. Ему продолжали писать его бывшие подчиненные, поздравляя с праздниками или прося помощи в служебных делах⁹⁴. В ОРПК НБЛ КГУ хранится письмо от Московского археологического общества по поводу организации VIII Археологического съезда (предполагаемого в январе 1890 г.), датированное 1888 г., в котором П.Д. Шестакова просят прислать вопросы и «запросы, разрешение которых было бы по Вашему мнению важно и необходимо в интересах как археологической, так и исторической науки»⁹⁵.

В начале 1884 г. Совет Казанского университета принял решение повесить портрет П.Д. Шестакова в Актовом зале Казанского университета, о чем Петру Дмитриевичу сообщил Н.Н. Булич⁹⁶. Продолжал Петр Дмитриевич общаться и с некоторыми профессорами университета, особенно близкие отношения у него были с профессором Н.А. Фирсовым⁹⁷.

---

⁹⁰ Там же. Л. 1067.

⁹¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15595. Л. 2,9.

⁹² *Рождествин А.С. Указ. соч. С. 138.*

⁹³ Извещения о заседаниях совета Общества // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 9261. Л. 27, 28.

⁹⁴ См. переписку за 1883– 1889 гг.: Переписка П.Д. Шестакова. 1855 – 1889 гг. // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 8149.

⁹⁵ Переписка П.Д. Шестакова. 1855 – 1889 гг. // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 8149. Л. 350.

⁹⁶ Переписка П.Д. Шестакова. 1855 – 1889 гг. // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 8149. Л. 310.

⁹⁷ См. *Шестаков П.Д. Дневник.*

В это период П.Д. Шестаков публикует свои воспоминания, посвященные своим студенческим годам и студенчеству 1860-1880-х годов⁹⁸. В своих воспоминаниях о Московском университете 1840-х годов он большое место уделяет своим учителям и той атмосфере, которая царил в университете. Но большая часть опубликованных воспоминаний касается Казани и Казанского университета, который занимал большое место в жизни П.Д. Шестакова, о благополучии которого он всегда старался.

В своих воспоминаниях Петр Дмитриевич старается, как и в годы своего попечительства, представить университет с самой лучшей стороны, а все имевшие место волнения среди студентов обосновать внешним влиянием. «Я принадлежу к числу тех, кто видит причину студенческих волнений в политической интриге и крамоле, но я всегда был и теперь остаюсь в том убеждении, что студенты во время всех студенческих волнений “шумели за себя”, во имя своих интересов, шумели в полной уверенности, что они стоят за свое студенческое дело, и не помышляли о том, что действуют на руку крамольникам, и даже под их влиянием и по их катехизису», – писал Шестаков после волнений в Казанском университете в 1887 г.

В воспоминаниях П.Д. Шестаков пытается оправдать и свою политику в отношении Казанского университета. Он, по его словам, старался: «об установлении мира между профессорами, по крайней мере, настолько, чтобы происходящие между ними неизбежно споры и недоразумения не выходили вне стен Совета и не доходили до студентов, так как только единодушная профессорская корпорация может иметь на учащуюся молодежь нравственное влияние; о побуждении студентов к постоянным занятиям, для чего правилами Казанского университета восстановлены репетиции и переводные экзамены, производящиеся в порядке серьезно и строго, и о подчинении студентов правилам, внесшим мало-помалу, порядок в университетскую жизнь; о поднятии Казанского университета в глазах общества, начальства и государя»⁹⁹.

---

⁹⁸ *Шестаков П.Д.* 1) О студенческих волнениях в Москве 1861 года // Русская старина. 1888. Кн. X, XI; 2) О студенческих волнениях в Казани 1882 года // Русская старина. 1888. Кн. XII, 1889. Кн. I; 3) Первый год моей учительской службы // Волжский Вестник. 1889. № 272, 277, 281, 283; 4) Граф Д.А. Толстой как министр народного просвещения // Русская старина. 1891. Кн. II, IV; 5) Тяжелые дни Казанского университета // Русская старина. 1896. Кн. XII, 1897. Кн. I; 6) Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. Т.55; 7) Студенчество 1840-х годов // Русская старина. 1887. Т. 55. Воспоминания, опубликованные после 1889 г., были изданы благодаря стараниям С.П. Шестакова и А.С. Рождествина.

⁹⁹ *Шестаков П.Д.* Тяжелые дни Казанского университета // Русская старина. 1896. Т. 88. Кн. 12. С. 525.

Большое внимание он уделяет своим детям, их образованию и воспитанию. В «Дневнике» неоднократно находим записи бесед его с детьми, педагогические установки, которыми он руководствовался при их воспитании. Петр Дмитриевич занимался с детьми изучением языков, помогал им в приготовлении уроков. В этих записях можно проследить влияние Петра Дмитриевича на выбор его детьми профессии и увлечений. Больше всего в дневнике записей, касающихся старшего сына – Сергея. Петр Дмитриевич постоянно сравнивает младшего сына Дмитрия со старшим, еще меньше записей о дочерях Александре и Надежде. В мае 1885 г. П.Д. Шестаков делает в дневнике такую запись: «Экзамены Мити пошли также хорошо как Сережины»¹⁰⁰. Судьба старшего сына занимала Петра Дмитриевича больше всего. «Как было бы хорошо, если бы Серезу, по окончании университетского курса, оставили при университете, как профессорского кандидата. Профессура для него, по его характеру, самое подходящее занятие», – записывает П.Д. Шестаков в своем «Дневнике» в 1886 г.¹⁰¹ Именно под его влиянием Сергей выбирает греческую филологию как свою научную специальность¹⁰².

Дневник обрывается на феврале 1886 г., остальная часть не сохранилась. В журнале «Русская старина» за 1888 г., где печатал свои воспоминания П.Д. Шестаков, в примечании отмечено, что «Петр Дмитриевич ныне служит почетным мировым судьей»¹⁰³. В 1887 г. старшая дочь Александра вышла замуж за А.С. Рождествина, до смерти Петра Дмитриевича они жили в его доме. А.С. Рождествин питал искреннее уважение к личности Петра Дмитриевича. Именно его перу принадлежит биографический очерк П.Д. Шестакова. А.С. Рождествин с 1893 г. сотрудничал с газетой «Казанский телеграф», в которой печатал рецензии на книги и статьи С.П. и Д.П. Шестаковых, а также новости из Казанского университета, особенно касающиеся историко-филологического факультета.

П.Д. Шестаков умер в ноябре 1889 г. На гражданской панихиде профессором Казанского университета Н.А. Фирсовым была произнесена речь. Однако она не понравилась попечителю П.Н. Масленникову и поэтому не была напечатана в «Ученых записках Казанского университета». А.С. Рождествин с сожалением в своей работе указывает, что она потерялась, ходя по рукам¹⁰⁴.

---

¹⁰⁰ Шестаков П.Д. Дневник. Л. 1084.

¹⁰¹ Там же. Л. 1105 об.

¹⁰² Там же. Л. 1093-1105.

¹⁰³ См.: Шестаков П.Д. О студенческих волнениях в Казани в 1882 г. // Русская старина. 1888. Кн. 12. С. 649. примечание 1.

¹⁰⁴ Рождествин А.С. Указ. соч. С. 146.

Мнения современников и исследователей по поводу политики, проводимой П.Д. Шестаковым в Казанском учебном округе, несколько расходятся. М.В. Толстой в неопубликованном некрологе П.Д. Шестакова приводит мнение о нем министра А.Д. Толстого, который «считал Шестакова образцовым попечителем округа и высказывал, что было бы большим счастьем для развития просвещения в России, если бы можно было найти еще несколько таких попечителей»¹⁰⁵. Сам М.В. Толстой познакомился с Петром Дмитриевичем на Археологическом съезде в Казани, и эта встреча оставила у него самые благоприятные впечатления о П.Д. Шестакове¹⁰⁶. С.В. Смоленский, современник П.Д. Шестакова, оценивал его как «очень даровитого и деятельного администратора»¹⁰⁷.

По словам А.С. Рождествина, Петр Дмитриевич был умеренным консерватором, старался защищать школы и университет от нападков как слева, так и справа. «Будучи пламенным поклонником императора Александра II и убежденным сторонником великих освободительных реформ, – писал А.С. Рождествин, – Шестаков в продолжение всего своего попечительства был одним из самых мужественных стражей освобожденной от векового рабства родины, которую он самоотверженно охранял как от левых, так и от правых врагов мирного обновления России»¹⁰⁸. Поэтому П.Д. Шестакова можно назвать умеренным консерватором. В начале XX в. консерватизм трактовался как «стремление отстаивать существующее против всякого новшества, господствующие политические и социальные формы против стремлений к глубоким и широким преобразованиям, в особенности если они имеют революционный характер», тогда же подчеркивалось, что «умеренный консерватизм противится не реформам вообще, а только скороспелым преобразованиям или революционным способам их осуществления». В этой связи нередко употреблялся и термин «либеральный консерватизм»¹⁰⁹.

М.К. Корбут, хотя и относит П.Д. Шестакова к реакционерам, но считает его человеком эпохи. Такую же оценку деятельности П.Д. Шестакова дает Н.П. Муньков в статье о студенческих волнениях

---

¹⁰⁵ Толстой М.В. Шестаков – некролог // ОР РГБ. Ф.433. Картон.1. Ед. хр. 20. Л. 40б.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и Казанском университете в 60-х и 70-х годах // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни. Казань, 1904. С. 253.

¹⁰⁸ Рождествин А.С. Указ. соч. С. 79–80.

¹⁰⁹ Цит. по: Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова П.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 417.

1882 г.¹¹⁰ Однако уже в 1972 г. в статье, посвященной литературной деятельности Дмитрия Петровича, деятельность П.Д. Шестакова на посту попечителя Казанского учебного округа была названа прогрессивной¹¹¹.

В своей деятельности на посту попечителя учебного округа Петр Дмитриевич руководствовался курсом правительства в сфере образования, которое, с одной стороны, понимало необходимость реформ, а с другой, – боялось и самих реформ и их последствий. Однако сам П.Д. Шестаков разделял не все начинания правительства, и пытался отстаивать свое мнение. Именно это и привело к отставке в 1882 г., когда его взгляды на положение дел в университете кардинально разошлись с мнением министра народного просвещения. П.Д. Шестаков выступал за сохранение за университетами возможно более широкой автономии и невмешательство правительства во внутренние дела университетов.

И.В. Утробина в своем исследовании о развитии педагогического образования в Казанском учебном округе в конце XIX – начале XX вв. отмечает, что «успех проведения образовательной политики на месте в значительной мере зависел от деятельности попечителей КУО, в ведении которых находились все учебные заведения на территории Казанской губернии. Взгляды попечителей в целом соответствовали правительственным установкам. Попечители выступали как активные участники ее формирования, нередко в разрез с установками министерства»¹¹². Она приводит такой пример: в 1882 г. П.Д. Шестаков отстаивал необходимость учительского института в Казани, мотивируя это нехваткой педагогических кадров в городских и уездных училищах, хотя министерство народного просвещения намеревалось закрыть учительский институт в Казани. Сейчас деятельность П.Д. Шестакова, который был, по словам В.В. Астафьева и Ю.И. Смыкова, «искренним и верным сторонником Устава 1863 г.», оценивают как либеральную и полезную для университета¹¹³. П.Д. Шестаков принимал активное участие в общественной жизни Казани. Он был одним из активных организаторов и членов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Занимался он и научными изысканиями, много переводил с древнегреческого. Его увлечение наукой передавалось и его сыновьям Сергею и Дмитрию, впоследствии профессорам Казанского университета.

---

¹¹⁰ *Муньков Н.П.* К истории студенческих волнений в Казанском университете в 1881 и 1882 годах // Ученые записки КГПИ. Вып. 7. Казань, 1949. С. 89.

¹¹¹ *Поэты 1880–1890-х годов.* М., 1972. С. 583.

¹¹² *Утробина И.В.* Указ. соч. С. 90.

¹¹³ *Астафьев В.В., Смыков Ю.И.* Между двух университетских уставов // История Казанского университета. Казань, 2004. С. 134.

§2. Жизнь и научно-педагогическая деятельность С.П. Шестакова

Старший из сыновей Петра Дмитриевича, Сергей Петрович родился в 1864 г. в Казани. В 1882 г. С.П. Шестаков окончил 2-ю Казанскую гимназию с золотой медалью. В этом же году он поступает на историко-филологический факультет Казанского университета. В этом надо видеть влияние отца, который много времени уделял образованию детей.

Во время учебы Сергей Петрович занимался у авторитетных в тот период профессоров – Д.Ф. Беляева, Д.И. Нагуевского, уделяя много внимания филологической подготовке. Посещал практические занятия у приват-доцентов И.И. Луныяка и Ф. Опацкого. На последних курсах занимался санскритом у профессора Н.В. Крушевского. «Основательное знание санскрита необходимо для научных работ по истории языка», – напишет он позднее в некрологе своему учителю Д.Ф. Беляеву¹¹⁴. Слушал лекции по философии у профессора А.И. Смирнова¹¹⁵.

Существующая в университете практика изучения иностранных языков предусматривала изучение одного из новых языков, ранее изучавшегося в гимназии, и одного, ранее не изучавшегося. В гимназии С.П. Шестаков изучал немецкий и французский языки, а в университете он выбирает немецкий и английский. Впоследствии он самостоятельно изучает итальянский, новогреческий, занимается изучением финно-угорских и татарского языка. В 1905–1907 гг. изучает арабский язык у профессора Н.Ф. Катанова¹¹⁶.

Своим учителем С.П. Шестаков называет профессора Д.Ф. Беляева. На это указывает и ряд отечественных исследователей¹¹⁷. Д.Ф. Беляев – видный представитель филологической науки, ординарный профессор Казанского университета, член-корреспондент Российской Академии Наук по разряду классической филологии

---

¹¹⁴ Шестаков С.П. Д.Ф. Беляев (некролог). Отд. Оттиск. С. 10.

¹¹⁵ НА РТ. Ф. 977. оп. Личных дел. Д. 30048. Л. 1,2.

¹¹⁶ Архив РАН. Ф. 411. Отдел кадров. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 2; Ф. 558. Оп. 4. Д. 380. Л. 3.

¹¹⁷ Жебелев А.С. С.П. Шестаков (некролог) // Известия АН СССР. Отд. лит. и языка. 1941. № 1. хроника; Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед. хр. 138; Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975.

и археологии¹¹⁸. В его научном творчестве выделяются две линии: исследование истории древнегреческого языка и литературы и византиноведение¹¹⁹. Его магистерская диссертация была посвящена исследованию гомеровских поэм, в ней объясняются явления метрики гомеровских поэм. Докторская диссертация Д.Ф. Беляева, посвященная мировоззрению Еврипида, содержит много интересных высказываний Еврипида о мире и положении в нем человека, о социальной и политической жизни в Афинах, об их внутренней и внешней политике. В годы преподавания в Казанском университете он был поглощен обработкой археологического материала, связанного с изучением придворного устава Константина Багрянородного. Д.Ф. Беляев первым обратил внимание на изучение этого памятника, имеющего важное значение для византийской истории и археологии.

Д.Ф. Беляев был прекрасным педагогом. Как вспоминает С.П. Шестаков, его учитель в лекциях обращался, прежде всего, к источникам, стремился к самому полному и точному их истолкованию. Он был неизменно добр со своими учениками, снабжал их книгами из своей обширной библиотеки и полезными советами по методике преподавания. Эти качества профессора Беляева как ученого и педагога определили и творческий путь С.П. Шестакова. В течение четырех лет он слушал лекции Д.Ф. Беляева по творчеству отдельных греческих авторов, греческой литературе и древностям, а затем несколько лет пользовался его руководством в качестве профессорского стипендианта¹²⁰.

Благодаря занятиям у профессора Д.Ф. Беляева С.П. Шестаков еще больше увлекся изучением греческого языка. Исследовательская деятельность Д.Ф. Беляева стала примером для С.П. Шестакова. В процессе занятий и общения с Д.Ф. Беляевым Сергей Петрович накапливал знания по средневековому греческому языку, осваивал разные виды памятников, приобретал привычку читать греческие рукописи, что позволило в последствии разработать курс общей и византийской палеографии.

Большое влияние на Сергея Петровича оказали и другие профессора университета, особенно Ф.Г. Мищенко и Д.И. Нагуевский.

---

¹¹⁸ Биографию Д.Ф. Беляева см. в «Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за 1869 – 1894 гг.» (Т. 1. (лит. А – Л). СПб., 1896). С. 108–110.

¹¹⁹ *Беляев Д.Ф.* 1) Омировские вопросы. СПб., 1875; 2) О мировоззрении Еврипида (историко-литературные этюды). Казань, 1878; 3) Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1882. Сентябрь, октябрь, 1885. сентябрь, октябрь; 4) *Byzantina*. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Т. I–III. 1891–1906.

¹²⁰ *Шестаков С.П.* Д.Ф. Беляев (некролог). Отд. Оттиск. С. 11.

Они помогали ему развить интерес к избранной специальности, вкус к научной работе, способствовали получению С.П. Шестаковым научных командировок и продвижению его трудов в печать.

Особое значение на становление С.П. Шестакова как ученого имело и влияние его отца. Именно он был первым, с кем Сергей Петрович советовался в отношении литературы по истории и филологии¹²¹. Петр Дмитриевич всячески поддерживал его интерес сначала к учебе, а затем и к занятиям наукой. В «Дневнике» П.Д. Шестакова сохранились записи, касающиеся учебы его сына в университете. В них отец выражает надежду, что сын станет ученым: «профессура для него, по его характеру, самое подходящее занятие: он любит науку, может заниматься без усталости, ученые занятия доставляют ему удовольствие»¹²².

В 1886 г. С.П. Шестаков оканчивает Казанский университет со степенью кандидата и с золотой медалью за сочинение «О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартала)». Работа над сочинением была начата по настоянию профессора Д.Ф. Беляева и отца, которые увидели в Сергее Петровиче способного и талантливого ученого. Написание работы стало предметом частых бесед отца и сына¹²³. В записях этих бесед содержатся также отзывы П.Д. Шестакова на работу своего сына, которые показывают как его влияние в выборе этой темы для конкурсного сочинения, так и превосходное знакомство самого Петра Дмитриевича с византийскими хрониками. Судя по записям, работа продвигалась достаточно медленно, хотя и, успешно, и что для конкурсного сочинения взяты только несколько источников хроники, на остальные не хватило времени¹²⁴. Рецензировавший эту работу приват-доцент И.И. Луньяк высоко ее оценил. Он отметил, что автор выделил новые источники хроники Георгия Монаха.

Именно это сочинение определило будущее Сергея Петровича. Работа над ним дала Шестакову-студенту «умение трудиться, находить наслаждение в ученом труде», «приблизила его к самостоятельному ученому труду, развила в нем тягу к ученым занятиям»¹²⁵. «Она ввела его в неведомый для него, да и для многих, круг богатой византийской литературы, заставила его познакомиться с языком хроник, много отличающимся от древних классических писателей», – писал в «Дневнике» П.Д. Шестаков¹²⁶. Это сочинение сыграло решающую

---

¹²¹ Шестаков П.Д. Дневник. Л. 930.

¹²² Там же. Л. 1105 об.

¹²³ Там же. Записи за 1885–1886 гг. Л. 900–1200.

¹²⁴ Там же. Л. 1104.

¹²⁵ Там же. Л. 1102 об.

¹²⁶ Там же. Л. 1102.

роль в выборе С.П. Шестаковым круга научных интересов: изучение византийских хроник и греческого языка византийского периода стало главным направлением его исследовательской деятельности.

В 1886 г. С.П. Шестаков был оставлен при кафедре классической филологии профессорским стипендиатом. Его руководителем стал профессор Д.Ф. Беляев, который составил программу подготовки С.П. Шестакова к профессорскому званию, включавшую изучение источников и литературы по проблемам классической филологии.

Институт профессорских стипендиатов появился после введение в действие университетского устава 1863 г. Сущность института состояла в том, что лица, успешно окончившие университетский курс и желающие посвятить себя научной деятельности, оставлялись при университете для подготовки и сдачи магистерских экзаменов и написания и защиты магистерской диссертации. В конце 1860-х годов были установлены единые правила организации подготовки научно-педагогических работников высшей школы.

Каждый стипендиат прикреплялся к одному из преподавателей факультета, который нес ответственность за его подготовку. Для стипендиатов составлялась программа или инструкция к занятиям, в которой указывалось какие источники и литературу прорабатывать в первую очередь, на какие проблемы обратить внимание. Предусматривалась ежегодная аттестация стипендиатов, состоявшая в предоставлении на факультет отчета о занятиях и отчетной работы. Отчет читался всеми преподавателями факультета, на заседании факультета заслушивался отзыв преподавателя, к которому был прикреплен стипендиат. После этого факультет решал признать отчет удовлетворительным или нет. Отчет и отзыв отправлялись сначала попечителю округа, а затем в Министерство народного просвещения. Отчет и отзыв возвращались обратно в университет с приложением выписки из журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения с оценкой деятельности стипендиата¹²⁷.

Будучи профессорским стипендиатом, С.П. Шестаков обращается к изучению гомеровского вопроса, что мы узнаем из «Отзыва об отчете о занятиях профессорского стипендиата г. Сергея Шестакова за 1887 г.», составленного доцентом И.И. Луньяком¹²⁸. В отчете указывались и разбирались, проработанные С.П. Шестаковым источники и литература, в основном по гомеровскому вопросу. Ему же была посвящена и отчетная работа: «Опыт характеристики современного направления гомеровского вопроса в его отношении к предшествую-

---

¹²⁷ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995. С. 128.

¹²⁸ НА РТ Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1362. Л. 31.

щим направлениям»¹²⁹. И.И. Луньяк отмечал, что в связи с гомеровским вопросом С.П. Шестаков «специально изучал литературу вопросов о начале письменности у греков и о книжном деле в древности»¹³⁰. В этом С.П. Шестаков идет по пути уже пройденному А. Вольфом, который в своей работе «Введение к Гомеру» начал именно с этих вопросов.

Обращение именно к гомеровскому вопросу было не случайно. Учитель С.П. Шестакова – профессор Д.Ф. Беляев – также начинал с гомеровского вопроса. К тому же опробованные в конкурсном сочинении методики разложения текста могли быть применены и здесь, тем более что параллельно С.П. Шестаков продолжает исследование источников хроники Георгия Монаха.

Критика, содержащаяся в отзыве И.И. Луньяка, доброжелательна, замечания касаются в основном стиля автора, несколько тяжеловесного и запутанного, а также недочетов при построении плана отчетной работы. «Тема, избранная г. Шестаковым для отчетной работы, в высшей степени трудна, в особенности благодаря несметному количеству сочинений и статей по так называемому гомеровскому вопросу. Мнения излагаются и вместе с тем и критикуются г. Шестаковым, при чем автор высказывает свои критические заметки скромно. Само изложение отличается достоверностью и точностью, но страдает неравномерностью обработки», – писал в отзыве И.И. Луньяк¹³¹. В целом И.И. Луньяк достаточно высоко оценивает проделанную С.П. Шестаковым работу: «Однако все сказанное мною нисколько не умаляет значение работы, которая служит неоспоримым доказательством отличных познаний, серьезного отношения к делу, критического ума, примерного трудолюбия вообще и любви к своему предмету в особенности»¹³².

В Ученом комитете Министерства народного просвещения отчет и работу С.П. Шестакова оценили очень хорошо, в тоже время было рекомендовано «подвергнуть его обстоятельному пересмотру относительно группировки сообщаемого материала; в нынешнем же виде труда разнообразные и противоречащие друг другу взгляды так перепутаны, что читатель не без труда найдет Ариаднину нить, выводящую его из лабиринта мнений»¹³³.

В следующем учебном году отчетная работа С.П. Шестакова была посвящена разбору «Одиссеи». И вновь замечания И.И. Луньяка

---

¹²⁹ Там же. Л. 32об.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. Л. 32об–33.

¹³² Там же. Л. 33 об.

¹³³ Там же. Л. 36 об.

касаются стиля изложения, и недостаточной проработки литературы. Рецензент отмечает, что сам Шестаков придерживается теории унитариев¹³⁴ в изучении гомеровского вопроса. Можно предположить, что, только начав заниматься изучением гомеровского вопроса, С.П. Шестаков придерживался унитаристских взглядов на поэмы Гомера, то есть признавал Гомера как единого автора поэм «Илиады» и «Одиссеи», впоследствии он выберет в гомеровском вопросе некий средний путь, представленный «теорией зерна». В этом отзыве И.И. Луньяк дает характеристику С.П. Шестакову: «отличается феноменальным трудолюбием, проницательностью ума и самостоятельностью суждений»¹³⁵.

Продолжает С.П. Шестаков разбор византийских хроник, которые составляют постоянный предмет его занятий, о чем сам С.П. Шестаков сообщает в отчете за 1888/1889 учебный год¹³⁶. Его отчетная работа за это время состоит из трех частей. В двух из них он вновь обращается к хронике Георгия Монаха, а в третьей рассматривает хронику сирийца Иоанна Малалы, труд которого «Хронография, или Всемирная хроника» является важным источником по истории Византии, как по обилию фактического материала, так и тем, что автор хроники смог соединить в сочинении богатое наследие античной историографии с христианским мировоззрением. Как видим, интерес С.П. Шестакова к византийской литературе существовал параллельно с интересом к литературе античной. В дальнейшем интерес к византийской литературе все более усиливается, и даже становится преобладающим.

В осень 1888 г. С.П. Шестаков приступает к сдаче магистерских экзаменов. По специальности «греческая словесность» предусматривались экзамены по следующим дисциплинам: греческий язык, греческая литература, греческие древности, латинский язык и римская литература, римские древности (устно), а также письменные – по греческому языку и греческой литературе. Все экзамены С.П. Шестаков сдал успешно. Вопросы письменных экзаменов по греческому языку и литературе были даны с учетом научных интересов экзаменуемого: на экзамене по греческому языку надлежало разобрать диалекты в поэмах Гомера, а на экзамене по греческой литературе – свидетельства о жизни Гомера¹³⁷.

---

¹³⁴ Унитариями называют сторонников единого авторства поэм, доказывающих, что поэмы принадлежат творчеству одного автора – Гомера.

¹³⁵ Там же. Л. 44–45 об.

¹³⁶ Там же. Л. 83.

¹³⁷ Там же. Л. 70–80.

На протяжении двух лет С.П. Шестаков занимается изучением гомеровского вопроса, однако в своем последнем отчете он пишет, что темой магистерской диссертации он избирает творчество Аристофана: «Об отношении Аристофана к современным ему политическим деятелям и событиям»¹³⁸. Объявление новой темы исследования вызвало негативную реакцию факультета, выраженную в отзыве И.И. Луньяка. «Отдавая полную справедливость его примерному трудолюбию, – пишет И.И. Луньяк, – мы не можем не высказать сожаления лишь по поводу его выбора темы для магистерской диссертации. Мы ожидали, что г. Шестаков, с таким усердием изучавший в течение двух лет гомеровский вопрос, найдет возможным в этой области греческой литературы отыскать себе тему для своей диссертации: между тем оказывается, что он переходит к Аристофану. Не следует бросаться в разные стороны, порхать по обширным полям классической филологии, а нужно сосредоточиться на одном: только благодаря специализации немецкая филологическая наука достигла той высоты, на которой она находится в настоящее время»¹³⁹. Видимо, факультет рекомендовал С.П. Шестакову выбрать в качестве темы диссертации разбор поэм Гомера, так как в дальнейшем он работает именно над этой темой.

Летом 1889 г. С.П. Шестаков получает командировку в Москву и Петербург с целью работы в библиотеках для написания магистерской диссертации сроком на 1 год. Однако, как признается сам С.П. Шестаков в одной из статей в «Византийском временнике», большую часть времени он употреблял на исследование византийских хроник¹⁴⁰. Он занимался изучением рукописей византийских хроник, хранящихся в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Уже тогда ему удается обработать огромный материал по хронографии Иоанна Малалы и хронике Георгия Монаха¹⁴¹.

Сдача магистерских экзаменов давала право на получение звания приват-доцента университета и права преподавания в высших учебных заведениях. В 1889 г. С.П. Шестаков подал прошение в историко-филологический факультет о приобретении звания приват-доцента по греческой словесности. Пробные лекции были назначены факультетом на начало 1890 г. По правилам одну из тем для лекций

---

¹³⁸ Там же. Л. 83 об.

¹³⁹ Там же. Л. 86.

¹⁴⁰ О командировке см.: НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1471. Л. 1. О работе над византийскими хрониками в период командировки С.П. Шестаков пишет в статье «О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы», опубликованной в I томе «Византийского временника» в 1894 г.

¹⁴¹ См. *Шестаков С.П.* О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы // ВВ. 1894 . Т. I. С. 503.

выбирал соискатель, другую – факультет. Лекция по собственному выбору была прочитана С.П. Шестаковым на тему «О происхождении “Илиады” Гомера» в январе 1890 г.¹⁴² Вторая лекция назначена была факультетом на февраль этого же года на тему «Интерпретация элегий Солона к Афинянам». Прочтенные лекции факультет признал удовлетворительными, и Сергею Петровичу было выдано свидетельство о праве преподавания. В мае 1890 г. он был назначен приват-доцентом Казанского университета. В конце августа С.П. Шестаков читает вступительную лекцию «Религиозно-нравственные воззрения Эсхила»¹⁴³. С этого времени факультет поручает С.П. Шестакову чтение необязательных курсов по истории греческой литературы. В начале 1892 г. С.П. Шестаков завершает работу над исследованием о происхождении «Одиссеи» Гомера и публикует его как монографию¹⁴⁴.

Для получения степени магистра соискатель должен был представить диссертацию, одобренную факультетом, который назначал дату публичной защиты и официальных оппонентов. О дате проведения защиты подавались объявления в местные газеты, посылались именнные приглашения ректору и попечителю учебного округа. Председательствовал на защите ректор или проректор, присутствовали все профессора и преподаватели факультета, профессора с других факультетов и прочая публика. В начале защиты зачитывались биография и список трудов соискателя. Затем выступали официальные и неофициальные оппоненты и любые желающие. Соискатель должен был ответить на все высказанные критические замечания. Процедура защиты занимала от 5 до 7 часов. По окончании защиты проводилось тайное голосование, в котором принимали участие все преподаватели факультета, присутствующие на диспуте. Вопрос о присуждении степени решался большинством голосов¹⁴⁵.

В июле 1892 г. С.П. Шестаков представляет в историко-филологический факультет Казанского университета в качестве диссертации свою книгу «О происхождении «Одиссеи»». Отзыв на диссертацию было поручено сделать профессору Ф.Г. Мищенко. Отзыв Ф.Г. Мищенко был положительным, хотя в нем и было высказано большое количество замечаний, касающихся стилистики сочинения. Основной вывод отзыва оппонента: автор сочинения заслуживает искомой им

---

¹⁴² Опубликовано в: УЗКУ. 1890. Кн. 4. С. 67-108.

¹⁴³ Опубликовано в: УЗКУ. 1890. Кн. 6. С. 39-62.

¹⁴⁴ См.: *Шестаков С.П.* О происхождении поэм Гомера. Вып. 1. О происхождении «Одиссеи». Казань, 1892.

¹⁴⁵ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. С. 128.

ученой степени¹⁴⁶. Защита была назначена на 21 февраля 1893 г. Официальными оппонентами назначены профессора Д.Ф. Беляев и Ф.Г. Мищенко¹⁴⁷. С.П. Шестаков успешно защитил диссертацию и получил в этом же году степень магистра греческой словесности.

Параллельно с работой над диссертацией С.П. Шестаков публикует несколько статей по византийским хроникам. Первая – «Иоанн Ритор в церковной истории Евагрия» – печатается в «Ученых записках Казанского университета» в 1890 г.¹⁴⁸ В 1891-1892 гг. там же печатается большое сочинение «О происхождении и составе хроники Георгия Монаха»¹⁴⁹. Статью, также посвященную хронике Георгия Монаха, С.П. Шестаков печатает в «Записках Императорской Академии Наук»¹⁵⁰.

Дальнейшая подготовка ученого предусматривала заграничную командировку сроком до двух лет и «содержание» из сумм Министерства народного просвещения. Для командироваемых составлялись инструкции, где указывалась цель, формы и методы научных занятий, подчеркивалось основное направление занятий: с чем в первую очередь надлежало ознакомиться в тех или иных городах и странах, какие университеты посетить, у кого из известных ученых прослушать лекции или посетить практические занятия, с фондами каких библиотек необходимо ознакомиться¹⁵¹.

В 1894-1896 гг. Сергей Петрович находился в заграничной командировке. Инструкция для С.П. Шестакова, видимо, включала два направления подготовки за границей: древнегреческая филология и византистика. Поэтому в Берлине он слушает лекции по истории греческой литературы у известных эллинистов Дильса и Кирхгофа, а в

---

¹⁴⁶ Мищенко Ф.Г. Отзыв в историко-филологический факультет. О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении «Одиссеи». Исследование С.Шестакова. С. 1-5. В то же время рецензия Ф.Г. Мищенко на это сочинение С.П. Шестакова, опубликованная позднее в «Журнале министерства народного просвещения» носила более отрицательный характер. См.: Мищенко Ф.Г. К гомеровскому вопросу // ЖМНП. 1893. апрель. С. 499-514.

¹⁴⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1561. Л. 1–3, 12.

¹⁴⁸ См.: Шестаков С.П. Иоанн Ритор в церковной истории Евагрия // УЗКУ. 1890. Кн. V.

¹⁴⁹ Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1891. Кн. 2. С. 121–140; Кн. 3. С. 89–110; Кн. 5. С. 1–56; 1892. Кн.1. С. 173–198; Кн. 3. С. 1–46. Это исследование С.П. Шестаков переработал из своего студенческого конкурсного сочинения, за которое он получил золотую медаль.

¹⁵⁰ См.: Шестаков С.П. По вопросу об источниках хроники Георгия монаха (Амартола). (IV книга хроники) // Записки Императорской Академии Наук. 1892. Т. LXX. Прил. № 4.

¹⁵¹ См.: Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г. С. 103.

Мюнхене – лекции К. Крумбахера¹⁵², у которого же занимается в семинарии по истории Византии, с целью «приобрести более прочное основание для своих работ в области византийской литературы»¹⁵³.

По словам С.А. Жебелева, именно после занятий в семинарии Крумбахера, С.П. Шестаков переносит методы классической филологии на исследование памятников византийской литературы¹⁵⁴. Стоит отметить, что С.П. Шестаков стал заниматься византийскими источниками гораздо раньше этой заграничной командировки и к этому времени уже успел издать несколько значительных работ по византийским хроникам, то есть уже имел опыт филологического анализа византийских текстов. Еще до занятий в семинарии у Крумбахера С.П. Шестаков применяет методы классической филологии к исследованию византийских хроник, примером чему служит его работа о хронике Георгия Монаха. Занятия у К. Крумбахера лишь убедили С.П. Шестакова в правильности выбранного им пути исследования византийских хроник.

Основное время командировки С.П. Шестаков посвящает работе с рукописями византийских хроник в библиотеках Европы. Он занимался в отделах рукописей в библиотеках Берлина, Вены, Парижа, Мюнхена и Рима. Он также посещает Грецию для ознакомления с археологическими памятниками (Афины, Коринф, Микены) и музейными собраниями.

В этот же период С.П. Шестаков обрабатывает и тот материал, что был им собран в библиотеках Москвы и Петербурга. Тогда же он начинает сотрудничать с «Византийским временником», специализированным российским журналом по византийской истории и филологии. Возможно, что С.П. Шестакова, как одного из авторов, рекомендовал В.Э. Ригелю, редактору «Византийского Временника», Д.Ф. Беляев, внимательно следивший за успехами своего ученика. В период заграничной командировки С.П. Шестаков публикует там серию ста-

---

¹⁵² Дильс, профессор Берлинского университета, специалист по греческой филологии, занимался изучением произведений Аристотеля. Кирхгоф, профессор Берлинского университета, специалист по греческой филологии и эпиграфике. В конце XIX в. К. Крумбахером была создана школа немецкого византиноведения преимущественно с филолого-литературоведческо-источниковедческим уклоном. К. Крумбахер первым взглянул на византийскую литературу как на самостоятельную и оригинальную, особую литературу, хотя и тесно связанную с античной, но не являющейся прямым ее продолжением. Его работы способствовали то, что византийская филология оформляется в отдельную область филологической науки. Крумбахером был создан семинар, а затем кафедра и институт средневековой и новогреческой филологии в Мюнхене, ставший центром византиноведческих исследований в Германии. См.: *Курбатов Г.Л. История Византии. (историография)*. Л., 1975. С. 98–99.

¹⁵³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1674. Л. 138.

¹⁵⁴ *Жебелев С.А.* С.П. Шестаков (некролог). С. 154.

тей о византийских хрониках¹⁵⁵. Тогда же Сергей Петрович подготовил материал «для нового критического издания хроники Георгия Монаха»¹⁵⁶.

В 1896 г. по болезни Д.Ф. Беляев уходит в отставку. И после возвращения изграничной командировки С.П. Шестаков просит факультет назначить его исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре греческого языка и словесности. Это ходатайство со стороны С.П. Шестакова можно объяснить тем, что доходы приват-доцента были небольшими и зависели от количества студентов, записавшихся к нему на курс¹⁵⁷. Так, из-за материальных проблем с осени 1897 г. С.П. Шестаков преподает во 2-й Казанской гимназии латинский язык в 4-х, 7-х и 8-х классах¹⁵⁸.

Прошение С.П. Шестакова о назначении его и.д. экстраординарного профессора вызвало на факультете, как показывают архивные документы, дискуссию¹⁵⁹. Оно обсуждалось на заседании историко-филологического факультета в декабре 1897 г. Декан профессор А.И. Смирнов зачитал прошение и попросил высказаться профессора Ф.Г. Мищенко как представителя кафедры. По мнению Ф.Г. Мищенко, назначение С.П. Шестакова на должность экстраординарного профессора могло бы состояться, если бы Сергей Петрович получил степень доктора¹⁶⁰. Но в то же время Ф.Г. Мищенко указывает, что «размер успехов в занятиях Сергея Петровича обязывает факультет улучшить его материальное положение и сделать его более определенным. Эта обязанность будет выполнена достаточно, если факультет будет ходатайствовать о назначении Сергею Петровичу определенного содержания в таком размере, в каком получали по прежнему уставу доценты, владевшие также магистерской степенью, и если Сергею Петровичу будут поручены специальные и общий обязательный курсы»¹⁶¹.

Точку зрения Ф.Г. Мищенко в целом поддержали Д.И. Нагуевский и Д.А. Корсаков. Последний добавил, что считает возможным пору-

---

¹⁵⁵ См.: *Шестаков С.П.* 1) О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста // ВВ. 1894. Т. 1; 2) К критике текста хроники Георгия Монаха // ВВ. 1895. Т. II; 3) Прибавление к статье «О значении славянского перевода Малалы» // ВВ. 1895. Т. II; 4) О рукописях Симеона Логофета // ВВ. Т. V.

¹⁵⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1674. Протоколы. 1897 г. Л. 138.

¹⁵⁷ *Хакимова А.С.* Казанский университет в 80-90-е годы XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 160–162.

¹⁵⁸ НА РТ. Ф. 977. ОП. 619. Д. 30. С.П. Шестаков. Л. 32 об.

¹⁵⁹ См.: Протоколы заседаний историко-филологического факультета за 1897 г. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1674. Л. 138–141.

¹⁶⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1674. Л. 138.

¹⁶¹ Там же. Л. 139–140.

читать С.П. Шестакову только специальные курсы, «ибо молодой преподаватель не может читать общих курсов, не напрактиковавшись на специальных»¹⁶². С этой точкой зрения не согласились представители кафедры. Ф.Г. Мищенко возразил, что только в процессе чтения общих курсов преподавание будет совершенствоваться, а Д.И. Нагуевский уточнил, что Сергею Петровичу будет поручена только часть общего курса – история греческой литературы, без чтения авторов и практики, и в будущем к общему курсу будет переходить постепенно¹⁶³. Факультет ходатайствовал перед Советом университета о вознаграждении в 1200 руб. и поручении С.П. Шестакову чтения общего курса лекций по истории греческой литературы.

Несколько позже, при обсуждении подобного дела Д.В. Айналова, Ф.Г. Мищенко назвал еще одну причину, почему Шестаков не мог быть назначен и.д. экстраординарного профессора по кафедре греческого языка и словесности: «если бы труды Сергея Петровича имели прямое отношение к той кафедре, которую он занимает, то я бы ни на минуту не остановился перед ходатайством о возведении Сергея Петровича в звание и.д. экстраординарного профессора. Большая часть трудов г. Шестакова относиться не к той специальности, представлять которую он призывается»¹⁶⁴.

Таким образом, обстоятельства требовали усиленной работы над докторской диссертацией и ее защиты. Осенью 1898 г. С.П. Шестаков представляет в факультет докторскую диссертацию «О происхождении поэм Гомера. Вып. 2. О происхождении “Илиады”», написанной с точки зрения «теории зерна». Отзыв на это исследование было снова поручено сделать Ф.Г. Мищенко.

Представленная С.П. Шестаковым диссертация вызвала дискуссию на заседании факультета в феврале 1900 г., так как по действующим правилам, и магистерская, и докторская диссертации должны были не только свидетельствовать об умении научно работать, но и состоять из новых научных выводов, а также отражать предшествующую литературу вопроса. Но новые научные выводы в работе С.П. Шестакова четко не были прописаны. В отзыве Ф.Г. Мищенко указал на то, что в работе дано объяснение теории зерна, и автор не ставил задачей реконструкцию первоначальной «Илиады» и выяснение правильности или необоснованности теории зерна¹⁶⁵. Д.И. Нагуевский замечает, что ценность работы заключается в высказанных С.П. Ше-

---

¹⁶² Там же. Л. 140 об.

¹⁶³ Там же. Л. 141.

¹⁶⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1718. Л. 74. Случай с С.П. Шестаковым – вполне обычное явление, свидетельствующее о трудности вхождения молодых ученых в профессорскую субкультуру. Ср.: Корзун В.П. Образы исторической науки... С. 72–83.

¹⁶⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1784. Л. 20.

стаковым замечаниях по лексике, содержанию и языку поэмы, «для русской литературы по классической филологии, небогатой старательно написанными исследованиями, этюд г. Шестакова представляет ценное приобретение»¹⁶⁶. Вступивший в дискуссию Д.А. Корсаков заявил, что из отзывов Ф.Г. Мищенко и Д.И. Нагуевского он понял, что в работе нет самостоятельной научной мысли. На что Ф.Г. Мищенко ответил, что автор «не считает возможным, опираясь на теорию зерна, в виду разветвлений этой теории, прочно останавливаться на каком-нибудь из них»¹⁶⁷. Кроме того, заметил Ф.Г. Мищенко, в работе для рассмотрения взяты многие стороны вопроса, и это так же накладывает отпечаток на характер работы. В.А. Богородицкий и Е.Ф. Будде заявили, что в работе отсутствует четкая точка зрения автора, что недопустимо в работах, претендующих на высшую ученую степень. Тем не мене при голосовании о допуске работы С.П. Шестакова к защите факультет единогласно согласился с отзывом Ф.Г. Мищенко, назначив дату защиты и официальными оппонентами профессоров Ф.Г. Мищенко и Д.И. Нагуевского¹⁶⁸.

С.П. Шестаков успешно защитил диссертацию 12 марта 1900 г.

После чего деканом факультета профессором А.И. Смирновым было составлено прошение о назначении С.П. Шестакова экстраординарным профессором Казанского университета. В прошении А.И. Смирнов дает характеристику С.П. Шестакова, указывая, что любовь к науке и изучению греческого языка унаследована им от отца. Он пишет следующие: «любовь к занятиям греческим языком и литературой Сергей Петрович наследовал от своего покойного отца и обнаружил ее еще будучи студентом университета, с особым интересом занимаясь преимущественно византийской литературой». «Можно сказать, без всяких преувеличений, что он приобрел себе почетную известность не только у нас в России, но и между европейскими учеными. Правда, большинство его работ относятся к византийской литературе, но С.П. Шестаков заявил себя ценными исследованиями и о древнегреческом эпосе», – отмечает А.И. Смирнов¹⁶⁹.

В этом же прошении приводится и мнение Ф.Г. Мищенко о научных трудах Сергея Петровича: «По своим трудам С.П. Шестаков принадлежит к числу русских исследователей, тщательно работающих над первоисточниками, кропотливо шаг за шагом добывающих путем всестороннего анализа материал для научных обобщений. Если эти

---

¹⁶⁶ Там же. Л. 20об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 20 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 21 об.

¹⁶⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 676. Л. 1.

последние не всегда убедительны, зато подобранный автором материал сохраняет для будущих исследователей огромную ценность»¹⁷⁰.

А.И. Смирнов пишет о признании С.П. Шестакова факультетом как талантливого и трудолюбивого ученого и ходатайствует о назначении его экстраординарным профессором Казанского университета¹⁷¹. В июле 1900 г. С.П. Шестаков назначается на должность экстраординарного профессора по кафедре греческого языка и словесности.

Как видим, преобладающий научный интерес С.П. Шестакова к византийской литературе, вызывал сожаление факультета, желавшего видеть в нем специалиста по классической филологии. Это обстоятельство могло бы помешать Шестакову в защите им докторской диссертации, о которой были высказаны нелестные отзывы ведущих профессоров, если бы не заступничество специалистов по классической филологии – Ф.Г. Мищенко и Д.И. Нагуевского, которые всячески поддерживали молодого ученого.

Пристрастие С.П. Шестакова к византийской истории выразилось и при обсуждении осенью 1900 г. требований и порядка проведения магистерских экзаменов. Дискуссии возникли по вопросу об основных и дополнительных дисциплинах, выносившихся на экзамен. Сергей Петрович не принимает активного участия в обсуждении экзаменов по классической филологии и включается в дискуссию только по вопросу об экзамене по истории, считая необходимым выделить историю Византии в отдельную группу, а не соединять ее с историей античного мира. Он полагал, что история Византии может быть оставлена для экзамена магистров древнегреческой и древнеримской истории в качестве дополнительного предмета, подготовка к которому ведется по общим пособиям, без проработки источников. Вот как он обосновывает это на заседании факультета: «Связь истории и культуры Византии с нашей не должна ли вызывать желание, чтобы обширный период жизни греческой нации был предметом особо тщательного изучения, и чтобы специалист в этой области мог весь отдать изучению этого периода, в то же время естественно и необходимо направляемый в область отечественной истории. Кафедра византиноведения, учрежденная в Санкт-Петербурге и Одессе, указывает на такую потребность»¹⁷². В результате обсуждения факультет принял решение образовать из истории Византии, археологии и истории ис-

---

¹⁷⁰ Там же. Л. 2.

¹⁷¹ Там же. Л. 2об.

¹⁷² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1784. Л. 87.

кусств особую группу предметов выносимых на магистерский экзамен под именем «Византология»¹⁷³.

В 1902 г. С.П. Шестаков назначается ординарным профессором по кафедре греческого языка и словесности. В это время он читает курсы лекций по истории греческой литературы, греческим лирикам, греческим древностям, а также ведет практические занятия по чтению и объяснению греческих авторов (как для филологов-классиков, так и для историков). Так, в расписание историко-филологического факультета в 1902 г. были поставлены практические занятия С.П. Шестакова со студентами классического отделения по комедии Аристофана «Облака». А в 1906 г. Сергей Петрович со студентами историками читает Геродота¹⁷⁴.

Сложность университетского преподавания С.П. Шестаков видел в том, что, с одной стороны студентов необходимо познакомить с «научным движением», а с другой, часто профессор впервые знакомит слушателей с азами науки. «Задачи университетского преподавания чрезвычайно сложны. Следя за развитием своей науки, наблюдая накопление нового материала для изучения, знакомясь с новым освещением добытого, с новыми точками зрения на предмет, профессор не может не стремиться дать место этим сведениям в своих курсах, предлагаемых вниманию юных слушателей. Именно это соприкосновение с общим научным движением способно внести освежающую струю в чтение с кафедры, сообщая слушателям тот интерес к этому движению, который слышится в словах их наставника. Но профессор не должен забывать своих обязанностей по отношению к аудитории, как педагога. Он часто еще только впервые вводит своих слушателей в область науки, он должен озаботиться еще тем, чтобы укрепить в их уме основные научные понятия и принципы, снабдить их необходимейшим фондом знаний, прежде чем выводить их на весь простор научных теорий», – писал С.П. Шестаков в некрологе своему учителю¹⁷⁵. Далее он отмечает необходимость давать на лекциях обзоры новейшей литературы, обращаться при изложении материала к источникам, сделать лекцию не монологом профессора, а его диалогом со студентами, задавая им вопросы, заставляя думать и размышлять.

В ходе работы со студентами он широко применяет написание студентами рефератов, так как такая форма работы служит «предметом живого обмена мыслей между студентами и профессором»¹⁷⁶.

---

¹⁷³ Там же. Л. 90.

¹⁷⁴ НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1843. Л. 23; ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1983. Л. 50.

¹⁷⁵ Шестаков С.П. Д.Ф. Беляев (некролог). С. 11–12.

¹⁷⁶ Там же. С. 13.

Беседы профессора со студентами помогают последним найти правильный путь в обилии литературы, необходимые приемы и методы исследований. Лекции и частные беседы создают, по мнению ученого, «сферу влияния профессора на его слушателей», поэтому он выступал против введения экстерната на историко-филологическом факультете¹⁷⁷.

В поздравительном адресе от историко-филологического факультета в связи с 30-летием его ученой деятельности его коллегами давалась такая оценка его педагогической деятельности: «В своей преподавательской деятельности, служа живым примером глубокой преданности науки, Вы были настолько же строги к себе, насколько снисходительны к учащимся. Те из преподавателей факультета, которые имели счастье быть вашими учениками, помнят Ваши богатые содержанием и обширной эрудицией лекции и никогда не забудут Вашего дружеского отношения и постоянной готовности руководить их занятиями в области Вашей специальности»¹⁷⁸.

С 1905 г. Шестаков ведет элементарный (подготовительный) курс греческого языка для студентов, не изучавших его до поступления в университет. Эта сторона деятельности нашла отражение в статье профессора Казанского университета Б.В. Варнеке¹⁷⁹, где отмечается, что введение такого курса было вынужденной мерой, так как «в нашем казанском округе нет ни одной гимназии с обязательным греческим языком, необязательные занятия им тоже идут что-то в чересчур умеренных размерах», поэтому большинство поступающих не знает греческого языка¹⁸⁰.

В этой связи историко-филологический факультет решает принимать без экзамена по древнегреческому языку, но обязывает студентов пройти в течение года элементарный курс греческого языка. «По настоящему, следовало бы основать лектуру греческого языка, но так как это явилось слишком сложным, – пишет далее Б.В. Варнеке, – и все наше предприятие носило характер опыта, то решили обойтись домашними средствами, и профессор С.П. Шестаков не без самопожертвования принял на себя, в дополнение к 6 штатным лекциям, еще и ведение элементарного курса по два часа в неделю»¹⁸¹. При ведении этого курса скоро обнаружилось некоторые трудности, в первую очередь отсутствие пособий и руководств по изучению греческого языка, рассчитанных на непродолжительное время изучения, а

---

¹⁷⁷ НА РТ. ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1817. Л. 23об.–24.

¹⁷⁸ Там же. Д. 2449. Л. 2об.

¹⁷⁹ *Варнеке Б.В.* Греческий язык в университетах // *Гермес*. 1907. № 6. С. 142–145.

¹⁸⁰ Там же. С. 142.

¹⁸¹ Там же. С. 143.

также отсутствие хрестоматий, по которым можно было бы «перейти быстро от самых простых фраз к литературным текстам из классиков, а ведь это и есть цель элементарного курса»¹⁸².

Это способствовало тому, что в 1907 г. С.П. Шестаков издает «Греческую грамматику с текстом для чтения и упражнений в греческом языке». В ней он дает алфавит, произношение букв и надстрочных знаков, затем идет изучение склонений и слов. Практически сразу даются небольшие тексты и диалоги. Б.В. Варнеке достаточно высоко оценивает этот труд С.П. Шестакова и считает возможным рекомендовать его для занятий в университетах и для самостоятельного изучения греческого языка. «Не подлежит никакому сомнению, что всякий, добросовестно проработавший это руководство без труда будет читать и Ксенофонта, и легкие диалоги Платона», – делает вывод Б.В. Варнеке¹⁸³. По этому же методу Шестаков преподает греческий язык и слушательницам Высших женских курсов.

В начале XX в. продолжал действовать Устав 1884 г., однако, обстановка в стране вынуждала правительство принимать новые решения в университетском вопросе, которые не всегда соотносились с основополагающими принципами действующего устава. На этом фоне набирает силу движение по пересмотру университетского Устава 1884 г. Правительство при реформе высшего образования могло опираться на труды комиссии профессоров, созданной в мае 1902 г. для рассмотрения проблем преобразования высших учебных заведений¹⁸⁴. В феврале 1906 г. в Петербурге прошел съезд профессоров, созванный для выработки нового устава. Однако новый устав так и не был выработан¹⁸⁵.

В Казанском университете на заседаниях факультетов также велось обсуждение нового устава. Сергеем Петровичем на заседании историко-филологического факультета в ноябре 1905 г. был сделан доклад о необходимости основания кафедры византиноведения в Казанском университете. По проекту предполагалось основание такой кафедры только для Новороссийского университета. С.П. Шестаков предлагал ходатайствовать о создании кафедры византиноведения во всех университетах Российской империи¹⁸⁶, что показывает, насколько заботило С.П. Шестакова состояние византиноведческих исследований, насколько он пытался создать условия для того, что бы Казанский университет стал одним из центров российского визан-

---

¹⁸² Там же. С. 144.

¹⁸³ Там же. С. 144.

¹⁸⁴ Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 1–5.

¹⁸⁵ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 219.

¹⁸⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1949. Л. 99.

тиноведения. «Считаю согласным с интересами отечественной науки и современным состоянием этой отрасли знания на Западе и у нас, – писал С.П. Шестаков в докладной записке, – учреждение при университете в числе кафедр, положенных для филологии греческой и римской, особой кафедры византиноведения». В записке С.П. Шестаков намечает «в главных чертах те предметы изучения, которые по современному состоянию филологической и исторической наук, определено обособляются для этой кафедры». В первую очередь, он выделяет изучение койне, греческого языка с элементами варварских языков и латыни. Ученый обращает внимание на то, что при формировании этого языка большое значение имела народная речь, что здесь она проявилась сильнее, чем в классическом греческом языке, с его античными традициями. Поэтому в программу курсов, преподаваемых кафедрой, должны быть включены курсы по изучению народного греческого языка и курсы по средневековой и новой греческой литературе¹⁸⁷.

Второе направление в деятельности кафедры, выделяемое С.П. Шестаковым, – это история византийской литературы: «В последние десятилетия наше знакомство с различными областями этой литературы значительно расширилось и укрепилось, частью благодаря изданию новых, ранее неизвестных памятников, частью благодаря критической обработке текста, частью появлению специальных монографий об отдельных авторах. Основание специальных византийских журналов на Западе и у нас очень много способствовали объединению результатов изучения и распространению интереса к этой области знания»¹⁸⁸. В качестве основного пособия по истории византийской литературы Шестаков рекомендует труд К. Крумбаха «История византийской литературы», но считает нужным дополнить его новейшими исследованиями по истории византийской литературы и вновь открытыми источниками. Он также предлагает ввести в программу курсов «чтение» византийских памятников, в которых содержатся сведения по русской истории.

Особый – третий – отдел преподавания, по мнению Шестакова, может составить судьба древнегреческих колоний на территории Северного Причерноморья в христианскую эпоху. При изложении этого материала необходимо привлекать тот огромный археологический и эпиграфический материал, который был собран русскими учеными.

В заключение С.П. Шестаков пишет, что «история обширной переводной литературы с греческого требует знакомства с самими оригиналами, основанное на научном изучении греческого языка визан-

---

¹⁸⁷ Там же. Л. 100.

¹⁸⁸ Там же. Л. 101.

тийской поры. Это знакомство наших студентов с подлинными памятниками византийской литературы открывает им целую широкую область, требующую научного изучения»¹⁸⁹. К мнению С.П. Шестакова присоединились профессора Д.И. Нагуевский, Б.В. Варнеке, Д.А. Корсаков, А.И. Александров, А.М. Миронов, Ф. Курганов, Е.Ф. Будде¹⁹⁰. К сожалению, такой кафедры в Казанском университете создано не было. Это помешало развитию в Казани собственной школы византиноведения, связанной с именем С.П. Шестакова. Ш.С. Хамматов считает, что созданию местной школы византистов мешало отсутствие на кафедре всеобщей истории профессора-византиста, а также широка научных интересов исследователей-византистов. Можно согласиться с предположением Ш.С. Хамматова о том, что при более благоприятных условиях при С.П. Шестакове «мог начаться в области изучения истории Византии в Казанском университете новый, более интенсивный период»¹⁹¹.

Заботило Сергея Петровича и состояние преподавания на отделении классической филологии. В начале XX в. это отделение стало все меньше привлекать студентов, так как было оторвано от нужд времени¹⁹². В декабре 1905 г. на заседании факультета обсуждалась докладная записка профессоров Д.И. Нагуевского, С.П. Шестакова и Б.В. Варнеке по вопросу о преобразовании кафедры классической филологии. В записке ими были изложены три причины малой наполняемости классического отделения студентами: 1) «для существования у нас подобных узкоспециальных отделений время еще не назрело», это объясняется тем, что на факультете нет специальных романно-германского и русского отделений, но есть классическое; 2) слабое знание студентами иностранных языков, поэтому они все чаще выбирают для изучения русскую историю, русский язык и литературу; 3) оторванность филологов-классиков от общих курсов по истории языка и литературы. «Какова бы не была специальность студента-филолога необходимо поддерживать в каждом научный интерес к Родине, ее старине, ее литературе и ее языку»¹⁹³.

---

¹⁸⁹ Там же. Л. 103.

¹⁹⁰ Там же. Л. 103–104об.

¹⁹¹ *Хамматов Ш.С.* Изучение и преподавание медиевистики в учебных заведениях Казани... С. 177.

¹⁹² В начале XX в. в гимназиях стало необязательным изучение древнегреческого языка. Стали предприниматься попытки отказаться от классического образования совсем. В этих условиях классическое отделение на историко-филологическом факультете привлекало все меньшее количество студентов. Об отношении ученых к сохранению классического образования см.: *Талашова Н.С.* Ученые-антиковеды России: попытки спасти страну на рубеже XIX–XX веков // *Талашова Н.С.* Изб. труды. Т. 1. С. 362–372.

¹⁹³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1949. Л. 119.

В связи с предлагаемыми преобразованиями классического отделения С.П. Шестаков снова ставит вопрос об основании кафедры византиноведения. Он указывает на пути влияния греко-римской культуры на западноевропейские народы через Византию и Римскую империю, и на то, что это делает желательным изучение этого влияния именно филологами-классиками, как изучавшими классическую культуру. С.П. Шестаков предлагает включить в программу классического отделения изучение русского языка и литературы, а так же изучение истории всеобщей литературы¹⁹⁴.

Эта записка вызвала оживленное обсуждение на факультете. Причем в начале ее профессор Б.В. Варнеке заявил, что признает привлечение отечественного материала необходимым по научным соображениям методологического характера, которые были развиты академиком А.Н. Веселовским в статье «Из введения в историческую поэтику» (ЖМНП. 1894. № 5)¹⁹⁵.

Профессор Е.Ф. Будде сказал, что «коренным образом расходится с мнением профессора С.П. Шестакова и думает, что малое число слушателей на классическом отделении происходит оттого, что прекратился спрос на классические языки в практической жизни», что классические языки не нужны в условиях современной жизни. «Затем второе обстоятельство, которое может поднять количество интересующихся классической филологией лиц, может заключаться и в условиях преподавания того или другого университета. Поэтому никакие прибавки к классическому отделению наук словесных не увеличат количество слушателей, так как и тогда будут слушать не классические языки, а словесные науки и прочая»¹⁹⁶.

Сергей Петрович возразил, что «речь профессора Е.Ф. Будде дала совершенно неправильное освещение составленной им записки и уклонилась от тех действительных целей, в коих она была составлена. Официальное положение древних языков в гимназиях и практические виды студентов, связанные с ним одно, а вечное значение греко-римской культуры в области исторической науки в университете другое. Это значение изучения греко-римского мира в университетском преподавании на историко-филологическом факультете, непрерываемо и останется всегда неизменным, пока живы будут в ученом мире интересы к истории мировой культуры». Далее он указывает на интерес студентов к греко-римской культуре, что подтверждается работами на факультетские премии. Кроме того, в случае введения в программу классического отделения курсов западноевропейских и рус-

---

¹⁹⁴ Там же. Л. 119 об.

¹⁹⁵ Там же. Л. 113.

¹⁹⁶ Там же. Л. 113.

ской литературы для студентов станет возможным использовать сравнительно-лингвистический метод исследования. Применение его помогает выявить влияние античной литературы на новую, а через это исследовать явления духовной жизни древних народов¹⁹⁷.

Профессор В.А. Богородицкий высказал мнение, что целесообразней расширить программу преподавания на классическом отделении за счет углубления преподавания самой классической филологии, путем введения курсов о влиянии античной литературы на позднейшую¹⁹⁸.

Мнения на факультете по вопросу о преобразовании классического отделения разделились, часть профессоров согласилась с мнением С.П. Шестаковым, другая – с В.А. Богородицким. В конечном итоге, обмен мнениями вылился в обширную дискуссию о системе преподавания на историко-филологическом факультете. Однако она не принесла желаемых С.П. Шестаковым результатов: планы преподавания на историко-филологическом факультете не претерпели изменений.

Примерно в это же время Сергей Петрович становится членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете¹⁹⁹. На заседаниях общества он прочитал ряд докладов, посвященных отечественной истории. Так, в 1906 г. им был прочитан доклад на тему «К вопросу о происхождении Руси». Доклад этот не был опубликован в «Известиях» общества, и, возможно, в нем С.П. Шестаков использовал в качестве источников византийские хроники. В течение нескольких лет он исполнял должность казначея Общества²⁰⁰.

В 1911 г. в планы преподавания на историко-филологических факультетах вводится новый курс – «История Византии». В связи с этим на декабрьском заседании историко-филологического факультета Казанского университета обсуждался вопрос о преподавании истории Византии. Тогда же С.П. Шестаков заявил, что в будущем 1912/1913 учебном году он возьмет на себя чтение лекций по истории Византии. На вопрос коллег, может ли он начать читать этот курс с весны 1912 г., Сергей Петрович ответил, что «предполагая открыть такой курс с будущего учебного года и представить своевременно на благоусмотрение факультета его программу, он не находит возможным объявлять курса в ближайшем весеннем полугодии, так как при краткости его

---

¹⁹⁷ Там же. Л. 113 об.

¹⁹⁸ Там же. Л. 114.

¹⁹⁹ Точно установить дату не представляется возможным. Нет архивных материалов.

²⁰⁰ Отчет Общества археологии, истории и этнографии за 1906 г. // ИОАИЭ. 1907. Т. XXIII. Вып. 1. С. 54.

[полугодия – Л.Ш.] курс вышел бы слишком кратким и общим»²⁰¹. С осени 1912 г. С.П. Шестаков читает курс истории Византии в Казанском университете.

Сергей Петрович тогда же готовит к изданию свой курс лекций. Всего им предполагалось подготовить три тома. Первый том, охватывающий историю Византии от 395 г. до 800 г., был издан в 1915 г. Два других, доведивших изложение византийской истории до 1261 г., – были им написаны, но так и не были изданы²⁰². Интерес к истории Византии становится преобладающим в его научном творчестве. В 1917 г. сам С.П. Шестаков признавался, что «если бы позволили обстоятельства, он отказался бы вовсе от преподавания греческой словесности, сосредоточившись исключительно на византиноведении»²⁰³.

С.П. Шестаков читает лекции на Высших женских курсах, воссозданных в Казани в 1906 г. в составе одного историко-филологического отделения. С момента их открытия Сергей Петрович преподает там греческий язык и историю греческой литературы. С 1912 г. Он читает и курс истории Византии, а в 1916 г. ведет курс латинского языка и практически занятия по чтению греческих и латинских авторов.

Летом 1911 г. директор Высших женских курсов профессор Е.Ф. Будде заявил о своем уходе с этого поста. На эту должность были выдвинуты профессора Н.П. Загоскин и С.П. Шестаков. В сентябре 1911 г. директором был избран Н.П. Загоскин. Однако он был избран в Государственный совет, и пришлось проводить новые выборы²⁰⁴. 19 ноября 1911 г. Шестаков был избран директором курсов. В 1913 и 1915 гг. он еще дважды переизбирается на эту должность. Именно ему пришлось руководить строительством здания Высших женских курсов²⁰⁵.

В августе 1911 г. декан историко-филологического факультета А.И. Александров принял монашеский сан и поэтому подал в отставку. Уже тогда в одной из заметок в газете «Казанский телеграф» будущим деканом назвали С.П. Шестакова²⁰⁶. К тому же с конца

---

²⁰¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2173. Л. 171 об.

²⁰² Иванов Ю.А. Профессор С.П. Шестаков: К 40-летию ученой деятельности // ВВ. Т. 24. 1926. С. 94. А.С. Шофман в своей неопубликованной работе «С.П. Шестаков и его византийские штудии» в примечании на Л.30 отметил, что его попытки найти рукописи не увенчались успехом.

²⁰³ Цит. по: Иванов Ю.А. С.П. Шестаков... С. 94.

²⁰⁴ Казанская хроника // Казанский телеграф. 1911. № 5532. от 28 сентября. С. 3.

²⁰⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 19.654. Л. 1. Современный адрес: ул. К. Маркса, д. 74. В настоящее время здесь находится факультет исторического образования и факультет правового образования ТГГПУ.

²⁰⁶ Казанская хроника // Казанский телеграф. 1911. № 5491. от 5 августа. С.3.

июня до начала сентября С.П. Шестаков исполняет обязанности декана историко-филологического факультета²⁰⁷. В декабре 1911 г. он был избран деканом историко-филологического факультета на 4 года. В «Казанском телеграфе» отмечалось, что «избрание было приветствовано дружными аплодисментами»²⁰⁸. И в 1915 г. С.П. Шестаков был переизбран на второй четырехлетний срок. В эти же годы (1913–1917) он постоянно исполняет обязанности ректора, когда тот находился в отпуске или в командировках. Успешность деятельности декана «определялась способностью отстаивать интересы факультета перед лицом ректора и попечителя, создать условия для приоритетного развития “своего” факультета. Кроме личных качеств, влияние декана в университетском совете и в правлении зависела от значимости факультета, который он возглавлял. Эта должность повышала корпоративный статус преподавателя: она означала признание коллегами авторитета и научных заслуг»²⁰⁹.

Однако совмещение должности директора курсов и декана историко-филологического факультета подтачивало здоровье ученого. И в августе 1916 г. он подает в Совет Высших женских курсов прошение об освобождении его от обязанностей директора курсов²¹⁰. Эта просьба была удовлетворена, и директором курсов был избран М.М. Хвостов. После этого С.П. Шестаков продолжал преподавать на курсах до их закрытия²¹¹.

В 1915 г. С.П. Шестаков удостоен звания заслуженного профессора. А в декабре 1916 г. благодаря содействию В.В. Латышева Шестаков был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду классической филологии и археологии Отделения исторических наук и филологии²¹².

В 1916 г. исполнилось 30-летие научной и педагогической деятельности С.П. Шестакова. От официальных торжеств по этому поводу он отказался «ввиду переживаемых обстоятельств и состояния здоровья»²¹³. Его коллеги вручили ему адрес, в котором была охарактеризована его педагогическая и научно-исследовательская деятельность. Его ученик Ю.А. Иванов подготовил список трудов С.П. Шеста-

---

²⁰⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 30. Л. 36 об.

²⁰⁸ Казанская хроника // Казанский телеграф. 1911. № 5593. от 13 декабря. С.3.

²⁰⁹ Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 176.

²¹⁰ НА РТ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 161. Л. 31.

²¹¹ НА РТ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 146. Л. 23.

²¹² Казань и Российская Академия наук. Историко-биографические материалы. Казань, 1999. С. 37. Сам С.П. Шестаков, заполняя анкету для Академии наук СССР в 1938 г., указывает 1917 г. как на год его избрания членом-корреспондентом Российской Академии наук. См.: Архив Российской Академии наук. Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 1 об.

²¹³ НА РТ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 172 б. Л. 1.

кова. В протоколах историко-филологического факультета есть запись о разрешении Студенческому научному историческому обществу напечатать в «Ученых записках Казанского университета» библиографию трудов профессора С.П. Шестакова. На ходатайстве Общества М.М. Хвостов написал: «Очень поддерживаю ходатайство Студенческого научного исторического обществ»²¹⁴.

В адресе историко-филологического факультета было отмечено, что интерес к истории Византии был преобладающим в научном творчестве С.П. Шестакова, и что его студенческая работа «О происхождении и составе хроники Георгия Монаха» явилась первым звеном в области изучения Византии²¹⁵. Там же дана и оценка его диссертаций, как ценных трудов по истории создания гомеровских поэм.

Была приведена и характеристика его педагогической деятельности и его деятельности в должности декана историко-филологического факультета: «В своей преподавательской деятельности, служа живым примером глубокой преданности науке, Вы были настолько же строги к себе, насколько снисходительны к учащимся. Как декан вы всегда были готовы всякому придти на помощь и быть полезным, насколько это было в ваших силах. В ведении и решении факультетских дел в Вас не было и тени какого-либо самолюбия и самовластия». Отмечалось, что Сергей Петрович не оказывал давления на решения факультета *in cogrore* и на мнения отдельных его членов. В его лице факультет имел «честнейшего предводителя и исполнителя его коллективной воли, доброго человека и истинного джентльмена»²¹⁶.

В адресе коллектива Высших женских курсов, который вручил ему М.М. Хвостов, по поводу 30-летия научной и педагогической деятельности С.П. Шестакова также указывается на то, что он «пользуется заслуженной известностью в ученом мире, он выдающийся специалист по классической филологии». В качестве директора курсов он создал атмосферу доброжелательства, взаимного доверия и тесных товарищеских отношений. Его душевные качества – истинная гуманность, необыкновенная мягкость, скромность и простота в общении и любовное отношение к учащейся молодежи – снискали ему общую любовь²¹⁷.

В формулярном списке о службе С.П. Шестакова сделаны записи о еще двух заграничных командировках. В первую командировку С.П. Шестаков уехал 20 мая 1908 г., вернулся в начале осени того же

---

²¹⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2433. Л. 99 об.

²¹⁵ Там же. Д. 2449. Л. 2.

²¹⁶ Там же. Л. 8.

²¹⁷ НА РТ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 161. Л. 87–87 об.

года. Цель поездки была представлена С.П. Шестаковым как ознакомление с новейшей научной литературой, изучение диалектов современного греческого языка и фольклора, работа с рукописями в библиотеках Рима, Венеции и Вены. Кроме того, Шестаков хотел посетить археологические раскопки в Греции²¹⁸, а само ходатайство о командировке, по сути, представляло собой программу исследований по сравнительному изучению греческого языка.

Вторая командировка предполагалась с 1 июля по 31 августа 1914 года²¹⁹. Командировка планировалась «в Германию, для продолжения занятий в области изучения греческой литературы IV в. по Р.Хр. и обработки второго тома издания “Речи Либания”, а также для занятий в рукописных отделениях некоторых европейских библиотек по истории Византии»²²⁰. В формулярном списке указано, что эта командировка состоялась, и возвратился из нее С.П. Шестаков в срок²²¹. Других сведений обнаружить не удалось.

С 1904 г. по 1914 г. С.П. Шестаков входит в попечительский совет Казанского учебного округа по древним языкам²²². В августе 1905 г. он участвовал в работе XIII археологического съезда в г. Екатеринославле. На съезде Сергей Петрович был избран почетным председателем отделения Древностей классических, византийских, восточных и западноевропейских²²³. Тогда же он посетил Херсонес²²⁴.

1917 г. С.П. Шестаков встретил в должности декана историко-филологического факультета. Большинство профессуры Казанского университета сдержанно отнеслись к событиям февраля 1917 года. «Показательно, что даже официальная телеграмма с выражением "полного доверия" Временному правительству была направлена Советом Казанского университета лишь 22 апреля 1917 г. Академические традиции были здесь настолько сильны, что, на первый взгляд, казалось, будто ничто не в состоянии поколебать правил, устоев, традиций, сложившихся в университетских стенах. Любые попытки что-либо качественно изменить, кардинально реформировать встречали явное неприятие и непонимание со стороны университетской администрации и профессуры, даже если исходили от безусловно принимаемого и хорошо понимаемого ими Временного правительства. Так, в апреле 1917 г. в ответ на предложение созданной новой властью

---

²¹⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2036. Л. 1, 2.

²¹⁹ Там же. Д. 2345. Л. 10.

²²⁰ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12813. Л. 19.

²²¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 30. С.П. Шестаков. Л. 38об.

²²² Там же. Л. 35 об.–37 об.

²²³ Известия XIII Археологического съезда. № 4. С. 65. О командировании С.П. Шестакова на съезд см. НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1920. Л. 7–16.

²²⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 30. С.П. Шестаков. Л. 34 об.

комиссии по реформе высших учебных заведений Министерства народного просвещения, определенно стремившейся к демократизации и расширению студенческого коллектива за счет лиц, не имевших классического образования, и лиц женского пола, все факультеты университета, формально согласившись с предложениями комиссии, сохранили обязательное вступительное испытание по латинскому языку (кроме физико-математического факультета). Историко-филологический факультет открыто заявил при этом о приоритетном принятии в число студентов лиц мужского пола ("женщин же только на оставшиеся вакансии"), что было узаконено в правилах приема студентов на 1917/1918 учебный год и не просто декларировалось, но свято соблюдалось»²²⁵.

Соответственно к мероприятиям большевиков профессура отнеслась с еще большим неприятием. 9 декабря 1917 г. Совет поддержал резолюцию Харьковского университета, в которой не признавали новой власти большевиков²²⁶. Это, однако, не мешало требовать от СНК средств на содержание университета. До весны 1918 г. большевики не вмешивались в дела высшей школы, а постановления Наркомпроса носили преимущественно разъясняющий или констатирующий характер²²⁷. До августа 1918 года учебная и научная жизнь в университете протекала относительно спокойно.

Главные черты в отношении университета к Советской власти – непоследовательность и неоднозначность. По мнению авторов «Истории Казанского университета», «о нестабильности сложившегося положения и о явном осознании этой нестабильности свидетельствует и ситуация с выборами ректора университета осенью 1917 г. – летом 1918 г.»²²⁸.

В условиях политической нестабильности и начавшей в 1918 г. гражданской войны ни один из профессоров Казанского университета не желал брать на себя управление университетом и отказывался от исполнения обязанностей ректора. К тому же никто из избравшихся на этот пост не желал принимать на себя все соответствующие полномочия и соглашался только на статус временно «исполняющего дела» ректора. За год (с осени 1917 г. до осени 1918 г.) в этой должности успели побывать Г.Ф. Дормидонтов, Д.А. Гольдгаммер, С.П. Шестаков, еще раз Д.А. Гольдгаммер, С.П. Шестаков, В.В. Ивановский, Н.А. Миславский, и снова Д.А. Гольдгаммер. Неуве-

---

²²⁵ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 255.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Там же. С. 257.

²²⁸ Там же.

ренность в собственном положении сопровождалась постоянными сомнениями в устойчивости советской власти.

Причины отказов от занятия должности ректора были разные, но в основном не политическим, так как политические причины были понятны всем. Так, С.П. Шестаков мотивировал свой отказ исполнять обязанности ректора следующим образом: «принимая на себя должность декана, он имел в виду определенный круг обязанностей, что сильно утомленный за учебный год он рассчитывал на необходимый ему отдых, и что профессор Д.А. Гольдгаммер, имеющий специальное от Совета поручение исполнять должность ректора, так внезапно отказался»²²⁹.

Университет не мог остаться без ректора. В результате прений было определено отложить выборы ректора до начала нового учебного года и просить профессора Д.А. Гольдгаммера исполнять обязанности ректора. В случае его отказа поручить исправление этой должности декану факультета в порядке старшинства, на основании университетского устава. На заседании 5 июля 1918 г. профессор Д.А. Гольдгаммер отказался от должности и.о. ректора по состоянию здоровья. По предыдущему постановлению Совета эта должность переходила к старейшему из деканов. Таковым и оказался С.П. Шестаков. Он исполнял обязанности ректора до начала августа 1918 г., когда и.о. ректора снова стал Д.А. Гольдгаммер²³⁰.

После захвата Казани войсками Народной армии Самарского Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) часть профессоров поддержала Комуч, в том числе и Совет Казанского университета. Отчасти этому способствовало проявление активного внимания Самарского правительства к проблемам образования и науки. За резолюцию проголосовали 35 членов совета из 42²³¹, Совет университета пошел на сотрудничество с Комучем и даже делегировал нескольких профессоров на съезд по вопросам образования.

После занятия Казани Красной армией профессор Д.А. Гольдгаммер 11 сентября 1918 г. был арестован ВЧК. В соответствии с правилами и.о. ректора снова стал С.П. Шестаков²³². Вечером того же дня он и все члены Совета университета были арестованы. Вскоре они были освобождены, кроме профессора Гольдгаммера. Вероятно, такая мера имела целью давление на профессоров, которые должны были осознать ошибочность своей поддержки

---

²²⁹ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 168.

²³⁰ Там же. Л. 178–206.

²³¹ См.: История Казанского университета. Казань, 2004. С. 258.

²³² НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 225.

Комуча. В этой ситуации С.П. Шестаков исполнял должность ректора до 8 октября 1918 г., когда передал ее профессору В.В. Ивановскому.

Все эти события сильно отразились на состоянии здоровья Сергея Петровича, и на заседании Совета университета 12 октября 1918 г. он просил ректора и Совет университета освободить его от обязанностей декана «вследствие болезни и крайнего переутомления административной и канцелярской работами, а также в виду невозможности иметь более досуга для обработки новых объявленных мною курсов, в частности в учебно-просветительской ассоциации»²³³. Решением Совета С.П. Шестаков был освобожден от занимаемой должности декана историко-филологического факультета.

Однако прошедшие несколько дней спустя выборы на историко-филологическом факультете показали, что примерно такая же обстановка нежелания сотрудничества с новой властью была и здесь. Поэтому неудивительно, что избранным вновь оказался С.П. Шестаков, имевший, как считали, опыт сотрудничества с властью большевиков. Это избрание также показывает и то, что большинство ведущих профессоров факультета не желало брать на себя столь тяжелую административную ответственность.

Старшее поколение дореволюционных профессоров было «выбито из колеи» привычного уклада жизни изменившейся ситуацией в стране, а на гуманитарных факультетах эта растерянность проявилась особенно ярко. Это вполне естественно для людей, судьба, а подчас и сама жизнь которых была неразрывно связана с Казанским университетом, и которым его трагическое настоящее и неопределенное будущее были далеко не безразличны. Видя, как постепенно разрушается и распадается то, что было создано ими сами и их предшественниками, профессора и преподаватели университета не могли оставаться безразличными. Некая апатия, присущая им в первые годы Советской власти, стала сменяться у многих из них возмущением и неприкрытым озлоблением²³⁴.

С осени 1918 года начинается реформирование высших учебных заведений. Осуществлялось оно в направлении коренного изменения существующего учебного процесса и структуры факультетов, и в первую очередь, это касалось гуманитарных факультетов. Политика Советской власти в отношении гуманитарных факультетов была направлена на разрушение существовавшей системы подготовки

---

²³³ Там же. Л. 236–237.

²³⁴ О взаимоотношениях «старой» и «новой» культур в рамках Казанского университета см.: *Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Конфликт университетских культур в 1917-1920-е годы // *Историки в поиске новых смыслов.* С. 377–384.

специалистов, с тем, чтобы впоследствии создать свою систему, отвечающую задачам строительства нового общества²³⁵.

Реформирование гуманитарного образования должно было привести к созданию марксистской исторической науки. Первые меры в плане реорганизации высшей школы были предприняты СНК в декабре 1918 г., когда были отменены все ученые звания, ученые степени доктора и магистра и были назначены перевыборы на всех кафедрах²³⁶. По декрету СНК от 28 декабря 1918 г. с 1 января 1919 г. на всех кафедрах в университетах должны пройти перевыборы. Согласно этому декрету, С.П. Шестаков снял с себя исполнение должности декана историко-филологического факультета. И.о. декана стал сначала профессор М.В. Бречкевич, а затем был выбран профессор И.А. Стратонов. Последний исполнял должность декана историко-филологического факультета до 20 февраля 1919 г., когда деканом вновь был избран С.П. Шестаков. Проведенные перевыборы профессоров не внесли никаких изменений в состав преподавателей факультета – все профессора были переизбраны на свои кафедры²³⁷. В этот период Сергей Петрович ведет в университете занятия по следующим курсам: история греческой литературы, изучение греческих элегических поэтов, греческая диалектология, греческие частные древности, греческая эпиграфика. Эти курсы он читает на славяно-русском и классическом отделениях. Кроме того, он преподает элементарный курс греческого языка для студентов всех отделений факультета²³⁸.

Попытки преобразования историко-филологического факультета начались с весны 1919 года. 3 марта 1919 года было издано постановление Наркомата просвещения о создании факультетов общественных наук (ФОН) на основе слияния юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета. Этот проект вызвал сильный протест преподавателей как историко-филологического, так и факультета общественных наук. Сергей Петрович считал такое слияние преждевременным, тем более что в программу исторического отделения были уже введены некоторые общественные дисциплины. «По моему убеждению, как декана факульте-

---

²³⁵ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 281.

²³⁶ Декрет СНК от 9 декабря 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учреждений и Вузов в РСФСР» упрощал систему ученых степеней и званий, по нему отменялись ученые степени магистра и доктора и вводилось единое звание профессора, для тех кто проработал в ВУЗах более трех лет.

²³⁷ См.: НА РГ. Ф. Р.-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 17. Для участия в перевыборах требовалось иметь две рекомендации от ведущих профессоров. Все казанские профессора получили такие рекомендации.

²³⁸ См.: *Шофман А.С.* С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед.хр. 138. Л. 12–13.

та, дальше этого мы пока идти не можем и оснований не имеем», сказал Шестаков на объединенном заседании историко-филологического факультета и факультета общественных наук²³⁹.

Комиссией из профессоров ИФФ и ФОНа, в которую входил и Шестаков, была предложена программа слияния двух факультетов, предусматривающая открытие 7 отделений: экономического, юридического, исторического, классической филологии, словесного, восточного, философского. «Такой единый факультет оправдывался бы теоретически, так как все науки указанных циклов изучают различные стороны социальной жизни человека и потому самым тесным образом связаны между собой. Он оправдывался бы и практически: необходимостью для всех отделений одних и тех же преподавательских наук, как-то наук философских, политической экономии, социологии, общих исторических курсов», – таково было обоснование предложенного соединения двух факультетов²⁴⁰. Однако на таких условиях соединить факультеты не удалось. И факультет общественных наук был создан только из бывшего юридического факультета.

Последним испытанием для факультета было упразднение с 1 июля 1921 года историко-филологических факультетов Российских университетов и создание на их базе факультетов общественных наук, «имеющих задачей создание кадров научно-подготовительных – практических работников социалистического строительства»²⁴¹. Однако и здесь С.П. Шестаков предлагает вариант слияния двух факультетов, предусматривающий сохранение имеющего в Казани потенциала развития гуманитарных исследований. «В виду закрытия историко-филологического факультета возникает необходимость озаботиться о том, чтобы в РСФСР не вымерла исследовательская работа в области гуманитарных наук и чтобы не прекратилось их развитие» было предложено в рамках ФОН образовать 5 институтов: лингвистики, философии, психологии и педагогики, литературы и истории²⁴². В НАРТ в фонде Казанского университета сохранилось дело «Материалы по организации ФОНа и упразднении ИФФ», в котором представлены программы исследований по всем пяти институтам²⁴³.

Все эти предложения факультетов были направлены на сохранение филологического и исторического образования, однако не были осуществлены. Преподавательская часть университетской корпора-

---

²³⁹ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Протоколы заседаний историко-филологического факультета. Л. 65.

²⁴⁰ Там же. Л. 67.

²⁴¹ Официальные сообщения // Вестник народного просвещения ТССР. 1921. № 2. С. 54.

²⁴² НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

²⁴³ Там же. Л. 6 об–9 об.

ции сознательно и стойко придерживалась «старых» традиций и ценностных установок, пытаясь обеспечить непрерывность процесса социокультурного наследования и традиций гуманитарного образования²⁴⁴. В результате закрытия ИФФ была нарушена преемственность в подготовке научных кадров профессиональных историков, и в развитии самой исторической науки²⁴⁵.

В августе 1921 г. был создан Факультет общественных наук. Однако и он просуществовал недолго – до августа 1922 года, когда вошел в состав Восточного педагогического института (ВПИ).

На факультете общественных наук С.П. Шестаков продолжал читать лекции по истории Византии и преподавать греческий язык. Кроме того, он стал читать лекции по истории Древнего Востока, истории греческой и итальянской литературы, а так же вел занятия по итальянскому языку²⁴⁶. Об этом свидетельствуют записи в дневнике М.В. Нечкиной, которая занималась с С.П. Шестаковым итальянским языком²⁴⁷.

В 1921-22 учебном году С.П. Шестаков читал курс по истории античного социализма. Задача этого курса состояла в том, чтобы проследить развитие теории социалистических учений от античной древности (Греция и Рим) до нового времени. Излагались теории «в связи с экономическим и социальным положением в обществе». Предполагалось дать обзор источников и литературы по истории социалистических теорий в древности и в новое время, указать на связь античных и современных идей, на утопичный характер социалистических теорий в древности и новое время, рассмотреть отношение к собственности, к классовой дифференциации и т.д. Для этого С.П. Шестаков привлекает большой круг трудов по истории нового социализма²⁴⁸. К сожалению, в нашем распоряжении есть только программа этого курса, текста лекций не сохранилось.

В 1921 и 1922 гг. Сергей Петрович подавал прошения о разрешении ему командировок в Москву и Петроград на летнее время. Целью обеих командировок было завершение учебных курсов и статей: «Античный социализм и его связи с социализмом нового времени», «Трудовые массы в древнем мире, их организация и зарождение коопера-

---

²⁴⁴ *Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Конфликт университетских культур. С. 384.

²⁴⁵ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 285.

²⁴⁶ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 25.

²⁴⁷ Дневники академика М.В. Нечкиной // ВИ. 2004. № 10; Дневники М.В. Нечкиной. Казань и Казанский университет. Казань, 2003; «Когда я буду «великим» человеком... очень пригодятся мои тетради...» (из дневниковых записей академика М.В. Нечкиной. 1913-1923 гг.) // Отечественные архивы. 1997. № 5.

²⁴⁸ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 27. Д. 13. Л. 52–53.

ции»²⁴⁹. Кроме того, в прошении о командировке, датированном апрелем 1922 г., С.П. Шестаков намечал такие темы для исследования: положение земледельческого и ремесленного классов в византийскую эпоху по данным папирусов, проблема о происхождении скифов по данным литературных и археологических источников, религиозные и моральные искания IV-го века по Р.Хр., в произведениях Юлиана Отступника и Либания²⁵⁰. Как видим, С.П. Шестаков пытался, с одной стороны, подстроиться под новую тематику научных работ, о чем свидетельствует названные работы, с другой, – тема о Юлиане Отступнике и Либании продолжала исследования, начатые им еще в 1914 г.²⁵¹ Ученый пытался продолжить ту линию развития византиноведения, которая существовала в России до революции 1917 г.

В начале 1920-х гг. в Казани действовало еще несколько учебных заведений, занимавшихся подготовкой специалистов историков и филологов. В 1917 г. начал свою работу Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАЭИ), включавший несколько отделений. С 1919 г. С.П. Шестаков был деканом археологического отделения²⁵², читая там же курс общей и византийской палеографии и курс доисторической культуры Эгеиды, а также лекции по древним языкам, византийской литературе. На археологическом отделении он читал лекции по греко-римской археологии²⁵³.

Из сохранившегося отчета по курсу «Общая и византийская палеография» видно, что студентам давалась обширная подготовка по этому предмету, включавшая ознакомление с историей развития письменности, разбор стилей письма, основательное знакомство с папирусами. В качестве учебных пособий привлекались публикации папирусов²⁵⁴.

В 1920-23 годах в Казани действовала Восточная Академия. В нее в 1920 году был включен Северо-Восточный археологический и этнографический институт. С.П. Шестаков преподавал в Восточной Академии, где читал лекции по истории Древней Греции и Востока. В 1923 году Восточная Академия была, так же как и ФОН, включена в состав Восточно-педагогического института.

---

²⁴⁹ Там же. Д. 14. Л. 11.

²⁵⁰ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 27. Д. 18. Л. 8. Однако мы не имеем сведений о том, состоялись ли эти командировки и каковы их результаты.

²⁵¹ См.: перевод речей Либания, сделанный С.П. Шестаковым в 1914-1916 гг. и изданный в Казани в 2-х томах.

²⁵² *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный Археологический и Этнографический Институт в Казани // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 84.

²⁵³ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 2л. Д. 6. Л. 4 об; Д. 14. Л. 4.

²⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–54.

С закрытием ФОНа и Восточной Академии ВПИ остался единственным учебным заведением с гуманитарными науками в Среднем Поволжье. В ВПИ существовали 2 исторические кафедры: русской истории и всеобщей истории. В состав последней и вошли С.П. и Д.П. Шестаковы.

С.П. Шестаков в ВПИ читал курсы «История античной культуры», по истории Древней Греции, заведовал археолого-нумизматическим музеем²⁵⁵. Параллельно Сергей Петрович продолжает работать и в Казанском университете, где является лектором латинского языка на медицинском факультете и итальянского на факультете общественных наук. Сотрудничает С.П. Шестаков и с рабфаком – здесь он также преподает языки – немецкий и латинский²⁵⁶.

Радикальные изменения в общественно-политической жизни российского общества после Октябрьской революции оказали сильное влияние на развитие исторической науки в стране. Это нашло свое отражение в изменившейся тематике исследований и в снижении интенсивности исследовательской деятельности, хотя последнее скорее по количеству публикаций, а не действительных исследований и планов научной деятельности ученых. Очень часто многие исследования оставались в рукописях, и так и не вышли свет²⁵⁷. В 20-е годы практически прекратилась исследовательская работа по всеобщей истории в Казани. Большинство историков или покинули Казанский университет, или прекратили свою научную деятельность. Последнее можно объяснить рядом причин, во-первых, 1917-1920-е годы не способствовали интенсивной исследовательской деятельности в силу политических и социально-экономических причин; во-вторых, реформы вузовской системы образования выбивали из колеи ученых старой школы.

В 1920-е годы ухудшается материальное положение профессуры. Выдача жалования производилась с опозданием на 1-2 месяца. Причем само это жалование было весьма скудным. Достаточно сказать, что зарплата профессора в 1921-1922 годах составляла лишь 20-25 % от дореволюционной и была в 3-4 раза ниже зарплаты дворника. Реальная ценность рубля падала, стоимость продуктов возросла. Так

---

²⁵⁵ НА РТ Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 94. Л. 5.

²⁵⁶ Архив РАН. Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 3.

²⁵⁷ См.: *Талашова Н.С.* Ученые-антиковеды России: попытки спасти страну на рубеже XIX – XX веков // *Талашова Н.С.* Изб. труды. Т. 1. С. 368. См. так же: *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси (1920–1930-е годы): автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999.

в апреле 1920 года ржаная мука на вольном рынке города дошла до 8-10 тыс. руб. за пуд²⁵⁸.

Плохим было и материальное положение Казанского университета, не получавшего почти никаких ассигнований на научные расходы и поставленного в необходимость из-за отсутствия дров свести отопление университетских зданий к минимуму. В большинстве аудиторий университета температура была около 0 градусов Цельсия или ниже²⁵⁹. Не было бумаги для введения научных работ.

В 1923 г. была создана Татарская комиссия по улучшению быта ученых, на учете которой состояло 289 профессоров и преподавателей. Но в целом материальное положение ученых оставалось тяжелым. В 1925/26 уч. году профессора получали 140 рублей в месяц, и если не подрабатывали в других вузах, то этот заработок не покрывал их жизненно необходимых расходов²⁶⁰. Негативно сказывалось на развитии науки и отсутствие связей между учеными как внутри страны, так и за границей, отсутствие новой литературы российской и иностранной. Бедственное положение подталкивало профессоров к переезду в другие города, большей частью в Москву и Петербург.

В это время С.П. Шестаков продолжал заниматься научной деятельностью. Он не представлял себе жизни без научного труда и пытался сохранить то немногое, что было в Казанском университете в плане развития исследований по классической филологии и византиноведению. В 1921 г. при закрытии историко-филологического факультета обсуждался проект организации пяти гуманитарных институтов. К проекту был приложен перечень исследований, предполагавшихся на каждом из них. С.П. Шестаков предполагал осуществить «исследование языка позднего антицизма», «исследование творчества новогреческих поэтов». Но больший интерес для него опять-таки представляло исследование истории Византии. Здесь от изучения источников он переходит к исследованию собственно исторических проблем, хотя источники продолжают его интересовать. Предполагались следующие работы: «внутреннее положение Византийской империи в IV в. по произведениям Либания и других», исследование культурных отношений Византии и западных стран, изучение положения промышленного торгового классов». Из источниковедческих тем он наметил разбор летописи Продолжателя Феофана «с исторической точки зрения»²⁶¹.

---

²⁵⁸ См.: Корбут М.К. Указ. соч. С. 311; Очерки по истории Казанского университета... С. 161.

²⁵⁹ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 269—271.

²⁶⁰ Бикташева А.Н. Вместо императорского государственного: 1922-1929 года // Очерки истории Казанского университета. С. 175—176.

²⁶¹ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 8об.

В русле марксистского направления были составлены Сергеем Петровичем программы практических занятий. Так, семинарах по истории Византии предполагалось рассматривать положение трудящихся масс, но это делалось исключительно по источникам. Таким образом, С.П. Шестаков пытался сохранить традиции исторического образования, но в то же время приспособить тематику своих курсов к официальному направлению в исторической науке.

В период работы в Восточно-педагогическом институте С.П. Шестаков обращается к изучению языков народов Поволжья. С февраля 1928 г. он становится сверхштатным преподавателем финского языка в Восточно-педагогическом институте на марийском и вотском отделениях. Предварительно он провел большую работу и подготовил к печати ряд работ по финно-угорской филологии. А.С. Шофман отмечает, что в это время он большое количество докладов по этой тематике читает на заседаниях этнографической секции ОАИЭ и на научных собраниях в ВПИ²⁶², однако и эти работы остались неопубликованными. Продолжает Сергей Петрович сотрудничать и с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которое действовало до 1931 г. Так, в 1928 г. он входит в комиссию по собиранию болгарских надписей. В отчете общества за 1927–1928 гг. сказано, что «большую помощь и содействие в возобновлении связи с границей оказал почетный член общества С.П. Шестаков»²⁶³.

Неопубликованными остались и ранее подготовленные работы: «Античный социализм и его связи с социализмом нового времени», «Трудовые массы в древнем мире, их организация и зарождение кооперации». В 1920-е годы С.П. Шестакову удалось опубликовать несколько работ по истории Византии²⁶⁴ и Древней Греции²⁶⁵.

В 20-е годы работала Русско-византийская комиссия, в задачи которой входило изучение русско-византийских отношений и подготовка к переизданию «Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis»

---

²⁶² Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРПК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед.хр. 138. Л. 16.

²⁶³ Архивные материалы ОАИЭ. Отчет за период с 1 апреля 1927 по 1 апреля 1928 г. // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 7585. Л. 4, 5–6.

²⁶⁴ Шестаков С.П. 1) Завещание общинного врача Фебаммона // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 2.; 2) Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524 // ВВ. 1926. Т. 24.; 3) К истории Греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X в. Отд. оттиск из сборника «Byzantinoslavica». Т. 1. 1929; 4) К вопросу об авторе продолжения Феофана // Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines. Belgrad, 1927. Compte-rendu. Belgrad, 1929.

²⁶⁵ Шестаков С.П. 1) Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков // ИОАИЭ. 1923. Т. 32. Вып. 2; 2) Заметки к Гомеру (представлено акад. С.А. Желебевым в ОГН 29 октября 1929) // Доклады АН СССР. 1929.

Дюканжа²⁶⁶. В рамках этой комиссии С.П. Шестакову было поручено выбрать материал для имен и терминов из Никиты Акомината. К 1926 г. С.П. Шестаков уже закончил такую же работу над Никитой Хониатом²⁶⁷.

В 1927 г. в Белграде состоялся II международный конгресс византистов, на котором, к сожалению, русская делегация не присутствовала. Однако доклады наиболее известных русской византистов, в том числе и доклад С.П. Шестакова о хронике Продолжателя Феофана были прочитаны на конгрессе, а затем напечатаны.

С.П. Шестаков до 1933 г. остается лектором латинского языка на медицинском факультете, немецкого на рабочем факультете. С 1934 г. работает в библиотеках научных учреждений. С 1936 г. работает в Научной библиотеке Казанского университета, где составляет каталоги античной и средневековой литературы и каталог редких книг из собрания библиотеки²⁶⁸.

В июле 1931 года готовилось обвинительное заключение «о контрреволюционной деятельности группы профессоров и преподавателей Казанского Восточно-педагогического института и Казанского университета и его студенческих разветвлений в тех же вузах, обвиняемых по ст. 58-11 УК РСФСР». Как было заявлено в постановлении уполномоченного следственного отделения ОГПУ Ласкова от 25 марта 1931 г., «объединяющей организационной формой для всех членов этой группы лиц являлось Казанское общество археологии, истории и этнографии..., которое являлось по своей деятельности контрреволюционной организацией, служившей убежищем для антисоветски настроенных элементов и оказавшим на протяжении ряда лет исключительно большое влияние на антимарксистскую постановку преподавания и разработку исторических вопросов»²⁶⁹.

В печати не раз высказывались обвинения в том, что оно «проводило колонизаторскую, миссионерскую, русификаторскую, великодержавную деятельность» даже в первые годы советской власти, и что в нем мирно уживались представители буржуазной науки, русские и татарские националисты, объединенные враждой к пролетарской революции, под прикрытием марксистской фразеологии. В итоговом обвинении следствия от 31 июля 1931 г. лидером этой группы был объявлен умерший в 1929 г. Е.Ф. Будде, а членами – С.П. Шестаков, В.И. Анучин, В.Ф. Смолин, Н.Н. Фирсов, М.А. Васильев, В.В. Неболюбов, Ю.Н. Фармаковский, Н.И. Масленников, Н.Е. Будде,

---

²⁶⁶ Бенешевич В.Н. Русско-византийская комиссия // ВВ. 1926. Т. 24. С. 121.

²⁶⁷ Там же. С. 128.

²⁶⁸ См.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 14. Л. 4.

²⁶⁹ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 356.

Е.Н. Чернышев, некоторые выпускники и студенты КГУ и ВПИ. Суд над ними, однако, не состоялся, арестованных отпустили²⁷⁰.

В этот же период С.П. Шестаков знакомится с профессором анатомии В.Н. Терновским, который увлек его работой над переводом труда Андрея Везалия «О строении человеческого тела». Часть этого перевода была уже издана в «Ученых записках Казанского университета» в 1930 г.²⁷¹ Сам В.Н. Терновский начал работать над переводом еще в 1920-е годы. В начале 1930-х он переезжает в Казань, где работа была продолжена уже в сотрудничестве с С.П. Шестаковым. В 1934 г. была начата переписка с Академией наук об издании перевода. В результате перевод был включен в издательские планы на 1937 г. Института истории науки и техники Академии наук. Однако изданию помешала ликвидация этого института в 1938 г.²⁷² И полностью перевод труда Андрея Везалия «О строении человеческого тела» был издан лишь в 1950-1954 гг. в 2-х томах объемом около 1000 страниц каждый.

Судя по сохранившимся архивным материалам, С.П. Шестаков пользовался в 20-30-е годы высоким авторитетом в научной среде. О чем свидетельствует и обращение к нему Академии наук с просьбой участия в создании учебника по истории греческой литературы, и просьба о написании ряда популяризаторских брошюр²⁷³.

В конце 30-х годов С.П. Шестаков был приглашен к сотрудничеству Институтом мировой литературы им. М.Горького для написания глав в учебнике по истории древнегреческой литературы. С.П. Шестакову было предложено написать главы о греческом эпосе, его развитии, поэмах Гомера и гомеровском вопросе. В протоколах заседаний секции античной литературы находятся материалы обсуждения глав представленных С.П. Шестаковым в учебник.

Все признавали высокую научность текста, однако были сделаны и замечания, в частности, тяжеловесность стиля автора, более пригодного для научной статьи, чем для учебника, отсутствие выводов, а также следование в некоторых вопросах за Эд. Мейером, что было

---

²⁷⁰ Там же. С. 357; Литвин А.Л. Репрессированная наука // Эхо веков. 1998. № 3–4. С. 206.

²⁷¹ Андрей Везалий. О строении человеческого тела, перевод (с изд. 1725 г.) члена-корреспондента АН СССР, проф. С.П. Шестакова, под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского // УЗКУ. 1930. Т. 90. Кн. 2, 6.

²⁷² Переписка отложилась в Архиве Российской Академии наук в фонде Института истории науки и техники. Продолжалась она с 1934 по 1937 гг. В фонде представлены в основном лишь письма В.Н. Терновского, который пробивал издание этого перевода, и лишь одно письмо С.П. Шестакова, где он вносит некоторые уточнения в перевод. См.: Архив РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 94. Л. 3, 5, 6; Д. 122. Л. 23, 24–32.

²⁷³ Архив РАН. Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 8.

неприемлемо²⁷⁴. На заседаниях было решено переделать присланные тексты С.П. Шестакова в более приемлемые по стилю для учебника. Работа эта была поручена Б.В. Горнунгу и Ф.А. Петровскому²⁷⁵. Учебник был написан к 1940 г., однако издан был лишь в 1946 г. В итоге в опубликованном в 1946 г. тексте «Истории греческой литературы» Шестаковым были написаны глава 4, без шестого параграфа. Практически полностью им написан раздел о греческом эпосе, а также некоторые статьи о греческой драме.

В 1938 г. С.П. Шестаков заполняет анкету для Отдела кадров Академии наук СССР. Анкетные данные часто в это время предоставлялись по конъюнктурным соображениям. Так, в графе «отец» Сергей Петрович пишет: «работник народного образования»²⁷⁶. К анкете должен быть приложен список трудов. С.П. Шестаков при составлении списка не скрывал названий произведений, как это делал, например, Д.В. Айналов²⁷⁷. Особое внимание С.П. Шестаков обращает на сочинение о хронике Георгия Монаха, на магистерскую и докторскую диссертации, на работу по истории Херсонеса, на перевод речей Либания. Из работ 1920–1930-х годов он называет исследования «Смерть и бессмертие в представлениях древних и новых греков», «Завещание общинного врача Фебаммона», «К вопросу об авторе хроники Продолжателя Феофана» и «К вопросу о национальности киммерийцев»²⁷⁸ и перевод труда Андрея Везалия²⁷⁹.

Умер Сергей Петрович Шестаков в 1940 году в Казани. Академик М.М. Покровский на заседании секции античной литературы в Институте мировой литературы, сообщая о смерти С.П. Шестакова, дал ему

---

²⁷⁴ Это показывает, что принятие марксизма С.П. Шестаковым не было полным, ему было сложно перестроиться. Новые идеологические установки позволили С.П. Шестакову расширить проблемное поле исследований, но теоретическую часть он не принял. Его текст для учебника по истории греческой литературы выправлялся с точки зрения марксизма другими.

²⁷⁵ См.: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 12. Л. 20; Д 51. Л. 185–210; Д. 53. Л. 160–173; Д. 79. Л. 10–39, 50–191.

²⁷⁶ Архив РАН. Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 1.

²⁷⁷ См.: *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 308.

²⁷⁸ См.: *Шестаков С.П.* 1) Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков // ИОАИЭ. 1923. Т. 32. Вып. 2; 2) Завещание общинного врача Фебаммона // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 2; 3) К вопросу об авторе продолжения Феофана // Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines. Belgrad, 1927. Compte-rendu. Belgrad, 1929; 4) К вопросу о национальности киммерийцев // Сборник в честь проф. Багаля (известно из списка представленного С.П. Шестакова в Отдел кадров Академии наук СССР. См.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 7).

²⁷⁹ См.: *Андрей Везалий.* О строении человеческого тела, перевод (с изд. 1725 г.) члена-корреспондента АН СССР, проф. С.П. Шестакова, под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского // УЗКУ. 1930. Т. 90. Кн. 2, 6.

такую характеристику: «Это был человек широкого филологического образования, не только эллинист-классик, но и очень опытный византист, который имел заслуженную известность»²⁸⁰. В архиве Академии наук СССР удалось разыскать переписку С.П. Шестакова с известными учеными своего времени: Ф.И. Успенским, Ю.А. Кулаковским, П.В. Никитиным, В.Г. Васильевским, А.А. Шахматовым, С.А. Жебелевым, В.В. Латышевым²⁸¹, Ф.Е. Коршем²⁸². Необходимо отметить, что С.П. Шестаков в процессе своей преподавательской деятельности в Казанском университете занимался подготовкой профессорских стипендиатов по специальности греческая филология (ими были его брат Д.П. Шестаков, А.А. Фирсов) и по истории Византии (Ю.А. Иванов)²⁸³.

§ 3. Основные вехи жизни и творчества Д.П. Шестакова

Младший сын Петра Дмитриевича Шестакова **Дмитрий Петрович** родился в Казани в 1869 году. В 1887 г. Д.П. Шестаков окончил 2-ю Казанскую гимназию с золотой медалью. В этом же году он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, который окончил в 1891 году. Учителем Д.П. Шестакова можно назвать Ф.Г. Мищенко, под руководством которого Дмитрий Петрович пишет несколько работ по греческой эпиграфике: «Галикарнасская надпись конца 80 Олимпиады», «Афинско-аргосский союзный договор 420 г. до Р.Хр.» и «Почетные зрители афинского Дионисова театра (по надписям, сохранившимся в его развалинах)»²⁸⁴. Эти работы

---

²⁸⁰ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 80. Л. 31.

²⁸¹ Фонды этих ученых хранятся в Петербургском филиале Архива РАН. Ф. 96. В.Г. Васильевский; Ф. 110. В.В. Латышев; Ф. 116. Ф. И. Успенский; Ф. 134. А.А. Шахматов; Ф. 729. С.А. Жебелев.

²⁸² Архив РАН. Ф. 558. Оп. 4. Д. 380.

²⁸³ А.А. Фирсов был оставлен в 1912 г., однако имеющиеся документы в фондах Казанского университета не позволяют проследить его дальнейшую судьбу. Ю.А. Иванов был оставлен для приготовления к профессорскому званию в 1917 г. В инструкции, составленной С.П. Шестаковым, основной упор был на изучение византийских источников (См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2493. Л. 16–18). После октября 1917 г. он продолжал заниматься научной деятельностью, работал в Казанском университете и Восточно-педагогическом институте, где вел практические занятия по древней истории и истории Византии. В 1920 г. Ю.А. Иванов был переведен в Томский университет. Из фондов Архива Российской Академии Наук стало известно, что в 1939-1940 гг. он был заведующим кафедрой всеобщей истории в Пермском педагогическом институте (См.: Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-39. Д. 19. Л. 11, 17). Далее его судьба не известна.

²⁸⁴ Первые две работы Д.П. Шестакова опубликованы в «Ученых записках Казанского университета» благодаря заботам Ф.Г. Мищенко. См.: *Шестаков Д.П.* 1) Афинско-аргосский союзный договор 420 г. до Р.Хр. и передача его Фукидидом // УЗКУ. 1891.

Д.П. Шестакова были опубликованы в «Ученых записках Казанского университета». Видимо, публикация статей преследовала цель со стороны Ф.Г. Мищенко побудить Дмитрия Петровича заняться научной деятельностью.

Однако он отказался от сдачи государственных экзаменов. Объяснение этого поступка можно найти в письме к его другу с гимназических лет П.П. Перцову. Дмитрий Петрович пишет ему: «... разные унизительные и скучно-скверные подробности, которые обставляют у нас сан и звание ученого – вот что отвращает и «мертвит» (Тютчевское слово). Я бы на месте наших университетов, усмотрев в студенте желание самостоятельно и с пользой работать, обеспечивал бы его для дальнейшей работы и освобождал (подчеркнуто Д.П. Шестаковым – Л.Ш.) от противных формальных действий. Мы все скачем на одной ножке за параграфами Запада, боясь встать самостоятельно на свои две ноги»²⁸⁵. Сын Д.П. Шестакова П.Д. Шестаков так пытается объяснить этот поступок отца: отец был «антицерковником» и никогда «не посещал церковных богослужений, не исповедовался и не причащался, не принимал дома священников с праздничными “обходами”» и возможно именно это «имел в виду Д.П. Шестаков, когда писал Перцову об “унизительных и скучно-скверных подробностях, которыми обставляют сан и звание ученого”»²⁸⁶. Более вероятно, что Д.П. Шестаков имел в виду большое количество выпускных экзаменов, которых на историко-филологическом факультете было 15.

После окончания курса историко-филологического факультета Казанского университета Д.П. Шестаков стал работать сверхштатным учителем Казанского 4-хклассного городского училища. В 90-е годы XIX в. Д.П. Шестаков занимался литературной деятельностью. Он сотрудничал с «Литературным приложением к Торгово-промышленной газете», с газетой «Слово», с журналом «Мир искусства». В них он печатал литературоведческие и литературно-критические статьи, а так же свои стихи²⁸⁷.

В поэзии Д.П. Шестаков был поклонником А.А. Фета. Его друг П.П. Перцов отмечает, что стихи он «начал писать с ранних лет и к

кн. 2; 2) Галикарнасская надпись конца 80-ой Олимпиады и ее важность при изучении Геродота // УЗКУ. 1891. кн. 4. Работа о Дионисовом театре так и осталась неопубликованной, хотя на ней стоит надпись декана А.И. Александрова «в печать». См.: ОРРК НБЛ КГУ. Ед.хр. 1963. Л. 1.

²⁸⁵ Шестаков Д.П. Стихотворения: (материалы к библиографии) / Сб. составил П.Д. Шестаков. Б.м., 1979 // ОРРК НБЛ КГУ. Ф.21 Ед.хр. 12. Л. 186. Далее Шестаков Д.П. Стихотворения. 1979.

²⁸⁶ Шестаков Д.П. Стихотворения. 1979. Л. 228.

²⁸⁷ Шестаков Д.П. Стихотворения. 1979. Л. 96.

студенческим годам был уже сложившимся поэтом»²⁸⁸. Это проявилось, как отмечает один из исследователей поэзии Д.П. Шестакова Л.К. Долгополов, в пристальном внимании «к скрытым “тайным” движениям души, к установлению ее связей со всем природным миром», так и в стихотворной форме: в своих стихотворениях Шестаков избегает «развернутых описаний и повествовательных картин», «его излюбленная форма – небольшое стихотворение»²⁸⁹. В. Молодяков считает, что «как поэт Шестаков сложился под влиянием кумира своей юности Фета и менее явно – Тютчева». Он указывает и на то, что «демонстративный отказ Шестакова от поэтических новаций последующих поколений сделал его “маргиналом” в литературном процессе, но доказал жизнеспособность формы “лирического фрагмента”, в разработке которой ему принадлежит одно из первых мест в русской поэзии XX в.»²⁹⁰. Однако сам Дмитрий Петрович не прилагал усилий к публикации своих стихов, считая себя прежде всего ученым-филологом, переводчиком и литературным критиком.

В своих воспоминаниях его друг и известный литературный критик и издатель начала XX в. П.П. Перцов так охарактеризовал Дмитрия Петровича: «лучшим из Казанских поэтов той поры [90-е годы XIX в. – Л.Ш.] был, бесспорно, мой товарищ по гимназии и отчасти по университету Д.П. Шестаков – пламенный “фетишист” и прекрасный переводчик с древнего»²⁹¹. П.П. Перцов издал сборник «Молодая поэзия», в который включил и стихи Д.П. Шестакова, однако, они не привлекли особого внимания критики, хотя сам сборник вызвал бурную и продолжительную полемику.

В 1900 г. П.П. Перцов выпустил в Петербурге небольшой сборник стихотворений Д.П. Шестакова. Однако после издания сборника Дмитрий Петрович почти не пишет стихов, занимаясь в основном стихотворными переводами из европейской и древней поэзии. П.П. Перцов так напишет позднее: «Но сборники вещь роковая: они или дают толчок к раскрытию таланта, или точно подводят итоги достигнутому и обрывают дальнейший рост. Так вышло и на этот раз... Поэт ушел в научную работу, дав, впрочем, русской литературе немало прекрасных переводов из древних»²⁹².

---

²⁸⁸ Молодяков В. Последний ученик Фета // Новый журнал. Нью-Йорк. 2000. № 219. июнь. С. 96.

²⁸⁹ Долгополов Л. В стране Лазури (неизвестные стихотворения Д.П. Шестакова) // Дальний Восток. 1970. № 7. С. 141.

²⁹⁰ Молодяков В. Указ. соч. С. 93–94.

²⁹¹ Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. / Вступ. ст. сост., подг. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 2002. С. 54.

²⁹² Там же. С. 247.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Д.П. Шестаков состоял в переписке с А. Фетом. Первое письмо Дмитрий Петрович отправил А.А. Фету 30 ноября 1888 г. К письму были приложены собственные стихи Дмитрия Петровича. Ответ от А.А. Фета пришел 3 декабря того же года. В нем он высоко оценил творчество Д.П. Шестакова. После этого их переписка продолжалась еще около трех лет²⁹³. К каждому из своих писем к А.А. Фету Дмитрий Петрович прикладывал несколько своих стихотворений.

В то же время он продолжает заниматься и научной деятельностью. Благодаря Ф.Г. Мищенко, тогда редактора «Ученых записок Казанского университета», были опубликованы его переводы «Героинь» Овидия и «Гомеровских гимнов», а так же статья «Рукописное собрание Афона»²⁹⁴. А.А. Фет так оценивал переводы Д.П. Шестакова: «Сердечно благодарю Вас за прекрасные переводы Гомеровских гимнов. Пора молодым силам, вслед за нашими слабыми попытками, обогащать нашу до сих пор пустую библиотеку классических переводов. Ваши переводы сделаны рукою умеющего нащупать несравненную красоту античных форм»²⁹⁵.

В 1903 году Д.П. Шестаков все же, видимо под давлением старшего брата, а также материальных обстоятельств, так как литературно-критические статьи не давали стабильного дохода, сдает экзамены в Казанском университете за полный курс историко-филологического факультета и получает диплом первой степени. После этого Д.П. Шестаков был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии. Ходатайствовал перед факультетом об оставлении Д.П. Шестакова профессор Д.И. Нагуевский. В прошении он приводит список научных работ Д.П. Шестакова, в том числе и выполненных им еще в студенческие годы под руководством Ф.Г. Мищенко и напечатанных в «Ученых Записках Казанского университета»²⁹⁶. В представлении подчеркивалось, что «обе статьи приводятся в новейшем труде по греческой историографии «Введение к истории древней Греции» В.П. Бузескула. В этих статьях, под руководством Ф.Г. Мищенко, Д.П. Шестакову удалось воспользоваться как новейшей ученой литературой предмета,

---

²⁹³ Шестаков Д.П. Стихотворения. 1979. Л. 94. Часть переписки Д.П. Шестакова с А.А. Фетом находится в ОР РГБ Ф.218. Картон 1379. Ед.хр. 39. Здесь представлены три письма А.А. Фета к Д.П. Шестакову за 1891–1892 гг.

²⁹⁴ Опубликовано в: Ученые записки Казанского университета. 1902. Т. 69. Кн. 11. С. 59–210.

²⁹⁵ Цит. по: Поэты 1880-1890-х годов. Л., 1972. С. 584.

²⁹⁶ Шестаков Д.П. 1) Афинско-аргосский союзный договор 420 г. до Р.Хр. и передача его Фукидидом // УЗКУ. 1891. кн.2; 2) Галикарнасская надпись конца 80-ой Олимпиады и ее важность при изучении Геродота // УЗКУ. 1891. кн. 4.

так и осветить древние эпиграфические тексты по содержанию и языку»²⁹⁷. Кроме того, к 1903 году Д.П. Шестаков перевел «Гомеровские гимны», «Героини» Овидия и отрывки из латинских авторов для сборника. В русских периодических изданиях к этому времени появился ряд его рецензий на труды по греческой филологии. Интересно, что программой занятий Дмитрия Петровича была составлена его братом, профессором С.П. Шестаковым²⁹⁸.

Из отчетов Д.П. Шестакова как профессорского стипендиата сохранилось немного, но из сохранившегося видно, что он с самого начала предполагал заниматься изучением народной речи²⁹⁹. В 1905 году он намечает тему для магистерской диссертации: «О народной речи у Аристофана»³⁰⁰. В отчете за первое полугодие 1905 года тема сформулирована несколько иначе: «Черты народной речи в комедии Аристофана»³⁰¹. Возможно, что на выбор темы определенное влияние оказал брат Дмитрия Петровича, уже тогда обративший внимание на необходимость изучения народной речи в греческом языке. Кроме того, будучи профессорским стипендиатом, сам Сергей Петрович хотел обратиться к изучению Аристофана.

Б.В. Варнеке дает такую оценку работе Д.П. Шестакова как профессорского стипендиата: «Исключительное трудолюбие автора, его большая начитанность и научно-литературная опытность дают мне полное право признать его отчет за данный срок вполне удовлетворительным, но вместе с тем я не могу скрыть своего убеждения, что автор приготовит себя к занятию кафедры и разрешит поставленную им задачу, если его дальнейшие занятия будут носить строго определенный характер, чуждый той разбросанности и случайности, следы которой слишком сильно дают себя знать в настоящем отчете»³⁰².

В выписке из журнала Ученого комитета Министерства народного просвещения отмечается, что «г. Шестаков представляет собой редкое явление среди профессорских стипендиатов: не довольствуясь исполнением данной ему программы, он успел сделать гораздо больше указанного, будучи собственно специалистом по языку (он эллинист), он успешно работает почти во всех областях эллинской античности, с похвальным усердием не забывая и Рим, где он штудирует весьма интересный для филолога вопрос о так называемой «народной латыни»»³⁰³. Из этой же выписки мы узнаем, что в 1904

---

²⁹⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1902. Л. 1–1об.

²⁹⁸ Там же. Д. 1875. Л. 66 об.

²⁹⁹ См.: там же. Д. 1902. Л. 104, 104об. Отчет за первое полугодие 1904 года.

³⁰⁰ Там же. Л. 91.

³⁰¹ Там же. Л. 92об.

³⁰² Там же. Д. 1984. Л. 15.

³⁰³ Там же. Д. 1902. Л. 91.

году Д.П. Шестаков опубликовал 4 статьи в «Ученых записках Казанского университета» и «Журнале Министерства народного просвещения», а также две брошюры: «Новейшие изучения древнегреческой литературы и жизни» (Казань, 1904) и «"Персы" Тимофея» (Казань, 1904). Здесь же отмечается, что «особенно интересна вторая, посвященная новооткрытому памятнику греческой поэзии, сразу приковавшему к себе внимание филологов. Г. Шестаков дает полную литературную историю памятника, и полный стихотворный перевод»³⁰⁴.

В 1907 году решением Министерства народного просвещения по прошению директора Русского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенского Дмитрий Петрович был направлен туда «для занятий при институте» сроком на два года³⁰⁵. Русский археологический институт в Константинополе был создан в 1895 году. Он стал школой для представителей «второго поколения» русских византистов. В институте была развернута большая работа по сбору и изучению византийских рукописей и памятников, проводились обширные археологические изыскания и раскопки. Научным руководителем Д.П. Шестакова в Русском археологическом институте был Ф.И. Успенский. Из Константинополя Д.П. Шестаков присылает в Казанский университет два отчета за 1908 г.³⁰⁶

В отчете за первое полугодие 1908 г. Д.П. Шестаков пишет, что занимался в этот период темой, намеченной им для магистерской диссертации: «Греческие жития святых, как памятники народной литературы». Материал был распределен по следующим разделам: легенды о местных святых – приемниках античных божеств, святые-целители и т.д.

Он проводит сопоставления христианской и античной литературы, ищет в последней истоки христианских представлений о святых. В этом он согласен с профессором Узенером, являющимся «одним из зачинателей того плодотворного по результатам направления в изучении житий, которое, совершенно правильно с историко-литературной точки зрения, не отрывает насильственно греческой христианской легенды от языческой греческой легенды, но рассматривает и ту и другую, как единое, в сущности, народное предание, последовательно развивающееся через все течение исторической жизни греческого народа»³⁰⁷. Определенное место в работе уделяется и выявлению еврейской традиции в житиях святых.

---

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же. Оп. Совет. Д. 10811. Л. 62. См. так же НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7739.

³⁰⁶ Отчет за первое полугодие 1908 г. находится в фондах Совета Казанского университета, а отчет за второе полугодие в фондах Историко-филологического факультета.

³⁰⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11567. Л. 1–4.

Д.П. Шестаков отмечает, что параллельно он работал и над темой, данной ему профессором Ф.И. Успенским, «Известия о Константинополе в греческой агиографии». «Помимо сведений о писанных здесь житиях святых, сюда войдут показания агиографов о многочисленных святых, почитавшихся в Константинополе и нашедших здесь место упокоения, о бесчисленных церквах во имя святых и прочая». Д.П. Шестаков считает, что эта работа могла бы оказаться полезной и для определения топографии древнего Константинополя³⁰⁸.

Фактически «Отчет за второе полугодие 1908 г.» представляет собой сжатое изложение законченного труда, который Д.П. Шестаков предполагал представить в качестве магистерской диссертации³⁰⁹. Заявленная им тема называлась «Исследование в области греческих народных сказаний о святых»³¹⁰. Как видим, исследовательские интересы Д.П. Шестакова, как и у его брата, сосредотачивались вокруг двух направлений. Первым была классическая филология (переводы и эпиграфика), вторым – византийская филология и история Византии. И что особенно важно, подобное направление в исследовании византийской литературы С.П. Шестаков наметил еще в 1905 году, когда представил в факультет проект кафедры Византиноведения³¹¹.

Однако в выписке из журнала Ученого комитета при Министерстве народного просвещения делается замечание, что Дмитрий Петрович мало внимания уделил теме о Константинополе. Ученый комитет считает, что именно эта тема должна быть основной в работе Д.П. Шестакова, хотя и признает, что выбранная им тема для магистерской диссертации представляет собой довольно интересную проблему. Тем не менее, внимание, по мнению Ученого комитета, уделяет второй теме значительно больше³¹².

В весной 1909 году, когда возвращался из Константинополя в Россию, Д.П. Шестаков выдержал магистерский экзамен в Новороссийском университете. После он приехал Казань. А в июне этого же года был избран на должность и.о. доцента кафедры греческой словесности Варшавского университета³¹³. В Варшаву Д.П. Шестаков с семьей приехал к началу академического года³¹⁴. В Варшаве он про-

---

³⁰⁸ Там же. Л. 9.

³⁰⁹ В обзоре деятельности Русского Археологического Института в Константинополе за 1908 г. отмечается, что «командированный министерством народного просвещения для занятий в институте Дмитрий Шестаков закончил работу, которую предполагает представить в качестве магистерской диссертации» // ВВ. 1910. Т. XV. С. 455.

³¹⁰ НА РТ. ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2114. Л. 1.

³¹¹ См. §2 настоящей главы.

³¹² НА РТ. ф. 977. Оп. Совет. Д. 11567. Л. 10–10об.

³¹³ Там же. Д. 10811. Л. 74.

³¹⁴ *Шестаков Д.П.* Стихотворения. 1979. Л. 183–184.

был недолго до лета 1911 г., когда был назначен и.о. экстраординарного профессора Казанского университета.

В 1910 г. в «Известиях Варшавского университета» был напечатан его труд «Исследования в области греческих народных сказаний о святых». Труд этот был представлен Дмитрием Петровичем в Санкт-Петербургский университет в качестве магистерской диссертации. Защита диссертации состоялась 3 апреля 1911 г. на заседании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета³¹⁵. Степень магистра греческой словесности была присвоена Д.П. Шестакову 16 мая 1911 г.³¹⁶

В мае 1910 г. историко-филологическому факультету Казанского университета было сообщено о переводе профессора Б.В. Варнеке в Новороссийский университет. В связи с этим возник вопрос о замещении вакантной профессуры. Декан А.И. Александров предлагает факультету замещение путем рекомендации (а не конкурса как обычно) и рекомендует Дмитрия Петровича Шестакова, исполняющего должность доцента в Варшавском университете. Это предложение вызвало некоторую дискуссию на факультете и дело затянулось, тем более что Д.П. Шестаков к этому времени не имел еще степени магистра греческой словесности. При голосовании вопрос был решен в пользу приглашения по рекомендации, с условием защиты в ближайшее время магистерской диссертации³¹⁷.

Рекомендуя Дмитрия Петровича, профессор А.И. Александров отметил его заслуги перед отечественной наукой. Особо он останавливается на двух его трудах. По его словам, в первой работе Шестакова «Три поэта византийского ренессанса» дана «живая и талантливая характеристика эпохи византийского возрождения в области поэзии». Не менее важной была и его вторая работа, магистерская диссертация «Исследования в области греческих народных сказаний о святых». Значение этого труда, отличающегося большой обстоятельностью и точностью в изучении огромного материала греческой агиографии, по мнению А.И. Александрова, в том, что в нем представлены многовековые непрерывные связи религиозных представлений от древнего Востока до христианской эпохи. Отмечалось, что его начитанность в ученой литературе обуславливает широту взглядов, с какой автором обработан весьма значительный круг его первоисточников, материал, без сомнения впервые охваченный в научном исследовании в таком большом объеме³¹⁸.

---

³¹⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2407. Л. 1.

³¹⁶ Там же. Оп. 619 (Личные дела). Д. 30. Л. 67 об.

³¹⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 15602. Л. 2.

³¹⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2165. Л. 3об.

А.И. Александров обращает внимание факультета, что «наряду с научными исследованиями Д.П. Шестаковым ведется и другая работа, весьма важная для отечественной литературы и для популяризации произведений классической словесности. Это его переводы греческих и римских поэтов. Переводы эти, без сомнения, обладают высокими художественными достоинствами: тщательной, стройной, гладкой выработкой гекзаметра, изящной и точной передачей оригинала и, наконец, неподдельным вдохновением переводчика»³¹⁹.

В представлении А.И. Александрова отмечается также и знакомство Дмитрия Петровича с польским, чешским и другими славянскими языками, что являлось редкостью в тогдашней российской науке. Его вступительная лекция в Варшавском университете представляла собой характеристику развития классической филологии в славянских странах и называлась «Греческая филология в славянских странах». А.И. Александров полагает, что в лице Д.П. Шестакова, имеющего и все данные хорошего лектора, «мы имеем солидно и разносторонне подготовленного ученого».

В конечном итоге, факультетом было решено пригласить Д.П. Шестакова на должность экстраординарного профессора по кафедре греческого языка и словесности. В мае 1911 г. Д.П. Шестаков был избран исполняющим должность экстраординарного профессора большинством голосов на историко-филологическом факультете. Однако 16 мая 1911 г. Совет университет не утвердил этого избрания. Редакция газеты «Казанский телеграф» так объясняет этот случай: «"Левое крыло" Казанского университета действует. Дмитрий Петрович, брат С.П. Шестакова, человека правых убеждений, глубокого ученого и прекрасного профессора. Сам избираемый тоже человек правый, имя его стоит высоко в науке и политиковать с левыми он не пожелает. Все это было разведано левыми заранее – они сплотились как один человек, правые же по своей скромности многие отсутствовали, полагая, что левое крыло будет блюсти научные интересы и не повредит ученому стремлению и решению факультета»³²⁰. Однако это обстоятельство не помешало декану А.И. Александрову пригласить Д.П. Шестакова, а последнему принять приглашение работать в Казанском университете.

24 сентября 1911 г. он читает в Казанском университете вступительную лекцию на тему «Основные течения в современной науке классической филологии». Впоследствии ему было поручено факультетом чтение специальных курсов по греческой словесности. С.П. Шестаков также передал своему брату объявленный ранее курс

---

³¹⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 15602. Л. 2об.

³²⁰ Казанская хроника // Казанский телеграф. 1911. № 5428. 18 мая. С. 4.

«Чтение и объяснение комедии Аристофана «Лягушки»». Несколько позднее Д.П. Шестаков стал читать лекции по римской словесности³²¹.

В 1913 г. Дмитрием Петровичем была опубликована монография «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана». Весной 1915 г. она была представлена в историко-филологический факультет в качестве докторской диссертации. Ее представление вызвало бурную дискуссию на факультете по двум вопросам: первый касался присутствия в факультете брата Дмитрия Петровича – Сергея Петровича Шестакова, к тому же декана факультета; второй того, что на факультете нет специалистов по греческой словесности, кроме брата диссертанта³²².

Профессор В.А. Богородицкий заявил факультету, что труд Д.П. Шестакова, как чисто грамматический, близко подходит под предмет его научных исследований, поэтому он мог бы сделать отзыв на это сочинение. На что М.М. Хвостов сделал замечание, что единственным специалистом на факультете по представленной диссертации является брат Дмитрия Петровича, и будет лучше, если Дмитрий Петрович будет защищаться в другом университете³²³.

Профессор Харлампович напомнил факультету случай с диссертацией А.М. Миронова, указав, что «тогда факультет признал возможным принять его диссертацию и поручить ее рассмотрение двум неспециалистам, а что касается того, что единственным специалистом по греческой словесности является брат автора диссертации, то он не находит в этом неудобства, ведь не Сергею Петровичу предлагается рассматривать книгу, а В.А. Богородицкому, который сам изъявил такое желание», к тому же «присуждение степени совершается всем факультетом, а не отдельными лицами»³²⁴. Однако весной этот вопрос решен не был и его рассмотрение было перенесено на осень. За лето профессор В.А. Богородицкий должен был подготовить отзыв о диссертации.

На заседании историко-филологического факультета 15 сентября 1915 г. был заслушан отзыв В.А. Богородицкого о диссертации Д.П. Шестакова. Он признал этот труд достойным степени доктора греческой словесности. Большинство профессоров факультета высказалось за защиту Дмитрием Петровичем докторской диссертации в историко-филологическом факультете Казанского университета.

---

³²¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2173. Л. 125.

³²² Дискуссия по этому вопросу отражена в протоколах заседаний историко-филологического факультета Казанского университета. См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2392. Л. 3–18.

³²³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2392. Л. 3–4.

³²⁴ Там же. Д. 2377. Л. 69.

При условии, выдвинутом М.М. Хвостовым и М.В. Бречкевичем, о необходимости отзыва специалиста по классической филологии. Поэтому факультет просил профессора Д.И. Нагуевского быть вторым оппонентом на защите³²⁵.

Защита была назначена на 15 ноября 1915 г. Официальными оппонентами были назначены профессора В.А. Богородицкий и Д.И. Нагуевский³²⁶. Защита диссертации прошла успешно, и в ноябре того же года Д.П. Шестаков был удостоен степени доктора греческой словесности.

После этого, так же в ноябре 1915 г., профессором Д.И. Нагуевским было возбуждено ходатайство о возведении Д.П. Шестакова в звание ординарного профессора «как строго-научного работника в области классической филологии и талантливого преподавателя»³²⁷. Весной 1916 г. Д.П. Шестаков был назначен ординарным профессором по кафедре греческого языка и словесности Казанского университета.

В то же время Дмитрий Петрович продолжал сотрудничать с различными изданиями, где публиковал литературоведческие работы, переводы из древних и новых поэтов, а также свои оригинальные стихотворения. Сын Д.П. Шестакова П.Д. Шестаков вспоминает, что в 1906 г. Д.П. Шестаков публикует в газете «Слово» две статьи против октябристов и правых, больше политических статей у Д.П. Шестакова не было³²⁸. Дмитрий Петрович писал в газеты фельетоны, и хотя он подписывал их псевдонимами, «псевдоним не всегда охранял тайну авторства», и некоторые среди профессоров «имели зуб» против Д.П.Шестакова за его фельетоны³²⁹, – вспоминают дети Д.П. Шестакова.

После революции 1917 года и до закрытия историко-филологического факультета в июне 1921 г. Дмитрий Петрович преподавал в Казанском университете на кафедре греческого языка и словесности. Вел занятия по греческому и латинскому языкам и читал лекции по среднегреческой литературе. После смерти в 1918 г. Д.И. Нагуевского взял на себя преподавание всех его курсов. На факультете общественных наук преподавал историю Греции, историю религий древнего мира, историю польской литературы XIX в., историю античной литературы.

---

³²⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2377. Л. 105 об. –106.

³²⁶ Там же. Д. 2392. Л. 18.

³²⁷ Там же. Д. 2407. Л. 2.

³²⁸ *Шестаков Д.П.* Стихотворения. 1979. Л. 193.

³²⁹ Там же. Л. 156–157.

Как и его брат, Д.П. Шестаков читает лекции и в других гуманитарных высших учебных заведениях Казани. Д.П. Шестаков также преподавал в СВАЭИ, где читал лекции студентам восточного отделения о связях греков с восточными странами³³⁰. После закрытия СВАЭИ вместе с братом преподавал в Восточной Академии.

С закрытием ФОНа и Восточной Академии единственным учебным заведением с гуманитарными науками в Среднем Поволжье остался Восточно-педагогический институт (ВПИ). В ВПИ Д.П. Шестаков вошел в состав кафедры всеобщей истории вместе с братом. В ВПИ Дмитрий Петрович читал лекции по античной и западноевропейской литературе. Заведовал кабинетом античной культуры (бывшая библиотека классической филологии). В 1923/1924 уч. годах читал курс истории Рима и новой истории³³¹.

Сохранился один из отчетов Дмитрия Петровича о преподавании западноевропейской литературы. Этот курс читался на втором курсе словесного отделения. В лекциях предполагалось дать общую историческую ситуацию, которая предвляла изложение собственно истории литературы со времени падения Западной римской империи до начала XVIII в. Часть лекций была посвящена выяснению того, как те или иные события отражались в западноевропейской литературе. Например, была прочитана тема «Столкновение между церковью и государством и отражение этого в литературе», было уделено внимание и эпохе крестовых походов. Большое внимание в курсе уделяется народной литературе и трудящимся массам, в частности крестьянству.

Как уже отмечалось, что в 20-е годы практически прекратилась исследовательская работа по всеобщей истории в Татарстане. Большинство историков или покинули Казань, или прекратили свою научную деятельность³³². Дмитрий Петрович воспринял происходившее в стране очень трагично. В 20-е годы Дмитрий Петрович публикует лишь две статьи: одну о методике преподавания иностранных языков, а вторая была посвящена развитию археологической науки в России³³³. По свидетельству его сына, Петра Дмитриевича, однажды Дмитрия Петровича застали сжигающим свои бумаги. «На вопрос, зачем он это делает, Дмитрий Петрович ответил, что теперь все это

---

³³⁰ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 2л. Д. 14. Л. 7.

³³¹ НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 53. Л. 6; Оп. 1л. Д. 94. Л. 5; Оп. 1. Д. 39. Л. 3, 4об.

³³² Талашова Н.С. Ф.Ф. Зелинский о роли античности в обществе // Талашова Н.С. Изб. труды. Т. 1. С. 336.

³³³ Шестаков Д.П. К вопросу о методах преподавания английского языка // Труды Государственного Дальневосточного университета. 1926. Сер. XIV. № 1; Шестаков Д.П. Два момента из истории нашей археологической науки // Там же.

потеряло значение, никому не интересно и не нужно», – вспоминает его сын³³⁴.

В летние каникулы 1925 г. Д.П. Шестаков поехал во Владивосток к сыну. Природа Дальнего Востока так полюбилась Дмитрию Петровичу, что он, получив по окончании каникул отпуск без сохранения заработка в ВПИ, остается во Владивостоке и после многолетнего перерыва возвращается к поэтическому творчеству. В период жизни во Владивостоке им было написано около 250 стихотворений, которые признаются лучшими в его поэтическом наследии³³⁵. В его поздних стихах, как отмечает В. Молодяков, «находим еще и своеобразный пантеизм, чувство полного принятия окружающего природного (не социального!) мира и слияния с ним, а также ощущение душевной молодости и радости жизни, хотя и скорректированное тютчевской темой “закатной любви”, но биографически не мотивированной и, может быть, поэтому не окрашенной в трагические тона»³³⁶. Из числа владивостокских стихотворений П.П. Перцовым был составлен сборник, оставшийся, однако, не опубликованным. Наиболее примечательный цикл сборника – «Владивостокские ямбы».

В это период он становится научным сотрудником Дальневосточного университета. Там он работает в качестве ученого секретаря издательства университета и референта по иностранной литературе университетской библиотеке. Дмитрий Петрович пишет в это время ряд работ по методике преподавания иностранных языков. В 1926 г. ему была назначена профессорская академическая пенсия, что позволило больше времени посвящать поэтическому творчеству. Д.П. Шестакову нравилась жизнь во Владивостоке, свидетельства этому мы находим и в письмах его дочери Анны Дмитриевны к одной из своих казанских подруг: «Папе очень нравится его служба»³³⁷. «Библиотечная служба своей тишиной и спокойствием, пожалуй, даже лучше преподавательской», – пишет Д.П. Шестаков в письме к жене и дочери в Казань³³⁸.

В 1931 г. Д.П. Шестаков возвращается в Казань и возобновляет свою научно-педагогическую деятельность в ВПИ (с 1934 г. – Казанский государственный педагогический институт). Будучи академиче-

---

³³⁴ Шестаков Д.П. Стихотворения. 1979. Л. 155.

³³⁵ Долгополов Л. В стране Лазури (неизвестные стихотворения Д.П. Шестакова) // Дальний Восток. 1970. № 7. С. 142; Поэты 1880–1890-х годов. Л., 1972. С. 585; Молодяков В. Указ. соч. С. 94.

³³⁶ Молодяков В. Указ. соч. С. 93.

³³⁷ Шестакова А.Д. Письма к Сорокиной Анне Ивановне // ОР РГБ. Ф. 218. Картон 1400. Ед. хр. 13. Л. 6 об.

³³⁸ Шестаков Д.П. Письма к Шестаковым Александре Никитичне (жене) и Анне Дмитриевне // ОР РГБ. Ф. 218. Картон. 1391. Ед.хр. 5. Л. 2.

ским пенсионером, он до последних дней жизни работает в качестве внештатного профессора греческого языка, проводя занятия с аспирантами исторического факультета КГПИ. Д.П. Шестаков продолжает литературоведческие исследования, изредка пишет стихи, переводит в стихах. Умер Дмитрий Петрович в июне 1937 года в Казани от инфаркта миокарда³³⁹.

Таким образом, в семье Шестаковых можно определить несколько линий влияния на выбор греческой филологии как специальности и предмета исследования. Первая линия связана с влиянием Сергея Дмитриевича, старшего брата, на Петра Дмитриевича Шестакова. Вторая – это влияние самого Петра Дмитриевича на своих сыновей Сергея и Дмитрия. Третья – это влияние старшего из братьев, Сергея Петровича, на младшего, Дмитрия Петровича. Если в первых двух случаях влияние касалось определения научного интереса, то в последнем оно направлено и на определение научной тематики. Здесь просматривается более тесное научное сотрудничество двух ученых, которое выразилось в схожести тематики научных работ, например, исследование византийских источников, в определении направления в научной работе, так С.П. и Д.П. Шестаковы выделяют в качестве одного из направлений в классической филологии исследование народной речи.

Семья Шестаковых явилась своеобразным «культурным гнездом», в котором происходило не только первичное приобщение к духу науки, но втягивание в исследовательскую деятельность и активное обсуждение результатов этой деятельности, что в свою очередь приводило к тому, что члены семьи выбирали схожие направления научной деятельности. Можно утверждать, что среди коммуникативных практик в научной среде далеко не последнее место по значению и роли занимают научные связи, складывающиеся в семьях ученых.

---

³³⁹ Шестаков Д.П. Стихотворения. 1979. Л. 102–105. См. также: Молодяков В. Указ. соч. С. 96–97.

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОСТИ В ТРУДАХ ШЕСТАКОВЫХ

Основы современного представления об античности были заложены во второй половине XIX – начале XX вв. В этот период в российском антиковедении существовало несколько направлений исследовательской деятельности: историко-филологическое, ставившее своей целью реконструкцию исторических фактов (Ф.Ф. Соколов, В.В. Латышев, С.А. Жебелев); культурно-историческое, имевшее в виду широкое осмысление античной цивилизации, в особенности ее духовной жизни (Ф.Г. Мищенко, Ф.Ф. Зелинский, Н.И. Новосадский); социально-экономическое, родившееся после других, но уже до революции успешнее заявить о себе важными научными достижениями (И.М. Гревс, М.И. Ростовцев, М.М. Хвостов).

Характерными чертами антиковедения того времени В.П. Бузескул называет обращение к таким периодам, которые ранее оставались вне поля зрения исследователей, использование вновь открытых источников – эпиграфических, папирологических, нумизматических – и стремление всесторонне изучить жизнь древних народов. Поменялась и точка зрения на события и явления древности, а именно, сложилось вполне реальное к ним отношение³⁴⁰. Отмечается историографами и такая особенность российского антиковедения, как его некоторая аполитичность, что признавалось как достоинство. Н.С. Талашова считает, что это обстоятельство обеспечивало «российской науке об античности особое место в мировом антиковедении»³⁴¹.

Хотя центрами антиковедения продолжали в этот период оставаться Московский и Петербургский университеты, в Казанском университете изучение древней истории велось на достаточно высоком профессиональном уровне, что отразилось на тематике научных исследований, в

---

³⁴⁰ Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и начале XX в. Изд. 2-е. Харьков, 1904. С. 510.

³⁴¹ Талашова Н.С. Генезис российского антиковедения на рубеже веков. Пути и поиски // Талашова Н.С. Избранные труды. Т. 1. С. 375.

использовании новых источников, в стремлении создать полные лекционные курсы с точными подходами и широкими обобщениями. Высокий профессиональный уровень ученых-антиковедов – следствие традиций в подготовке и использовании кадров, сложившихся в российских университетах к последней трети XIX в. Во второй половине XIX – начале XX вв. продолжался активный процесс поиска методов исторической науки, в который включились и казанские антиковеды, что позволило провинциальным специалистам чувствовать себя в русле европейского антиковедения.

Указанные процессы, происходившее в исторической науке, оказали большое влияние на выбор тематики и методов исследовательской работы С.П. и Д.П. Шестаковых. В то же время они сами были активными участниками всех этих процессов.

§ 1. Гомеровский вопрос

Гомеровский вопрос берет начало от изданного в 1795 г. Фридрихом Августом Вольфом труда «Введение к Гомеру», в котором ученый пытался доказать, что известная нам «Илиада» составлена из отдельных механически соединенных песен. Ф.А. Вольф первым обратил внимание на вопрос об авторстве, внутреннем единстве, устной традиции и времени записи гомеровского текста. Для этого он специально исследовал вопрос о письменности у древних греков. В результате своего исследования Ф. Вольф пришел к выводу, что в основе поэм лежит устная народная традиция, составлены они в разное время и из разных частей, записаны при Писистрате и в нынешнем варианте являются результатом серьезной редакционной обработки. Именно этот вывод привел к возникновению так называемого «гомеровского вопроса» в филологической науке и формированию двух направлений исследования – «аналитиков» и «унитариев»³⁴².

Весь XIX век почти безраздельным было господство «аналитиков». Этому способствовало влияние эволюционизма в науке о народной поэзии. Казалось естественным, что эпос складывался постепенно из многих отдельных песен, что он был составлен многими поэтами. Первые попытки аналитиков (Г. Герман, Г. Дюнцер, Ю.Ф. Лауэр, Р. Джебб, Б. Низе и др.) расчленить поэмы строились на анализе противоречий в

---

³⁴² Под аналитиками понимают сторонников Вольфа, пытающихся доказать, что «Илиада» и «Одиссея» не являются произведениями одного автора, а составлены из разных более мелких поэм несколькими редакторами. Унитариев называют сторонников единого авторства поэм, в свою очередь доказывающих, что поэмы принадлежат творчеству одного автора – Гомера.

тексте и неувязок в фабуле. Поскольку неувязок в тексте великое множество, а толкования их разнообразны, на их основе предлагались разные версии расчленения поэм, и, в конечном итоге, метод дискредитировал себя. Расчленение пытались проводить и по стилистическим особенностям (К.Л. Кайзер, Э. Камер, Т. Бергк, Э.Г. Мейер и др.). Использовался учеными для реконструкции первоначального текста поэм и метод сравнения повторов. Исходили из того, что схожие или идентичные места в одних случаях подходят к контексту, а в других – нет. Отсюда заключали о заимствовании из одних мест в другие и восстанавливали на этом основании последовательность стихов в поэме³⁴³.

В XIX в. под влиянием исследований по истории народных эпосов обратили внимание на формульность гомеровского эпоса. Отсюда появился взгляд на поэмы как на фольклорную традицию и принадлежность гомеровских поэм целиком к устной традиции. Первым такую мысль высказал К. Роте. Большое внимание исследователями уделялось и изучению языка поэм. Предпринимались попытки расчленения текста поэм по диалектам. Однако они также оказались неудачными. Язык Гомеровского эпоса оказался искусственным – смесью разных диалектов и придуманных поэтических слов³⁴⁴.

Существовало множество теорий происхождения поэм: теория малых песен, теория компиляции, теория ядра (теория зерна, теория кристаллизации или развертывания), теория интерполяции и другие. В смене этих теорий отражалось главным образом изменение представлений о развитии эпоса и зарождении литературы, и лишь частично в них находило отражение совершенствование методики исследования, основанное на накоплении фактов. Основываясь на этих теориях, аналитики не смогли доказать множественность авторов поэм и постепенное формирование самих поэм за счет вставок и переработок.

В конце XIX – начале XX века появилась серия работ в защиту единого автора «Илиады» и «Одиссеи», что было связано с общим изменением исторического мышления³⁴⁵. Отход от позитивизма, увлечение неокантианством поставило в центр внимания творческую личность, подорвав веру в закономерность развития, и с этого времени чаша весов стала склоняться в сторону унитариев. В качестве одного из доказательств единства замысла поэм унитарии выделяют симметрию – сим-

---

³⁴³ О методах критики, применяемой в филологической науке см.: *Графтон Э.* От полигистора к филологу (как преобразилась немецкая наука об античности в 1780–1850-е годы) / Пер. С. Силаковой // НЛО. 2006. №82; *Тернер Р.* Историзм, критический метод и прусская профессура с 1740 по 1840 год / Пер. Т. Доброницкая // НЛО. 2006. № 82.

³⁴⁴ См.: *Казанский Б.В.* Нынешнее состояние гомеровского вопроса // Классическая филология. Сб. статей. Л., 1959. С. 3–23.

³⁴⁵ *Клейн Л.С.* Анатомия Илиады. СПб., 1998. С. 6.

метричное расположение действий в поэме и внутри песен. По их мнению, поэмы Гомера пронизаны сетью взаимных отсылок, которые связывают разные песни и эпизоды, что также является признаком единого авторства.

Необходимо отметить, что еще в XIX в. точки зрения сторон стали заметно сближаться. Аналитики готовы были признать чей-то исходный замысел в начале образования поэм или чью-то объединяющую руку в конце. С другой стороны, унитарии еще раньше были вынуждены признать наличие в поэме более поздних вставок, что бы объяснить шероховатости текста и его несогласованность в некоторых местах³⁴⁶. В русской филологической науке в этот период господствовала теория единого авторства поэм.

В современной науке признается постепенное развитие «Илиады» и «Одиссеи» первоначально в рамках фольклорной традиции. В тех случаях, когда этапы истории эпоса фиксированы письменно, можно проследить участие разных авторов или разных фольклорных традиций, разных школ. Гомеровский эпос, созданный одним автором, был бы исключением. Однако, доказать наличие одного автора у этих поэм также не возможно. Поэтому большинство исследователей, принимая в качестве автора Гомера, тем не менее, выделяют в поэмах ряд разновременных пластов. И в этом плане исследование С.П. Шестакова о происхождении поэм Гомера представляет определенный интерес.

Гомеровский вопрос привлекал внимание и российских ученых. В 1868 г. появилась обстоятельная статья Ф.Ф. Соколова «Гомеровский вопрос»³⁴⁷. Статья Ф.Ф. Соколова написана с ярко выраженной унитаристской позиции. Констатируя наличие различных направлений в решении гомеровского вопроса, ученый подвергает критике применявшиеся аналитиками методы расчленения поэм на составные части. Он отмечает слабость этих методов и не возможность с их помощью восстановить первоначальный текст³⁴⁸. Ф.Ф. Соколов относит появление поэм Гомера к VIII в. до н.э. В то же время он признает возможность искажений в тексте поэм и различных более поздних вставок. Это происходит, по мнению Соколова, потому, что в течение примерно 100–150 лет поэмы Гомера передавались устно. «Итак, очень вероятно, – пишет он, – что многое в тексте Гомера дошло до нас не в первоначальном своем виде; многое, может быть, и вставлено; но что именно – нет никакой возможности открыть»³⁴⁹. Таким образом, покушение на единство гомеровских поэм, по мнению Ф.Ф. Соколова, бессмысленно.

---

³⁴⁶ См.: Бузескул В.П. Введение в историю Греции. СПб., 1904. С. 36–38.

³⁴⁷ Соколов Ф. Ф. Гомеровский вопрос // ЖМНП. 1868. Ч. 140. С. 360–442, 835–886.

³⁴⁸ Там же. С. 847.

³⁴⁹ Там же. С. 370.

В начале 1870-х годов специально над проблемой работал Д.Ф. Беляев. Его исследование «Омировские вопросы» носило чисто филологический характер, в нем рассматривались некоторые грамматические вопросы. Теоретической основой этой работы стала теория единого авторства³⁵⁰.

В 1877 г. появилась статья А. Иноземцева «Гомеровский вопрос с антивольфианской точки зрения»³⁵¹. В ней автор отмечает из русской литературы по гомеровскому вопросу только работы П.М. Леонтьева и Ф.Ф. Соколова, и что кроме этого «мы не знаем ничего серьезного». Автор статьи, излагая труд греческого ученого Валета, опубликованный в 1867 г. в Германии, явно симпатизирует унитариям и с настороженностью относится к выводам аналитиков, хотя в какой-то мере и разделяет их мнение о том, что часть эпизодов добавлена к основной поэме. «Илиада, – пишет он, – отличается строгим единством сюжета и полной цельностью его развития», некоторые эпизоды являются добавочными украшениями поэм, и их можно отбросить без ущерба для текста³⁵². Далее приводятся рассуждения о гармонии и симметрии в поэмах Гомера, как подтверждение единого авторства. А. Иноземцев считает, что у «Илиады» и «Одиссеи» один автор. «Илиада – произведение Гомера цветущего возраста, «Одиссея» – дело его старости. Принадлежи «Одиссея» к эпохе более поздней, – мы несравненно больше отличий нашли бы в ней относительно фактической и стилистической сторон, потому что быстро развивалась жизнь малоазийских греков в эпоху после троянскую». Фрагментарность современных «Илиады» и «Одиссеи» была вызвана, по мнению Иноземцева, что пелись они по частям и только при Солоне или Писистрате были записаны полностью. Иноземцев признает также и то, что до Гомера существовали песни о Троянской войне, и что он их использовал в своих произведениях³⁵³.

В этот же период появляется ряд работ Л.Ф. Воеводского. В сентябре 1875 г. Л.Ф. Воеводским была прочитана в Новороссийском университете вступительная лекция на тему «О так называемых «Гомеровских поэмах»»³⁵⁴. В ней им высказан своеобразный взгляд на поэмы Гомера, Воеводский считает, что необходимо рассматривать поэмы не как целостные поэтические произведения, а как произведения, составленные из разрозненных элементов, соответствующих русским были-

---

³⁵⁰ См.: Беляев Д.Ф. Омировские вопросы. СПб., 1875.

³⁵¹ См.: Иноземцев А. Гомеровский вопрос с антивольфианской точки зрения. Отд. оттиск. Саратов, 1877.

³⁵² Там же. С. 3.

³⁵³ Там же. С. 5, 6, 7.

³⁵⁴ Воеводский Л.Ф. О так называемых «Гомеровских поэмах». Вступительная лекция по греческой словесности. Одесса, 1876. отд. оттиск.

нам³⁵⁵. «Итак, я утверждаю, что составитель или составители гомеровских поэм не обладали поэтическими способностями, которые им приписываются. Нахожу необходимым смотреть на Илиаду и Одиссею как на более или менее систематические сборники известного рода преданий, в роде сочинений исторических, которые, как известно, даже в позднейшие времена передавали всевозможные мифы в виде древнейших исторических событий, начиная с рассказа о сотворении мира. Тогда конечно личность Гомера отодвинется на второй план. Нас будут интересовать только собранный материал и народ, который верил во все это, как в действительные факты». Незрелость логики древних и их наивное мышление приводит к тому, что нам кажется, что поэмы принадлежат к поэтическим произведениям³⁵⁶.

В 1880 г. Л.Ф. Воеводский публикует отчет о заграничной командировке «О занятиях по критике и мифологии Гомеровского эпоса». «Гомеровские произведения, пишет он, представляются мне не поэзией, а сводом знаний древнейших времен Греции, то есть тогдашней наукой». Так как, по мнению Воеводского в младенчестве наука это миф, то необходимо выяснить мифологическое значение поэм Гомера. Для этого он выдвигает два положения: первое, что стихотворная форма имела лишь мнемоническое значение, и, второе, что допущение современных критиков о поэтическом характере поэм приводит их к неправильным результатам. Поэтому необходимо исследовать мифы, которые сохранились в поэмах Гомера³⁵⁷. В период своей командировки он слушал в Берлине лекции профессора Кирхгоффа по критике гомеровского эпоса, что окончательно убедило Воеводского в правильности выбранного им пути исследования поэм Гомера с точки зрения мифологии, а не высшей критики. «Единственная польза, которую мне принесли лекции, состоит в том, что я мог окончательно убедиться в не научности современной «высшей гомеровской критики»³⁵⁸.

На отчет Л.Ф. Воеводского последовала рецензия Л. Колмачевского, опубликованная «Филологических записках». Она носила положительный характер. Автор рецензии полностью согласился с точкой зрения Воеводского на невозможность расчленить гомеровский эпос на составные части³⁵⁹.

---

³⁵⁵ Там же. С. 16–17, 22.

³⁵⁶ Там же. С. 24, 26–27.

³⁵⁷ *Воеводский Л. Ф.* О занятиях по критике и мифологии гомеровского эпоса. Отчет о занятиях за время заграничной командировки с 1 июня 1878 по 1 июня 1879 г. Одесса, 1880. С. 23, 24–26.

³⁵⁸ Там же. С. 42.

³⁵⁹ *Колмачевский Л.* рецензия на отчет Л.Ф. Воеводского. Отд. оттиск из «Филологических записок». С. 1.

Так же с унитаристских позиций была написана работа А.Н. Деревницкого «Из комментария к Илиаде». Ее автор с недоверием относится к попыткам аналитиков расчленивать поэму на части. При разборе Илиады Деревницкий делает основной упор на нравственном смысле, заложенном в поэме. Он рассматривает «Илиаду» как произведение одного автора – Гомера и сравнивает ее структуру со структурой древнегреческой драмы, приходя к выводу, что они во многом похожи и что это также свидетельство единства авторства³⁶⁰.

В это же период на историко-филологическом факультете Казанского университета профессор Д.Ф. Беляев читает курс «История греческого эпоса». В нем подробно излагается развитие греческой эпической поэзии. И больше всего места в этом изложении отведено поэмам Гомера. В своем взгляде на гомеровский вопрос Беляев в чем-то соглашается с унитариями, в чем-то с аналитиками, хотя и склоняется больше в сторону первых. В итоге разбора «Илиады» и «Одиссеи» он приходит к следующим выводам относительно происхождения поэмы Гомера: 1) появлению Илиады и Одиссеи предшествовало развитие эпической поэзии, и что ею воспользовался поэт при составлении двух поээм; «Эти поэмы хотя и представляют из себя народную поэзию, но представляют наивысшую степень совершенства» – писал он; 2) происходят поэмы из ионийских колоний, где были составлены в IX или X веках; 3) так как поэмы первоначально передавались устно, то они могли подвергнуться небольшим изменениям; 4) записаны они были, по мнению Беляева, около 700 г. до н.э.³⁶¹

Таково было состояние гомеровского вопроса к концу XIX в., когда С.П. Шестаков избирает в качестве темы для магистерской диссертации разбор «Одиссеи». Выбор темы не был случайностью. Большое влияние на Шестакова оказал Д.Ф. Беляев, который был его научным руководителем. Именно он определял программу подготовки Шестакова по греческой филологии, первым пунктом в которой стояло изучение гомеровского вопроса.

Опыт российской науки в изучении гомеровского вопроса, с одной стороны, сделал невозможным полностью порвать с традициями изучения Гомера с точки зрения унитариев, с другой стороны, накопленный аналитиками опыт в исследовании поэмы Гомера, не мог остаться невостребованным в динамично развивающейся исторической и филологической науке в России. Все это оказало несомненное влияние на выбор С.П. Шестаковым направления в исследовании гомеровского вопроса. Однако его путь во многом самостоятелен. Так для исследования он выбирает некий средний путь – не примыкая ни к чистым аналитикам, ни

---

³⁶⁰ Деревницкий А.Н. Из комментария к Илиаде. Харьков, 1893. С. 1–17.

³⁶¹ Беляев Д.Ф. История греческого эпоса. Литограф. курс лекций. Б.м., б.г. С. 134.

к чистым унитариям – выбирая теорию зерна, соединяющую в себе элементы и теорий аналитиков и теорий унитариев, в качестве теоретического обоснования исследования им «Илиады» и «Одиссеи».

С.П. Шестаков впервые обратился к гомеровскому вопросу, будучи профессорским стипендиатом. Тогда им были написаны несколько отчетных работ по высшей критике гомеровских поэм. В отзыве И.И. Луньяка позиции автора работ оцениваются как близкие к консервативной точке зрения по гомеровскому вопросу³⁶².

Первой печатной работой С.П. Шестакова по гомеровскому вопросу была статья «О происхождении «Илиады» Гомера»³⁶³. Свое изложение он начинает с анализа труда Ф.А. Вольфа, затем кратко характеризует разные подходы аналитиков к решению гомеровского вопроса. Больше всего места он уделяет изложению теории зерна и решению ее сторонниками вопроса о происхождении Илиады. В этой работе С.П. Шестаков не присоединяется ни к одной из точек зрения аналитиков, но уже по месту, отведенному на изложение теории зерна, видно, что она более импонирует ему. Таким образом, занимаясь специально по настоянию факультета гомеровским вопросом, С.П. Шестаков начинает склоняться к точке зрения аналитиков на происхождение «Илиады» и «Одиссеи».

В 1892 г. в свет выходит исследование С.П. Шестакова «О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении Одиссеи»³⁶⁴. Во введении он пишет, что «прежде чем приступить к анализу Одиссеи, мы должны знать, до какой степени простирается единство Илиады. Если признавать вместе с унитариями во всей этой поэме создание одного поэта по определенному плану, то существование такого *prius* уже само по себе способно подорвать доверие к покушениям критики на единство Одиссеи»³⁶⁵. И далее он излагает те же взгляды на «Илиаду», что и в статье. Только здесь более отчетливо звучит убеждение автора о правильности теории зерна для восстановления текста поэмы. «Теория зерна» утверждала, что известная нам «Одиссея» сложилась вокруг небольшой поэмы за счет распространения различными эпизодами. К таковым большинство ученых относили путешествие Телемаха за известиями об отце, песнь о Калипсо, часть из песен о пребывании Одис-

---

³⁶² См.: НА РТ. Ф.977. Оп. ИФФ. Д. 1362. Эти работы были выданы С.П. Шестакову, архив его не сохранился. Поэтому в их анализе мы можем полагаться только на мнение И.И. Луньяка, чьи отзывы на эти работы сохранились в деле об оставлении С.П. Шестакова профессорским стипендиатом.

³⁶³ См.: *Шестаков С.П.* О происхождении Илиады Гомера. Пробная лекция // УЗ-КУ. 1890. Кн. IV.

³⁶⁴ См.: *Шестаков С.П.* О происхождении поэм Гомера. Вып. 1. О происхождении Одиссеи. Казань, 1892. Далее: *Шестаков С.П.* Происхождение Одиссеи.

³⁶⁵ Там же. С. 12.

сея у феаков, беседы с душами умерших и ряд других более мелких эпизодов.

Следуя традициям немецкой классической филологии, С.П. Шестаков в качестве метода исследования поэмы использует «высшую критику», то есть выделение и сравнение противоречий в сюжете и повторяющихся стихов в тексте поэмы. Причем сам он замечает, что само выделение противоречий и повторений целиком зависит от субъективной оценки исследователя³⁶⁶.

К противоречиям в сюжете поэмы Сергей Петрович относит начатое, но не завершенное, действие, а также, когда в тексте имеются намеки на совершающееся действие, которое не получает в дальнейшем развития в поэме, то есть остается несовершенным. К таким противоречиям ученые относят: и длительную задержку с выполнением обещания Зевса отомстить за обиду Ахилла, и несуразное «испытание войск», затеянное Агамемноном, и «обзор со стены», в котором троянцы впервые видят ахейских вождей на десятый год войны (в том числе Одиссея, приходившего к ним ранее для переговоров), и согласие ахейцев на второй поединок вождей после того, как не выполнено договорное условие первого, и двойственное число при описании деяний трех послов, и странную забывчивость Одиссея в изложении результатов посольства (забыто решение Ахилла, отменяющее все остальные), и путаницу с ахейской стеной (то она есть, то ее нет), и повисший в воздухе обмен оружием (троянцы должны были принять Патрокла за Ахилла, но не приняли), и битву богов, для которой они построились парами, но почему-то разошлись и начали борьбу много позже – теми же парами... Именно наличие в поэмах такого количества противоречий и послужило для аналитиков отправным моментом отрицания концепции единого замысла поэм.

Повторения в поэме представляют еще более сложную картину, по мнению Шестакова, так как значительная часть из них может быть эпическими формулами, а часть может быть взята из более ранних по времени появления песен поэмы. Трактовки сходных стихов у разных исследователей могут быть прямо противоположными, что один считает поздним стихом, другой может считать более ранним. Сам С.П. Шестаков признает, что «при сличении сходных стихов многие соображения зачастую оказываются очень шаткими»³⁶⁷.

Как и немецкие филологи, С.П. Шестаков выделяет в известной нам «Одиссее» две, составивших ее поэмы – собственно «Одиссею» и «Телемахию». Казанский ученый восстанавливает три версии «Одиссеи»: первая, самая древняя, в ней, по его мнению, отсутствуют сюжеты о Ка-

---

³⁶⁶ Там же. С. 15.

³⁶⁷ Шестаков С.П. Происхождение Одиссеи. С. 38.

липсо, о Харибде, о пребывании Одиссея у феаков и о бедствиях на Итаке; вторая версия не включает уже только сюжеты о Калипсо и Харибде; и третья версия – это ныне существующая и сильно распространенная редакция «Одиссеи». Кроме того, он указывает, что в современной «Одиссеи» видится работа двух редакторов. По мнению С.П. Шестакова, одному редактору принадлежит соединение Феакиды с песнями пятой и 10-12, другому – вставка «Телемахии» и распространение всей поэмы за счет вставок в различные песни. Причем казанский ученый обращает внимание на то, что последний редактор пользовался даже самыми поздними киклическими поэмами³⁶⁸. Этот тезис был окончательно доказан только в 40-е годы XX в. Г. Песталоцци и др. Казанский ученый отмечал, что со всеми своими распространениями³⁶⁹ «Одиссея» написана позднее «Илиады». Помимо особенностей в религиозных и этических воззрениях, в характере поэзии, в изображении политического строя и культуры, это доказывает и формальное отношение между двумя поэмами, в частности, большое количество заимствованных стихов в «Одиссеи» из разных песен «Илиады»³⁷⁰.

В своем исследовании С.П. Шестаков специально останавливается на разборе «Телемахии», под которой он понимает путешествие Телемаха за известиями об отце. Автору «Телемахии», по мнению С.П. Шестакова, знакома древняя «Одиссея» и киклические поэмы, на это указывают заимствования из них, а также данные языка и изображение реалий в ней: описание дома Одиссея, описание явления богов людям. При связывании «Телемахии» с «Одиссеей» редактор допустил ряд пробелов, которые выразились в противоречиях в деталях сюжета, например, когда Одиссей ничего не знает о женихах в его доме. Это связано с тем, что с момента возвращения Телемаха из путешествия, редактор пользовался содержанием древней «Одиссеи», считает С.П. Шестаков³⁷¹.

Специальную главу С.П. Шестаков посвящает разбору первой песни Одиссеи. В ней С.П. Шестаков доказывает, что первая песнь является позднейшей вставкой. Он пишет, что песня связана с последующими рапсодиями³⁷², но при тщательном рассмотрении этой связи «легко убе-

---

³⁶⁸ Там же. С. 121.

³⁶⁹ Под термином «распространения», применительно к исследованию поэм Гомера, понимаются все эпизоды и стихи не принадлежащие, по мнению ученых, к первоначальному тексту гомеровских поэм.

³⁷⁰ Шестаков С.П. Происхождение Одиссеи. С. 12.

³⁷¹ Там же. С. 140.

³⁷² Термин «рапсодия» применяется чаще всего как синоним термина «песня», обозначая часть в поэме, выделенную александрийскими грамматиками в III в. Иногда этот термин используется как обозначение произведения исполняемого древними поэтами-певцами – аэдами или рапсодами.

даться, что связь ее с ними не такова, какую предполагает единство и свободное развитие поэтического замысла». Неясности и противоречия первой песни он объясняет тем, что вся первая песнь представляет собой или «позднейшее сравнительно с другими произведение или коренную переработку первоначальной основы»³⁷³. С.П. Шестаков отмечает, что автор первой песни заимствует не только стихи из других песен, но и отдельные мотивы. Например, влияние песни Фелисия на Пенелопу.

Автор первой песни не смог скрыть, что ему уже известно дальнейшее содержание поэмы, не смог придать своему произведению характера действительной экспозиции ее, так как он постоянно забегает вперед. Отличает эту песню от других и расхождение в описании быта и генеалогии богов. По мнению, С.П. Шестакова, это свидетельствует о более позднем происхождении первой песни³⁷⁴. С.П. Шестаков приводит несколько точек зрения на время возникновения первой песни, однако сам не дает вывода о времени ее возникновения, предпочитая писать, что она возникла позже основной поэмы. Такой разбор первой песни необходим С.П. Шестакову для того, чтобы доказать, что в ней ее автор соединил завязку двух ранее самостоятельных песен Телемахии и Одиссеи³⁷⁵.

С.П. Шестаков достаточно высоко оценивает древнего редактора Одиссеи: «Кроме того, мы вовсе не склонны разделять суждения немецких критиков о работах редактора поэмы. Нужна была значительная доля сообразительности и таланта, чтобы создать связь отдельных отрывков поэм, какую можно указать в Одиссее. Но не менее нужно было проникнуться самим духом поэзии древнего эпоса, не говоря о совершенном усвоении форм, чтобы дать Одиссее ее первую песнь, конец четвертой и др.»³⁷⁶.

Остальным песням уделено гораздо меньше места в исследовании. На основании анализа языка и сюжета песен, С.П. Шестаков приходит к выводу, что песни с 21 по 24 являются более поздними по сравнению с остальными песнями поэмы. Они представляют собой связный рассказ одного автора, воспользовавшегося более древними источниками. Последний из редакторов «Одиссеи», по мнению С.П. Шестакова, уже нашел эту связь последних песен и ему принадлежат только те стихи, которыми он соединяет эти песни с предшествующим содержанием поэмы³⁷⁷.

---

³⁷³ Шестаков С.П. Происхождение Одиссеи. С. 1, 7.

³⁷⁴ Там же. С. 20–23.

³⁷⁵ Там же. С. 24–28.

³⁷⁶ Там же. С. 211.

³⁷⁷ Шестаков С.П. Происхождение Одиссеи. С. 232.

В результате своего исследования С.П. Шестаков приходит к выводам, суть которых можно свести к следующему: 1) В «Одиссее» обнаруживается соединение элементов двух самостоятельных поэм. Из них одну можно называть собственно «Одиссеей», другую – «Телемахией». Соответственно, у поэмы было два автора: автор древней «Одиссеи», который пользовался еще более древними источниками, и автор «Телемахии»; 2) Деятельность последнего редактора Одиссеи заключалась в соединении частей древней Одиссеи и Телемахии и их обработке. Вставки редактора характеризуются некоторыми особенностями в языке, заимствованием многих стихов из древних поэм, неясностью и непоследовательностью изложения. В некоторых случаях вставки составлены по отрывкам древних источников; 3) В некоторых своих распространениях редактор вводит в Одиссею содержание киклических поэм. В своем введении (в первой песне «Одиссеи») он соединяет «Одиссею» с «Ностами».

В 1893 г. С.П. Шестаков представил свой труд «О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении Одиссеи» в историко-филологический факультет Казанского университета в качестве диссертации на степень магистра греческой словесности. Отзыв было поручено сделать профессору Ф.Г. Мищенко. В своем тоне отзыв был благожелателен, хотя в нем и содержалась серьезная критика работы. В отзыве были сделаны следующие замечания: недостаток самостоятельности в исследовании, автор примыкает к мнениям немецких ученых, неясность и малодоступность изложения материала. Последнее, по мнению Мищенко, происходит оттого, что автор введет параллельное изложение анализа, критики и построение, которое приводит к смешению в приемах и материале, и в конечном итоге к спутанности изложения. Не представлен в работе и общий взгляд на древнегреческий эпос. Кроме того, в доказательной базе преобладают, по мнению Мищенко, гипотезы и субъективизм, над положительными выводами. Однако общий вывод Мищенко положителен. Он считает С.П. Шестакова достойным степени магистра греческой словесности, при условии его успешной защиты³⁷⁸.

Несколько позднее, уже после защиты С.П. Шестаковым магистерской диссертации, последовали две рецензии на эту работу Д.Ф. Беляева и Ф.Г. Мищенко³⁷⁹. В них в заслугу автору поставлено то, что впервые в русской филологической науке «Одиссея» была исследована с точки

---

³⁷⁸ *Мищенко Ф.Г.* Отзыв в историко-филологический факультет. «О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении Одиссеи. Исследование С. Шестакова. Казань, 1892». С. 1–5.

³⁷⁹ *Беляев Д.Ф.* Рецензия на «О происхождении поэм Гомера. Вып. 1. О происхождении Одиссеи. Исследование С. Шестакова. Казань, 1892». Отд. Оттиск. Казань, 1893. С. 1–9; *Мищенко Ф.Г.* К гомеровскому вопросу. Отд. оттиск из ЖМНП. С. 506–514.

зрения методов аналитиков, что впервые методы разделительной критики были представлены на суд русского читателя³⁸⁰.

Д.Ф. Беляев и Ф.Г. Мищенко видят в труде С.П. Шестакова одни и те же недостатки. Ф.Г. Мищенко пишет в рецензии, что С.П. Шестаков не выделяет приемы критики, не дает общего обзора критики «Одиссеи», не вводит в рассмотрение предмета какого-либо нового материала или новых приемов, а только примыкает к мнениям немецких ученых, не касается условий поэтического творчества во времена Гомера, отличий его от современного; что вся сила аргументации держится на соображениях стилистических и эстетических в широком смысле слова, поэтому убедительность выводов автора относительна.

Д.Ф. Беляев также отмечает следование Шестакова за мнениями немецких ученых, и более всего мнению Кирхгофа и Виламовица из сторонников разделительной критики. Однако и к унитариям Шестаков относится не совсем отрицательно, иногда предпочитает их мнения, особенно Каммера³⁸¹. «Эти выводы, – замечает Беляев, – не новы и не заключают в себе почти ничего такого, чего бы не было высказано ранее г. Шестакова в многочисленных и разнообразных исследованиях, посвященных критическому анализу “Одиссеи”». «К сожалению, критика г. Шестакова слишком ограничена и связана предвзятыми воззрениями и потому недостаточно объективна. Он критикует только то, что не совсем согласно с его наперед составленным мнением, а не то, что само по себе сомнительно и неубедительно», – пишет Д.Ф. Беляев³⁸².

Литературная сторона работы, по мнению рецензентов, также не отличается хорошими качествами, особенно следует обратить на запутанность изложения, вследствие параллельного рассмотрения аналитической и конструктивных частей работы³⁸³. Ф.Г. Мищенко и Д.Ф. Беляевым были высказаны пожелания С.П. Шестакову относительно компоновки материала, методов исследования и критики аналитиков.

Ф.Г. Мищенко считает, что все попытки восстановить древний текст с точки зрения разлагающей критики субъективны и содержат много догадок и сомнительного материала, поэтому они безуспешны. Положительно только вычленение несоответствий, хотя и многие из них могут быть отнесены к самому Гомеру. Мищенко не видит смысла в исследовании поэм со стилистической и эстетической сторон. В этом случае необходимо дать сведения, что представляет собой эпический стиль, его отличия от поздней греческой поэзии и от сегодняшней. С эстетической стороны исследованию должен быть предпослан очерк эстетики

---

³⁸⁰ Мищенко Ф.Г. Рец. С. 506; Беляев Д.Ф. рец. С.8, 9.

³⁸¹ Беляев Д.Ф. Рец. С.4, 8.

³⁸² Беляев Д.Ф. Рец. С. 6.

³⁸³ Там же. С. 8.

гомеровских Греков, так как их эстетические представления отличались от наших. В последнем он видит главную ошибку разделительной критики, когда она говорит о том, что, то или иное место в поэме не соответствует эстетическим критериям эпоса. Сам Мищенко указывает, что для древних эстетические критерии применительно к гомеровскому эпосу были не главными. Древние греки воспринимали эти поэмы как рассказ о реальных делах богов и людей, и в нем допускались отдельные погрешности³⁸⁴.

Д.Ф. Беляев полагает, что труд Шестакова был бы более ценным, если бы в нем содержалось больше критики концепций немецких ученых. Собственно разбору Одиссеи следовало бы предпослать обзор разных взглядов на Одиссею. Отмечает, что Шестаков прямо приступает к разбору Одиссеи, как это обыкновенно делается в немецких трудах. Так как в русской ученой литературе работ того направления, которого придерживается г. Шестаков, почти вовсе не было. То автору следовало бы сначала познакомить читателей с историей разлагающей критики Одиссеи, показать те фазы, которые прошли эти критики, и установить те точки зрения, с которых рассматривается Одиссея теперь и с которых будет рассматривать сам автор³⁸⁵.

Несмотря на все недочеты и на то, что авторы рецензий придерживались унитаристских взглядов на происхождение «Одиссеи», исследование С.П. Шестакова было признано ими ценным с точки зрения ознакомления русской филологической науки с методами и выводами аналитиков.

В июне 1893 г. в С.П. Шестаков публикует ответ рецензентам³⁸⁶. «В нашей филологической литературе, пишет С.П. Шестаков, попытки разложения поэм на составные элементы никогда не встречали сочувствия, если не считать мнения, высказанного во второй книге «Пропилеев» П.М. Леонтьевым по поводу теории Грота. После того, как Ф.Ф. Соколов решительно отверг все покушения критики на единство Илиады и Одиссеи и Воеводский, признав ее несостоятельность в отношении к Одиссеи, пришел к совершенно своеобразному способу объяснения происхождения поэм, мы и в самое последнее время видим на стороне унитариев профессоров: Ф.Ф.Зелинского, А.Н. Деревицкого и Ф.Г. Мищенко»³⁸⁷.

С.П. Шестаков пишет так же о распространении разлагающей критики, о выработке ею системы доказательств. Для ученого было важно

---

³⁸⁴ *Мищенко Ф.Г.* К гомеровскому вопросу. С. 508–512.

³⁸⁵ *Беляев Д.Ф.* Рец. С. 8.

³⁸⁶ *Шестаков С.П.* Несколько слов по поводу рецензии на книгу: «О происхождении Одиссеи» // ЖМНП. 1893. июнь. Ч. 188. отд. II. С. 551–556.

³⁸⁷ Там же. С. 551.

представить сам метод разделительной критики, используемый аналитиками при исследовании гомеровских поэм. Это связано с тем, что сам Сергей Петрович не разделял многих положений разделительной критики, особенно в части структурирования гомеровских поэм, о чем он неоднократно упоминает в тексте своего исследования. «Мы не станем отрицать, что весьма многое в развитии принятой нами теории носит характер субъективности, проблематичности», – отмечает Шестаков в своем ответе рецензентам. «Что касается реконструкции поэм, из соединения которых возникла «Одиссея», для нас она имела второстепенное значение», – писал С.П. Шестаков³⁸⁸. При господстве точки зрения унитариев в российской филологической науке, С.П. Шестаков хотел представить и другую точку зрения на поэмы Гомера.

В 1898 г. С.П. Шестаков издает вторую часть труда о происхождении поэм Гомера «О происхождении Илиады» с подзаголовком «Этюд из истории литературы Гомеровского вопроса и анализ Илиады с точки зрения теории зерна»³⁸⁹. Здесь он прямо пишет о той теории, которой придерживается при исследовании «Илиады». В предисловии Шестаков сразу же оговаривает, что «предлагаемый труд не представляет какой-нибудь оригинальной попытки решения вопроса о происхождении Илиады. Автор ставит своей задачей рассмотреть и проверить те данные в составе поэмы, на которые опирается разделительная критика». В этом исследовании в большей мере нашли отражения представления самого Шестакова о методах разделительной критики и способах реконструкции поэм.

«Возможно, что в дальнейшей истории гомеровского вопроса теория зерна уступит место другой, более правильной, – пишет Шестаков. – В большинстве ученых исследований, так или иначе затрагивающих гомеровские поэмы, мы находим молчаливое признание выводов теории зерна. Уже этот факт заставляет нас в своем труде, где мы имеем целью, прежде всего, восполнить пробел в нашей филологической литературе, изложением современного состояния гомеровского вопроса, прикнуть к теории зерна. Сюда присоединяется и личное наше убеждение в том, что правда о происхождении Илиады кроется в этой теории»³⁹⁰.

Учтя замечания, высказанные рецензентами по поводу своей магистерской диссертации, Шестаков во введении дает изложение теорий отдельных представителей разделительной критики. В обзоре казанский ученый отмечает положительные и отрицательные, на его взгляд, черты

---

³⁸⁸ Там же. С. 556.

³⁸⁹ Шестаков С.П. О происхождении поэм Гомера. Вып. 2. О происхождении «Илиады»: Этюд из истории литературы гомеровского вопроса и анализ «Илиады» с точки зрения теории зерна. Казань, 1899. Далее: Шестаков С.П. Происхождение «Илиады».

³⁹⁰ Шестаков С.П. Происхождение «Илиады». С. 86.

их построений, дает, хотя и фрагментарно, изложение методов разделительной критики.

С.П. Шестаков считает, что при использовании, например, материала повторяющихся стихов следует говорить не только о простых заимствованиях одного поэта у другого, но и о составе и содержании эпической формулы в древней поэзии. Предметом изучения должна стать вся совокупность эпических формул. По мнению Шестакова, при описании некоторых эпизодов, например, плавания на кораблях, жертвоприношения, в эпической поэзии сложились неизменные формулы, поэтому эпическая формула не всегда может быть гладко вписана в контекст, но это не означает, что это поздняя вставка редактора³⁹¹. Эпическая формула сохраняла древнюю лексику и древнюю грамматику, поэтому даже в самых поздних стихах поэм не нужно ожидать частых и заметных отступлений от нее ни в грамматике, ни в лексике, считает С.П. Шестаков³⁹². Видимо, делает он вывод, свобода выбора и расположения слов у эпического поэта была в большой зависимости от весьма детальных традиций искусства. В связи с этим эпическая формула не может рассматриваться как оригинальное и независимое произведение употребляющего ее поэта, это был готовый материал, которым приходилось располагать каждому, кто посвящал себя эпическому творчеству³⁹³.

Структура этого исследования отличается большей продуманностью и построена на рассмотрении отдельных проблем по вопросу о происхождении «Илиады», в отличие от первой работы, где изложение идет по песням. С.П. Шестаков начинает изложение с рассмотрения противоречий в сюжетной линии песен, затем дает анализ эпического стиля и языка поэм, заканчивая свое исследование сравнениями и эпическими формулами.

Идея развития «Илиады» из первоначально небольшого зерна, которое потом увеличивается в объеме трудами многих поэтов, высказывались уже задолго до С.П. Шестакова, который в качестве своих предшественников указывает Фолькмана и Вольфа. С.П. Шестаков указывает на то обстоятельство, что теория зерна тесно примыкает к теории отдельных песен. «Надо признать, – пишет он, – сперва существование ряда песен, которые изображали главнейшие сцены гнева Ахилла». Эти песни, по его мнению, не были «ни абсолютно независимыми, ни вполне связными», они представляли собой отдельные рапсодии, которые не составляют нечто цельное, но в тоже время связаны между собой нитью

---

³⁹¹ Там же. С. 86.

³⁹² Там же. С. 210.

³⁹³ Там же. С. 83.

общей саги. Таким образом, совокупность песен, полагает Шестаков, обладает единством логическим³⁹⁴.

Первичным сюжетом, вокруг которого была выстроена современная «Илиада», является «Ахеллеида» или «Гнев Ахилла». «Приступая к анализу «Илиады», считаем необходимым заметить, что как и во всякой гипотезе подобного рода, постройка первичной «Ахеллеиды» или «Гнева Ахилла» является для нас некоторой формулой, выражающей те представления о развитии «Илиады», к каким приводит изучение склада поэмы и связи между отдельными ее частями»³⁹⁵. «Ахеллеида» является наиболее чистым эпическим отражением мифа: гнев и месть Ахилла служат ее единственным содержанием, и участниками действий являются только герои необходимые в развитии этой простой фабулы³⁹⁶. Однако, сам С.П. Шестаков признает, что восстановить первоначальную поэму не возможно, что все попытки это сделать будут давать лишь ее приблизительный вид. «Было бы странным самообольщением, пишет С.П. Шестаков, настаивать на том, что предполагаемая основная поэма действительно существовала когда-то именно в том самом ее составе и изложении, в каком она представляется по удалении частей «Илиады», относимых теорией зерна к позднейшим распространениям. Мы можем восстанавливать основную поэму только приблизительно. Само по себе, маловероятно, чтобы за вычетом элементов позднейшего развития предполагаемые сохранившие отрывки древней поэмы давали все ее содержание, без всяких пробелов»³⁹⁷.

С.П. Шестаков указывает, что в процессе развития поэмы какие-то части могли быть утеряны, а сохранившиеся первоначальные песни могли быть подвергнуты изменениям, и насколько простирались эти изменения остается неизвестным. Он отмечает, что в научной литературе распространено много версий первоначальной «Илиады», и что он в своем исследовании останавливается на той версии, которая принята большинством ученых³⁹⁸.

Теории первичной «Ахеллеиды», лежащей в основе «Илиады» противоречит, по мнению казанского ученого, только группа песен со второй по восьмую. Отношение теории зерна к этим песням навлекает на нее упрек в том, что она подчиняет древние эпические поэмы требованиям поэтического творчества, выработанным гораздо позже. Именно по поводу этих песен, указывает С.П. Шестаков, унитарии прибегают к особенно изощренным толкованиям. «Исключим из Илиады эти песни, —

---

³⁹⁴ Там же. С. 78.

³⁹⁵ Там же. С. 114.

³⁹⁶ Там же. С. 112.

³⁹⁷ Там же. С. 114.

³⁹⁸ Там же. С. 144.

пишет Шестаков, – и мы получим очень распространенную поэму, темой которой является гнев Ахилла и его последствия». Что касается мотива мести в поэме, то Шестаков считает его неотделимым от основной поэмы. «Нам кажется, если бы вопрос шел только о происхождении такой поэмы, то предположение о постепенном расширении поэмы при руководящем мотиве гнева Ахилла являлось бы настолько естественным, что споры о составе поэмы никогда не могли бы так обостриться»³⁹⁹.

Таким образом, в поэме обнаруживает господство основного сюжета, объединяющего все ее содержание. Шестаков считает, что теория зерна заимствует у унитариев положение о единстве «Илиады». По мнению ученого, «вопрос только в том, насколько это единство первоначально для древней поэмы в ее нынешних обширных размерах. Здесь предположение постепенного расширения в рамках плана, данного с самого начала представляется нам вполне необходимым»⁴⁰⁰.

В связи с этим он предпринимает попытку выделить из «Илиады» позднейшие песни. Шестаков считает это возможным посредством исследования изменений в языке эпоса и использовании эпических формул. Для выявления позднейших песен он предлагал с помощью статистического анализа выявить слова, используемые только в них, кроме того, по его мнению, на позднее происхождение песен указывает также неудачное употребление эпических формул, а также соединяющиеся в них два синонимичных понятия. Еще одной характерной чертой позднейших песен С.П. Шестаков указывает употребление сравнений, что, по его мнению, не свойственно для раннего эпического стиля⁴⁰¹.

С.П. Шестаков замечает, что в новое время изучение народного эпоса в значительной мере содействовало распространению более правильных взглядов на поэзию Гомера, особенно в вопросе происхождения поэм. Здесь на первый план были выдвинуты миф и сказание, а затем и материалы народной эпической песни⁴⁰². В течение всего развития «Илиады», считает казанский ученый, на поэтов оказывали влияние народные сказания, являвшиеся общим достоянием и поддерживавшихся непрерывной рапсодической традицией. По мнению С.П. Шестакова. Первоначально развитие шло в рамках народной поэзии и в виде отдельных песен, и только самые общие черты сюжета поэмы можно отнести к народному сказанию.

С.П. Шестаков считает, что главным в исследованиях о составе «Илиады» должно быть доказательство постепенного распространения дошедшей до нас поэмы в рамках древнего плана, который был осу-

---

³⁹⁹ Там же. С. 79

⁴⁰⁰ Там же. С. 79.

⁴⁰¹ Там же. С. 348–356, 508.

⁴⁰² Там же. С. 93–94.

ществлен в небольшой поэме на несложный сюжет гнева и мести Ахилла, а не реконструкция первичной поэмы в подробностях⁴⁰³. Здесь прослеживается влияние на С.П. Шестакова традиций российского историко-филологического знания в плане признания невозможности реконструировать первоначальную «Илиаду».

В ходе своего исследования С.П. Шестаков восстанавливает последовательность вхождения в «Ахеллеиду» различных распространений, к каковым он относит песни со второй по седьмую, все каталоги, а также обзор войска со стены и обход войска. Более позднему автору также принадлежат песни восьмая, девятая и десятая. Некоторые из последующих песен, по мнению ученого, могут представлять собой переработку более ранних песен⁴⁰⁴. Основанием для своих выводов С.П. Шестаков считает, черты в композиции поэмы, отношения между ее частями, данные морфологического, синтаксического анализа и анализа лексического запаса поэмы. Кроме того, для позднейших вставок отмечается особенности в религиозных воззрениях, мифологии, расширении кругозора поэтов, проникновение в традиционный эпический стиль некоторых черт бытовой жизни современной поэту⁴⁰⁵.

В своем исследовании С.П. Шестаков не ставит задачу окончательной реконструкции первичной «Илиады», считая это невозможным. Он пытается только наметить ее возможные контуры, основываясь на тех данных, которые предоставляет сама поэма. «Смеем надеяться, – пишет он в заключении исследования, – что этот фактический материал по критике поэмы имеет цену сам по себе. По каким бы новым путям ни пошел гомеровский вопрос, добытый трудом предшествующих поколений ряд наблюдений над составом поэмы не может пропасть даром. Он только получит новое освещение и даст основу для новых обобщений и новых выводов о характере древнего эпоса и дошедшей до нас его традиции»⁴⁰⁶.

На вторую работу С.П. Шестакова по гомеровскому вопросу появились так же две рецензии. Ф.Г. Мищенко и Ф.Ф. Зелинского⁴⁰⁷.

Ф.Г. Мищенко в своей рецензии обращает внимание на то, что в древних произведениях не всегда ясна логика изложения, связность

---

⁴⁰³ Там же. С. 107–111.

⁴⁰⁴ Там же. С. 288–345.

⁴⁰⁵ Там же. С. 87.

⁴⁰⁶ Там же. С. 509.

⁴⁰⁷ *Зелинский Ф.Ф.* Старые и новые пути в гомеровском вопросе. Рец. на С. Шестаков О происхождении поэм Гомера. Вып.2. О происхождении Илиады. Казань, 1898. отд. оттиск из ЖМНП. С. 167–195; *Мищенко Ф.Г.* Рец. на «О происхождении поэм Гомера. Вып.2. О происхождении Илиады. Этюды из истории литературы гомеровского вопроса с точки зрения теории зерна. С. Шестаков. Казань, 1898» // *ФО.* 1900. Т. 18. Кн. 2. С. 73–85.

рассказа появляется в греческих произведениях только со времен Фукидида. Ни самого поэта, ни его слушателей не смущали шероховатости в тексте. Не приемлет разделительной критики в ее художественной части. Он считает, что поздние поэты отшлифовывали древний текст. Древние ценили поэмы за богатство их содержания. Отмечает не историчность многих выводов разделительной критики⁴⁰⁸.

Ф.Ф. Зелинский в своей рецензии отводит Шестакову среднее место среди исследователей гомеровского вопроса. Ни в первых рядах, но и не в конце. Он отмечает, что в работе особенно ценен свод высшей критики Илиады на русском языке. Рецензент указывает на осторожный характер критики Шестаковым различных концепций в области исследования гомеровских поэм. По мнению Ф.Ф. Зелинского, Шестаков постарался разобраться в старых путях исследования гомеровского эпоса. Новые пути в этом вопросе – это исследование гомеровской поэтики и древнего эпического стиля⁴⁰⁹.

В последующие годы появляется ряд статей С.П. Шестакова, касающихся разных сюжетов в исследовании гомеровского вопроса. Так, в 1900-1902 г. в журнале «Филологическое обозрение» С.П. Шестаковым была опубликована большая статья «Гомер в схолиях»⁴¹⁰. В этой статье он излагает мнения древних толкователей Гомера о композиции поэм, о средствах изображения, которые использует поэт. Древние толкователи оправдывали неясности и противоречия в поэмах за счет специальных пауз, изображения одновременности действий и других приемов.

В 1902 г. С.П. Шестаковым был прочитан доклад в «Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Казанском университете» на тему «В.А. Жуковский как переводчик Гомера». С.П. Шестаков рассматривает оба перевода Жуковского и перевод «Илиады», и перевод «Одиссеи». Он достаточно высоко оценивает литературные достоинства перевода «Илиады», сделанного Жуковским. Однако пишет о множестве совпадений в переводе Жуковского и в переводе Гнедича. В примечаниях Шестаков указывает, что вероятно Жуковский при своей работе справлялся по рукописи Гнедича, заимствуя у него наиболее понравившиеся стихи⁴¹¹. Выбор Жуковским для полного

---

⁴⁰⁸ Там же. С. 78–83.

⁴⁰⁹ *Зелинский Ф.Ф.* Старые и новые пути в гомеровском вопросе. С. 167, 168, 170, 195.

⁴¹⁰ *Шестаков С.П.* Гомер в схолиях // *ФО*. 1900. Т. 18. Кн. 1. С. 1–18. Кн.2. С. 125–139; 1901. Т. 20. Кн. 2. С. 137–143; 1902. Т. 21. Кн. 1–2. С. 6–41.

⁴¹¹ *Шестаков С.П.* В.А. Жуковский как переводчик Гомера // *Чтения в обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Казанском университете*. Т.22. Казань, 1902. С. 12, 13, 15–43. Это же отмечает и более подробно исследует А.Н. Егунов. См. *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. Изд. 2-е. (печатается по изданию 1954 г.) М.: Индрик, 2001.

перевода «Одиссеи» был вызван, по мнению Шестакова, тем, что в ней описываются личная жизнь и семья, а так же много таинственного и сказочного. Высок оценивая литературные и художественные достоинства перевода «Одиссеи», Шестаков отмечает и серьезные его недостатки. В первую очередь недостаток у переводчика сведений по классической древности, что сказывается во вставках в перевод чисто русских слов и формул. Особенно плохо переданы сцены из народной жизни. В целом же Шестаков положительно оценивает оба перевода Жуковского⁴¹².

А. С. Рождествин в своей рецензии высоко оценивает эту работу С.П. Шестакова. Он отмечает что, «вопрос, затронутый автором в его книжке, совсем не разработан русской литературе», «не только в легких брошюрах, но и в солидных курсах по истории русской литературы о переводе «Одиссеи» высказываются только общие, недостаточно ясные и малоубедительные суждения. И это вполне понятно. Чтобы судить о качестве перевода, нужно хорошо знать Гомера». Шестаков «между нашими учеными-филологами является самым компетентным знатоком бессмертного греческого поэта», поэтому ему удалось показать, в чем достоинства и недостатки перевода Жуковского⁴¹³.

В 1903г С.П. Шестаков печатает «Повторения у Гомера, по книге: Martin Goldschmidt Gentagelseerne ide homeriske Digte. Копенгаген, 1900»⁴¹⁴. В этой работе он излагает взгляды Мартина Гольдшмидта на систему повторений у Гомера, и в частности на множество формул в этих повторениях. С.П. Шестаков обращает внимание на то, что «повторения у Гомера в новейшее время рассматриваются в специальной ученой литературе, как одно из важных средств при определении порядка возникновения отдельных частей гомеровских поэм. Внимание исследователей, поглощенное этой служебной целью изучения, отвлечено было от всестороннего изучения явления в его целом». Вслед за автором Шестаков пишет, что повторения являются характерной чертой изложения на примитивной ступени творчества. Это объясняется тем, что повторения легче воспринималось слушателями и давали отдых поэту. Кроме того, «они в такой степени принадлежат к технике древней эпической поэзии, что были почти неизбежны»⁴¹⁵. В рецензии отсутствуют критические замечания со стороны Шестакова, та как он целью своей работы ставит знакомство российских ученых с этой точкой зрения⁴¹⁶.

---

⁴¹² Шестаков С.П. В.А. Жуковский как переводчик Гомера... С. 15.

⁴¹³ Рождествин А.С. [рец. на] Шестаков С.П. Жуковский как переводчик Гомера // Казанский телеграф. 1902. № 2886. С. 4.

⁴¹⁴ Шестаков С.П. Повторения у Гомера, по книге: Martin Goldschmidt Gentagelseerne ide homeriske Digte. Копенгаген, 1900. Казань, 1903.

⁴¹⁵ Там же. С. 3–5.

⁴¹⁶ Там же. С. 51.

Еще одной работой посвященной гомеровскому вопросу является статья С.П. Шестакова «Заметки к Гомеру», опубликованная в 1929 г.⁴¹⁷ Она разделена на две части, каждая из которых посвящена отдельному небольшому сюжету в гомеровском вопросе. В одной из них С.П. Шестаков рассматривает текст нескольких хеттских источников, где упоминается страна «Аххийава», которую Шестаков располагает в северо-западной части Малой Азии и сравнивает с названием «ахейцы». Здесь же Шестаков пишет, что, возможно, некоторые слова, использованные в эпосе Гомером, имеют восточные, в частности, хеттские корни. Во второй части он разбирает вопрос о строительстве в Гомеровской Греции. Шестаков пишет о сравнения построек, описанных у Гомера, с древнегерманскими и финно-угорскими, и приходит к выводу, что описания Гомера напоминают постройки германцев⁴¹⁸.

В конце 30-х годов С.П. Шестаков был приглашен к сотрудничеству Институтом мировой литературы им. М.Горького для написания глав в учебнике по истории древнегреческой литературы. С.П. Шестакову было предложено написать главы о греческом эпосе, в которые было включено и изложение гомеровского вопроса, и развитие греческого эпоса. В протоколах заседаний секции античной литературы находятся материалы обсуждения глав представленных С.П. Шестаковым в учебник. Все признавали высокую научность текста, однако были сделаны и замечания, в частности, тяжеловесность стиля автора, более пригодного для научной статьи, чем для учебника, отсутствие выводов, а также следование в некоторых вопросах за Эд. Мейером, что было неприемлемо в тот период⁴¹⁹. На заседаниях было решено переделать присланные тексты С.П. Шестакова в более приемлемые по стилю для учебника. Работа эта была поручена Б.В. Горнунгу и Ф.А. Петровскому⁴²⁰.

Учебник был написан к 1940 г., однако издан был лишь в 1946 г. В итоге в опубликованном в 1946 г. тексте «Истории греческой литературы» С.П. Шестаковым были написаны Глава 4, без 6 параграфа, и практически полностью им написан раздел о греческом эпосе, а также некоторые статьи о греческой драме. Параграфы, где материал должен был излагаться с позиций марксизма были написаны Б.В. Горнунгом.

---

⁴¹⁷ Шестаков С.П. Заметки к Гомеру // Доклады Академии наук СССР. 1929. С. 271–273.

⁴¹⁸ Там же. С. 272, 273.

⁴¹⁹ Это показывает, что принятие марксизма С.П. Шестаковым не было полным, ему было сложно перестроиться. Новые идеологические установки позволили С.П. Шестакову расширить проблемное поле исследований, но теоретическую часть он не принял. Его текст для учебника по истории греческой литературы выправлялся с точки зрения марксизма другими.

⁴²⁰ См.: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 12. Л. 20; Д. 51. Л. 185–210; Д. 53. Л. 160–173; Д. 79. Л. 10–39, 50–191.

В учебнике С.П. Шестаков дает общую картину развития греческого эпоса от фольклора до поэм Гомера. Анализирует С.П. Шестаков и эпический стиль. При изложении гомеровского вопроса и анализе «Илиады» и «Одиссеи» С.П. Шестаков продолжает придерживаться теории зерна. Именно ей он уделяет большое место при указании на существовавшие теории в объяснении происхождения поэм Гомера⁴²¹.

В 1947 г. появились две рецензии на «Историю греческой литературы» Н.Ф. Дератани и Б.В. Казанского⁴²². Оба рецензента отмечают капитальный характер труда. «Это целое событие в области классической филологии», – пишет Н.Ф. Дератани в своей рецензии. Однако были высказаны и замечания, в основном касающиеся изложения гомеровского вопроса, непродуманности построения структуры его изложения в учебнике⁴²³.

Во всех работах Шестакова по гомеровскому вопросу наблюдается стремление к выяснению реальности изображенного у Гомера, к выяснению частей, из которых сложился гомеровский эпос. Его взгляды на гомеровский вопрос отличались от общепринятых взглядов в российской науке. Большинство российских ученых рассматривали поэмы как произведения одного автора. Такая же тенденция сохранилась и советской филологической и исторической науке. Если в поэмах и признавали наслаения разного времени, то автором называли Гомера⁴²⁴. Лишь в 90-

---

⁴²¹ См.: История греческой литературы. Т.1. Эпос, лирика, драма классического периода. / Под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. М.: АН СССР, 1946. С. 55–153.

⁴²² См.: *Дератани Н.Ф.* [рец.] История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. Т.1. – Эпос, лирика, драма классического периода. М.-Л., 1946 // ВДИ. 1947. №2; *Казанский Б.В.* [Рец.] История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. Т. 1. Эпос, лирика, драма классического периода. М.; Л., 1946 // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 4.

⁴²³ *Дератани Н.Ф.* [Рец.:]... С. 72, 73–80; *Казанский Б.В.* [Рец.:]... С. 167–170.

⁴²⁴ См.: *Петрушевский Д.М.* Общество и государство у Гомера. М., 1913; *Шталь И.В.* Гомеровский эпос. Опыт текстологического анализа «Илиады». М., 1975; *Сахарный Н.Л.* Илиада. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы. Архангельск, 1957; *Казанский Б.В.* Нынешнее состояние гомеровского вопроса // Классическая филология. Сб. статей. Л., 1959; *Маркиш С.П.* Гомер и его поэмы. М., 1962; *Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978; *Мальчукова Т.Г.* «Одиссея» Гомера и проблемы ее изучения: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1983; *Тахо-Годи А.А.* Греческая мифология. М., 1989; *Флоренсов Н.А.* Троянская война и поэмы Гомера. М., 1991; *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996; *Лосев А.Ф.* Гомер. М., 1996; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999; *Цымбурский В.Л., Файер В.В.* [Рец.:] Л.С. Клейн Анатомия «Илиады». СПб., 1998 // ВДИ. 2002. № 1.

е годы XX века стали появляться работы, написанные с точки зрения аналитиков⁴²⁵.

Определенное влияние на такую точку зрения Шестакова оказали его занятия византийской литературой. Д.Ф. Беляев в своей рецензии на исследование С.П. Шестакова «О происхождении Одиссеи», отмечает, что «наш автор и сам не новичок в русской филологической литературе. Занимаясь со студенческой скамьи не только классической греческой литературой, но и средневековой, византийской, г. С. Шестаков напечатал часть в «Ученых записках Казанского университета», частью в «Записках второго отделения Академии Наук» несколько интересных ученых трудов по критике византийских хронографов, особенно Георгия монаха (Амартола). Занятия Гомеровским вопросом шли у г. Шестакова рядом с работами по византийской хронографии и, как не странно, последние, быть может, даже имели некоторое влияние на первые. Изучение состава византийских хроник, вставок, переделок, анонимных заимствований и редакторских поправок, постоянно в них встречающиеся, быть может, было отчасти причиной того, что г. Шестаков сделался сторонником тех мнений и воззрений на гомеровские поэмы, по которым Илиада и Одиссея произошли из нескольких отдельных поэм посредством слияния, исправления, дополнения и распространения. С этой точки зрения г. Шестаков и рассматривает вопрос о происхождении Одиссеи»⁴²⁶.

Ф.Г. Мищенко так оценивал труд С.П. Шестакова: «В заслугу Сергею Петровичу нельзя не поставить решимости его перенести в отечественную литературу один из труднейших вопросов классической филологии в том виде, как он поставлен и разрабатывается многими немецкими филологами. Сергей Петрович дает нам собственный опыт решения Гомеровского вопроса, по отношению к Одиссее с помощью тех же приемов, какими пользуется многоиспытанные и ученейшие немецкие филологи, и настоящий труд его есть первый в этом направлении в русской филологической литературе»⁴²⁷.

Таким образом, на С.П. Шестакова в исследовании им гомеровского вопроса повлияли его занятия исследованием византийских источников, немецкая классическая филология и российские традиции изучения гомеровского вопроса – следование взглядам унитариев – от чего Шестакову не удалось далеко отойти.

---

⁴²⁵ Клейн Л.С. 1) Бесплотные герои: происхождение образов «Илиады». СПб., 1992; 2) Анатомия «Илиады». СПб, 1998.

⁴²⁶ Беляев Д.Ф. Рец. С. 3, 4.

⁴²⁷ Мищенко Ф.Г. О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении Одиссеи. Исследование С. Шестакова. Казань, 1892. (Отзыв в историко-филологический факультет). С. 1.

Д.П. Шестаков в статье «Греческая филология в славянской науке»⁴²⁸ так же выбирает в гомеровском вопросе некий средний путь, с одной стороны признавая чью-то обработку, с другой возводя поэмы к народному творчеству. Он пишет, что поэмы «открывают собой историю греческой народной поэзии, потому что сложились из «народных песен, песен разноплеменных и разновременных... В то же время поэмы стоят в начале и греческой художественной поэзии, поскольку в объединении отдельных песен, в сведении их к известным художественным центрам чувствуется уже зрелая творческая мысль художника или художников слова». В этой же статье он отмечает и сдержанное отношение славянской науки к расчленению поэмы на отдельные части⁴²⁹.

С.П. Шестакову удалось продемонстрировать в своих трудах, что большая часть противоречий в гомеровских поэмах не может быть объяснена с позиций единого авторства. Он одним из первых высказал идею о том, что киклические поэмы древнее «Илиады», и что одним из признаков древнего эпического стиля является формульность поэзии. Однако он не считает, что «Илиада» и «Одиссея» целиком принадлежат к фольклорной традиции. Его исследование о происхождении гомеровских поэм до сих пор сохраняет свое значение как огромный свод мнений о составе поэм и о противоречиях в их сюжете.

В своей книге о Гомере А.Ф. Лосев писал следующее о труде Шестакова: «С.П. Шестаков создал для своего времени одно из самых солидных исследований на русском языке по гомеровскому вопросу. Исследование это основано на так называемой теории зерна, обставлено большим филологическим аппаратом и отличается сухим формализмом, хотя многие анализы тех или иных частей гомеровского текста еще и теперь представляют большой интерес, несмотря на свою полувековую давность»⁴³⁰.

---

⁴²⁸ Шестаков Д.П. Греческая филология в славянской науке // ЖМНП. 1909. Ч. 24. С. 504–522.

⁴²⁹ Там же. С. 505, 508.

⁴³⁰ Лосев Ф.А. Гомер. М., 1960. С. 26.

§ 2. Исследование древнегреческих источников

Одной из особенностей развития антиковедения в Казанском университете во второй половине XIX в., да и в начале XX в. тоже (хотя и в меньшей степени) – это достаточно частая смена профессоров в результате ротации кадров между университетами⁴³¹. Следствием этого становится довольно широкая тематика исследований, представленных в Казани. Каждый из профессоров зачастую прибывал сюда, уже определив свой основной исследовательский интерес, а возможность командировок и общения с зарубежными коллегами позволяла ученым и в Казани продолжать свои изыскания. В то же время, под влиянием некоторых выдающихся историков и филологов-классиков оставленными на кафедрах университета выпускниками начали разрабатываться те или иные перспективные темы. В основе их лежит большое внимание к источниковедческим исследованиям (А.О. Угянского (Фукидид), А.Д. Иноземцева (греческие лирики, Гомер), С.П. Шестакова (Гомер)). На стыке источниковедения и истории античного искусства находятся работы, посвященные анализу творчества выдающихся драматургов Эллады и истории античного театра, которые принадлежат перу Д.Ф. Беляева (Еврипид), Д.П. Шестакова (Аристофан), Б.В. Варнеке (Менандр, история античного театра в целом).

Поражает и широта тематики работ С.П. и Д.П. Шестаковых: здесь и отдельные проблемы литературоведения и классической филологии, попытки подведения итогов развития классической филологии в конце XIX – начале XX вв. и проблемы собственно древнегреческой истории, последние нашли отражение в основном в рецензиях на работы русских и зарубежных ученых.

Одной из первых печатных работ по античной истории С.П. Шестакова было его исследование «Религиозно-нравственные воззрения Эсхила»⁴³², прочитанное в качестве вступительной лекции в Казанском университете в 1890 г. «В настоящей лекции мы хотим остановиться на той стороне поэзии Эсхила, которая близка каждому из нас, показать, как решал он те вопросы, которые рано или поздно начинают волновать нашу мысль, настоятельно требуя ответа»⁴³³, – писал С.П. Шестаков во введении к статье. В основе религиозных воззрений Эсхила, по мнению С.П. Шестакова, лежит идея Зевса. Рассмотрению собственно взглядов Эсхила предшествует рассмотрение эволюции об-

---

⁴³¹ Дружина И.А. Указ. соч. С. 207.

⁴³² См. Шестаков С.П. Религиозно-нравственные воззрения Эсхила. (Вступительная лекция, читанная в Казанском университете) // УЗКУ. 1890. Кн. VI. С. 38–62.

⁴³³ Там же. С. 39.

раза богов в поэзии и искусстве. В поэзии Эсхила Зевс господствует над судьбой, он хранитель порядка в человеческом обществе⁴³⁴. Шестаков считает, что деятельность Эсхила способствовала тому, что представления современников об окружающем делались последовательнее и логичнее. В статье высказано несколько интересных мнений о греческой мифологии, об образах греческих богов: «греческие боги – существа мстительные, гораздо более карающие, чем награждающие, вообще враждебные к людям, готовые скорее погубить невинного, нежели пощадить виновного. Зависть богов принадлежит к одним из самых распространенных в Греции верований»⁴³⁵.

Интерес представляют исследования С.П. Шестакова о красноречии у древних греков. Первое исследование, посвященное этому вопросу, было на тему «Красноречие у древних греков в его влиянии на их историческую литературу»⁴³⁶. Статья посвящена исследованию речей в исторических трудах древних греков. Шестаков пишет, что на присутствие в исторических трудах речей влияла «литературная традиция и условия политической жизни»⁴³⁷. Он видит развитие искусства красноречия со времен Гомера, но особенно оно расцветает тогда, «когда на смену царской власти в различных областях Греции вводится республиканский строй. Особенно в демократических общинах, где принципом являлось равенство права голоса для всех свободных граждан, речь стала нервом политической жизни». Он обращает внимание читателей на то, что при том развитии государственности, при той форме управления, какие существовали в демократических полисах Греции, убедительная, яркая речь могла решить исход дела. «Живое слово было рычагом, приводящим в движение государственный механизм. Красноречие вполне уместно называть душой античной государственной жизни», – писал С.П. Шестаков⁴³⁸.

Определяя такой характер и значение красноречия для государственной жизни древних греков и в особенности афинян, С.П. Шестаков отмечает, как это искусство отразилось в древнегреческой исторической литературе, начиная с Гомера. Особенно много места он уделяет разбору Фукидида, где указывает, что речи воспроизводимые Фукидидом в своей «Истории», не есть действительные речи, а направлены на то,

---

⁴³⁴ Там же. С. 47, 48.

⁴³⁵ Там же. С. 56.

⁴³⁶ *Шестаков С.П.* Красноречие у древних греков в его влиянии на их историческую литературу // *ФО.* 1902. Т. XXI. Кн. 1. С. 123–192. Статья опубликована с подзаголовком «Речь, произнесенная 5 ноября 1901 г. в торжественном годичном собрании Казанского университета».

⁴³⁷ Там же. С. 123.

⁴³⁸ Там же. С. 125, 126.

чтобы донести до читателей или слушателей общий смысл сказанного⁴³⁹.

С.П. Шестаков пишет, что для конца IV в. до н.э. характерен упадок политического красноречия, в связи с изменениями в политической жизни Греции (потерей ею независимости). В это время искусство красноречия не связано с практической жизнью, оно становится литературным приемом, «которым каждый отдельный автор распоряжается по мере своего понимания, то, ограничивая его употребление, то, делая его средством показать во всем блеске свои декламаторские таланты. Литературная форма разошлась с жизнью и осталась влачить свое существование без того, что составляло ее подлинное содержание, что ее одухотворяло»⁴⁴⁰. За всем этим исследованием греческого искусства красноречия стоит некоторая идеализация древнегреческой политической жизни, и в особенности афинской демократии. Идеал здесь – стремление к общей цели – прослеживается в общем тоне статьи. «Народ, многочисленная масса, одушевляемая самыми различными воззрениями и желаниями, мог быть подвигнут к согласному решению только при посредстве взаимного обмена мыслей»⁴⁴¹, – писал С.П. Шестаков.

В 1911 г. в «Ученых записках Казанского университета» появляется его большое исследование «История греческого красноречия. Вып. 1. (Из лекций по истории греческой литературы)»⁴⁴². Здесь он вновь указывает, что большое влияние на развитие красноречия в древней Греции повлияло ознакомление с произведениями литературы через публичные чтения и уклад общественной жизни древних греков⁴⁴³. С.П. Шестаков начинает свое изложение с развития искусства красноречия в Сицилии во второй половине V в. до н.э., рассматривая и речи известных сицилийских ораторов, и руководства по риторике. Затем он переходит к рассмотрению красноречия в Афинах. Здесь он сосредотачивает свое внимание на Антифоне. К сожалению, изложение прерывается буквально на полуслове в 11 книге «Ученых записок Казанского университета». Так как не было напечатано содержание этого исследования, то план сочинения и его объем остаются неизвестными.

В 1907 г. Шестаков издает объяснения греческих лириков⁴⁴⁴. Для первого выпуска он избрал стихотворения Сафо и Алкея. Разбору стихов он предпослал небольшое введение, в котором рассмотрел эолий-

---

⁴³⁹ Там же. С. 131.

⁴⁴⁰ Там же. С. 192.

⁴⁴¹ Там же. С. 129.

⁴⁴² Шестаков С.П. История греческого красноречия. Вып. 1. (из лекций по истории греческой литературы) // УЗКУ. 1911. Кн. 8–11. С. 1–144.

⁴⁴³ Там же. С. 3.

⁴⁴⁴ Шестаков С.П. Греческие лирики. Вып. 1. Казань, 1907.

скую лирику конца VII – первой половине VI в. до н.э. Интересно здесь его сравнение стихов и музыки.

Большое внимание С.П. Шестаковым уделялось и изучению папирусов. Показательна в этом плане его статья «Оксиринхский историк». Он стремится познакомить российского читателя со вновь открытым историческим произведением, посвященным событиям IV в. до н. э., которое было опубликовано в V части «Оксиринхских папирусов Гренфелла и Гента»⁴⁴⁵. При изучении этого источника С.П.Шестаков выделяет две проблемы: 1. отношение нового источника к уже известным источникам и его значение; и 2. вопрос об имени автора этого источника. Используя труды предшественников, С.П. Шестаков выясняет, что вновь открытый источник существенно дополняет и изменяет наши сведения о времени примерно с 411 г. до н.э. до битвы при Книде в 394 г. до н.э. Источник представляет сравнительно более полный текст по сравнению с Ксенофонтом, кроме того, С.П. Шестаков указывает, что эти историки смотрели на события с разных позиций⁴⁴⁶. Его труд не просто перевод немецких, английских исследований, это полный свод всех известных сведений о вновь открытом историческом произведении. С.П.Шестаков сам сопоставил отдельные отрывки, внося собственную критику. По вопросу о вероятном авторе вновь открытой Греческой истории С.П.Шестаков приводит все возможные аргументы «за» и «против» отождествления его с Феопомпом, а также Кратиппом и добавляет, что остаётся ждать новых находок для достоверного выяснения личности автора. С.П.Шестаков замечает, что в размещении материала вновь открытый историк «держится анналистического метода, видимо представляющего подражание Фукидиду, причем, события рассказываются в хронологическом порядке и разделены по годам». Несмотря на незначительность объёма сохранившихся отрывков, ученый считает труд историка хорошо разработанным, богатым подробностями, крупного значения, важно, что в нём обнаруживается одинаково хорошая осведомлённость «о событиях в Греции, компаниях Агесилая в Малой Азии и о морской войне»⁴⁴⁷.

С.П. Шестаков еще раз возвращается к исследованию оксиринхского папируса несколько позднее⁴⁴⁸. Причиной этому послужило опубликование двух вариантов текста папируса и нескольких трудов его касающихся. В ней он вновь останавливается на вопросе об авторе этого исторического сочинения и вновь высказывает мнение, что у нас недоста-

---

⁴⁴⁵ Шестаков С.П. Оксиринхский историк // ЖМНП. 1909.Ч. 24. С. 51–88, 285–312.

⁴⁴⁶ Там же. С. 57–294

⁴⁴⁷ Там же. С. 293.

⁴⁴⁸ См.: Шестаков С.П. К оксиринхскому историку // ЖМНП. 1910. Ч. XXIX. Октябрь. С. 441–470.

точно данных для достоверного отнесения текста к кому-либо из известных древних авторов⁴⁴⁹.

Взгляды С.П. Шестакова на древнегреческую историю можно проследить только по рецензиям, так как текста читавшегося им курса греческих древностей не сохранилось. Интересна в этом плане статья С.П. Шестакова, написанная им в форме рецензии, о первобытном населении Греции. В ней ученый дает сопоставление взглядов на этот вопрос двух английских ученых Хола и Муреса. Мурес пишет, что автохтонное население Греции, до прихода сюда греков, – пеласги, и именно от них выводит тирренцев или этрусков. Шестаков отмечает, что такое предположение можно сделать только в теории, так как на практике это, скорее всего, было не так. Он склоняется к мнению Хола о происхождении италийских тирренцев из центральной Европы. В заключении Шестаков делает вывод: «Наша коротенькая заметка не преследует иной более широкой цели, как только отметить общее направление и развитие вопроса о пеласагах в новой ученой литературе. Насколько нам представляется его сущность, в пределах доступного нам материала, у нас нет иного определения для языка тех варваров, о которых говорит Фукидид, как этрусский или тирренский, раз мы не хотим отказаться от всякого, хотя бы предположительного ответа на один из труднейших вопросов этнографии древнейшей Греции»⁴⁵⁰.

В заметке «Из новейшей литературы по истории эллинизма»⁴⁵¹, написанной в такой же манере С.П. Шестаков сопоставляет труды французского историка Колина и английского – Магаффи о подчинении римского народа культурному влиянию Греции. Он считает распространение греческого влияния на римскую культуру и римский народ одной из фаз культурного взаимодействия средиземноморских народов⁴⁵². Сравнивая подходы ученых, автор отмечает более широкую тематику и рамки труда Магаффи, находит в трудах и сам приводит свидетельства источников: Саллюстия, Полибия, Плутарха, Ливия о греческом влиянии на римскую культуру. С.П. Шестаков выделяет периоды, когда в Риме наблюдается крайнее увлечение всем греческим, и периоды полного отторжения и неприятия всего греческого⁴⁵³. В труде Магаффи сочетается научная обоснованность и популярность изложения, которые могут

---

⁴⁴⁹ Там же. С. 269-270. О значении этих статей С.П. Шестакова для исследования истории Спарты см.: *Старкова Н.Ю.* Проблемы истории Древней Спарты в трудах казанских антиковедов рубежа XIX –XX вв. // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. Казань, 2005.

⁴⁵⁰ *Шестаков С.П.* К вопросу о первобытном населении Греции // *Гермес.* 1909. № 1. С. 13–16; № 2. С. 47–49.

⁴⁵¹ *Шестаков С.П.* Из новейшей литературы по истории эллинизма. Казань, 1907.

⁴⁵² Там же. С. 1.

⁴⁵³ Там же. С. 28–30.

привлекать как внимание читателя из широкой публики, так и заинтересовать студентов и ученых-специалистов.

Значительный интерес представляет статья Шестакова, посвященная исследованию духовной жизни античности «Смерть и демоны смерти в представлении древних и новых греков»⁴⁵⁴. «Изучение античного мира идет ... в направлении широких обобщений и аналогий с данными эволюции материальной и духовной культуры всего человечества». Шестаков отмечает, что древний мир дает любопытные аналогии с культурной историей других народов. Через переживания радостей жизни древних греков, «тоски умерших по живым и близким» в средневековой греческой поэме, переходит Шестаков к переживаниям какие сохраняются и у новых греков⁴⁵⁵.

Огромную часть его научного наследия занимают рецензии, в основном на труды иностранных ученых. В рецензиях для С.П. Шестакова главное познакомить русских читателей и ученых с исследованиями зарубежных коллег, поэтому и тон его рецензий в основном нейтральный. В рецензиях он не ограничивается только областью своей специальности – греческой словесностью – достаточно часто пишет рецензии на смежные темы. Такова его рецензия на книгу Tucker «The foreign debt of English literature». «Нам хотелось бы отметить появление этой книги на страницах «Гермеса» в виду того широкого вопроса в истории европейской культуры, которой она посвящена. Написанная в форме очень сжатого, элементарного обзора главнейших фактов зависимости английской литературы от литературы античных народов, греков и римлян, далее литератур новоевропейских народов, книжка Туккера дает повод напомнить о тех неразрывных и глубоких связях, которые соединяют новый мир с античным»⁴⁵⁶.

Младший из братьев Шестаковых – Дмитрий Петрович – первые свои работы по античной истории опубликовал еще будучи студентом Казанского университета. Выполнены они были под руководством Ф.Г. Мищенко и посвящены анализу эпиграфических источников. Первая работа «Афинско-аргосский союзный договор 420 г. до Р.Хр.» и вторая – «Галикарнасская надпись конца 80 Олимпиады». Обе работы были напечатаны в Ученых записках Казанского университета⁴⁵⁷.

---

⁴⁵⁴ Шестаков С.П. Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков // ИОАИЭ. Т. 32. Вып. 2. 1923. С. 97–114.

⁴⁵⁵ Там же. С. 97.

⁴⁵⁶ Шестаков С.П. [рец. на] Tucker The foreign debt of English literature. London, 1907 // Гермес. 1908. № 9. С. 225–226.

⁴⁵⁷ См. Шестаков Д. Афинско-аргосский союзный договор 420 г. до Р.Хр. и задача его Фукидидом // УЗКУ. 1891. Кн. 2. С. 75–92; Галикарнасская надпись конца 80-ой Олимпиады и ее важность при изучении Геродота // УЗКУ. 1891. Кн. 4. С. 68–82.

Первая статья посвящена рассмотрению вопроса о передаче Фукидидом в своем сочинении договора Афин и Аргоса 420 г. до н.э. в связи с находкой в 1877 г. на афинском акрополе стелы с надписью, оказавшейся договором Афин и Аргоса, как это было установлено после прочтения надписи. После сравнения надписи и текста Фукидида выяснилось, что историк передал текст не дословно. В этой связи Д.П. Шестаков ставит вопрос о том, чья это вина: переписчиков или изменения внесены самим Фукидидом и насколько они серьезны⁴⁵⁸. В результате собственного сличения надписи и текста Фукидида, Д.П. Шестаков приходит к следующим выводам: изменения в тексте Фукидида не значительны и «подлинный текст надписи не дает нам ни в одном месте какого-либо дополнения или поправки к содержанию договорного акта, передаваемого Фукидидом»⁴⁵⁹.

Кроме того, Д.П. Шестаков останавливается в своей статье и на манере передачи Фукидидом в своем сочинении речей и других договоров. «В речи, как и в остальные части своей истории, он находил возможным вносить значительную долю свободного творчества, что он считал важным сохранение в речах наиболее характеризующих говорящего мнений, а вовсе не дословное воспроизведение подлинных выражений оратора, – пишет Д.П. Шестаков, – Легко предположить и некоторую свободу в обращении историка с введенными им в свою историю официальными актами». Далее Дмитрий Петрович делает предположение, что тот вид, в котором дошел до нас договор у Фукидида, является переходным к полнейшему слиянию текста договора и текста истории Фукидида, так похожее явление наблюдается, по словам Шестакова, в первой части труда Фукидида. Все тексты договоров сохранились только во второй части, тогда как в первой нет ни одного. «благодаря некоторым особенностям, отличающим вторую часть от первой, вторую половину истории Фукидида признают сохранившейся нам в ее первоначальном виде, не подвергшейся окончательной отделке со стороны историка, которому в этом помешала смерть»⁴⁶⁰.

Вторая статья «Галикарнасская надпись конца 80 Олимпиады» посвящена выяснению некоторых моментов в биографии Геродота, относящихся ко времени его молодости. В результате своего исследования Д.П. Шестаков приходит к выводу, что надпись из Галикарнасса принадлежит к концу V в. до н.э., примерно к 486 г. до н.э., и проливает свет на ту политическую атмосферу, которая окружала Геродота в молодости⁴⁶¹.

---

⁴⁵⁸ Шестаков Д. Афинско-аргосский союзный договор 420 г. до Р.Хр. // УЗКУ. 1891. Кн. 2. С. 77.

⁴⁵⁹ Там же. С. 88.

⁴⁶⁰ Там же. С. 89.

⁴⁶¹ Шестаков Д.П. Галикарнасская надпись конца 80-ой Олимпиады и ее важность при изучении Геродота // УЗКУ. 1891. Кн. 4. С. 72–78.

В это же время была подготовлена к печати его статья «Почетные зрители афинского Дионисова театра (по надписям, сохранившимся в его развалинах)»⁴⁶². В работе Д.П. Шестаков делает вывод о том, что почетные места не простирались далее 23 ряда театра, самыми почетными зрителями были жречество и представители римской администрации. Большинство надписей относится к римскому времени, и возможно, что часть их была выбита на месте ранее сделанных надписей⁴⁶³.

В период с 1891 г. по 1903 г. Д.П. Шестаков печатает ряд переводов древних поэтов и рецензий на исследования зарубежных ученых, однако большую часть времени посвящает литературной деятельности и сотрудничеству с различными журналами. Лишь в 1903 г., видимо под давлением старшего брата, Дмитрий Петрович возвращается к научным занятиям по греческой словесности. Будучи профессорским стипендиатом, Д.П. Шестаков опубликовал в «Ученых записках Казанского университета» большое исследование о речах Демосфена, в связи с открытыми толкованиями александрийского грамматика Дидима⁴⁶⁴. Д.П. Шестаков определяет в статье значение этого открытия для современной науки. Найденные отрывки, по мнению Дмитрия Петровича, «явились главнейшим источником для восстановления картины ученых занятий александрийских критиков». Кроме того, Д.П. Шестаков раскрывает значение толкований Дидима для установления текста речей Демосфена, для характеристики литературной деятельности самого Дидима и его источников.

В это же время он начинает работать над произведениями Аристофана. Тема магистерской диссертации была определена как «Черты народной речи в комедиях Аристофана»⁴⁶⁵. Однако командировка в Константинополь в Русский археологический институт уводит его в сторону изучения истории и культуры Византии и, вновь возвращение к антиковедческой тематике мы наблюдаем лишь после защиты магистерской диссертации в 1910 г.

Тогда Д.П. Шестаков вновь возвращается к теме Аристофана. Вероятно, что возвращение к изучению комедий Аристофана произошло не без влияния брата, о чем косвенно сообщает и сам Дмитрий Петрович, указывая в отчете о летней командировке 1911 г., что «поездка в Казань существенно продвинула его исследование по Аристофану»⁴⁶⁶.

---

⁴⁶² Шестаков Д.П. Почетные зрители афинского Дионисова театра (по надписям, сохранившимся в его развалинах). Казань, 1890 // ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 1.963.

⁴⁶³ Там же. Л. 2, 5, 12.

⁴⁶⁴ Шестаков Д.П. Вновь открытые толкования и словарь к Демосфену // УЗКУ. 1907. Кн. 1. С. 1–47.

⁴⁶⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1902. Л. 92 об.

⁴⁶⁶ Шестаков Д.П. Отчет о занятиях во время летней командировки // ВУИ. 1912. № 7. С. 1.

Докторская диссертация Д.П. Шестакова была посвящена изучению народной речи в комедиях Аристофана⁴⁶⁷.

Изучение аттической комедии привлекало многих ученых в XIX в. Можно назвать наиболее интересные исследования: П.В. Никитин «К истории афинских драматических состязаний»; ранние работы Ф.Ф. Зелинского «О синтагмах в древнегреческой комедии» и «О дорийском и ионийском стиле в древнеаттической комедии»⁴⁶⁸. Все они посвящены сценической структуре комедии, воплощению комедии на сцене древнегреческого театра. Обращалось внимание и на другие вопросы. Так эволюции комедийного жанра, сопровождавшей падение политического значения комедии, была посвящена статья М. Георгиевского, интересна работа и В. Эрнштедта⁴⁶⁹. Крупным исследователем Аристофана был С.И. Соболевский, первые работы которого были о синтаксисе в языке Аристофана⁴⁷⁰. В начале XX в. внимание к Аристофану несколько слабеет и здесь можно назвать только работы Д.П. Шестакова.

Интерес к изучению Аристофана был обусловлен значением его произведений для реконструкции повседневной жизни греческого общества. Это отмечает В.П. Бузескул, считая, что для представления быденной жизни древних греков «едва ли не единственным источником служил Аристофан, который в своих комедиях действительно дает типы заурядных афинских граждан, вводит в их жизнь, с ее повседневными интересами и обыденными явлениями, и изображает эту жизнь наглядно и ярко с ее грубой, подчас даже циничной, стороны»⁴⁷¹. Именно поэтому в его комедиях мог сохраниться разговорный язык Аттики, изучение которого способствовало пополнению представлений о повседневной жизни древних греков.

Как отмечали и сам Д.П. Шестаков, и его рецензенты, тема эта достаточно трудна «в виду того, что подавляющее большинство словесных памятников составлено и составляется на языке «литературном», то есть традиционном, условном, на котором в сущности, никто не говорит, изучение живой речи сопряжено с большими затруднениями. В особенности это приходится сказать о разговорной речи древних греков, у

---

⁴⁶⁷ Шестаков Д.П. Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. Казань, 1912.

⁴⁶⁸ Зелинский Ф.Ф. О синтагмах в древнегреческой комедии // ЖМНП. 1883. № 4-6; его же. О дорийском и ионийском стиле в древнеаттической комедии // ЖМНП. 1885. № 1-5.

⁴⁶⁹ Георгиевский М. // ЖМНП. 1886. № 8; Эрнштедт В.К. // Сб. в честь Ф.Ф. Соколова. 1895.

⁴⁷⁰ Список работ С.И. Соболевского См. в Ярхо В.Н. Аристофан в русском литературоведении XIX – XX веков // ИАН СССР. Отд. Литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 6. С. 527.

⁴⁷¹ Бузескул В.П. Современное научное движение в области греческой истории // Исторические этюды. СПб, 1910. С. 18–19.

которых литературная традиция всегда была чрезвычайно сильна». Вместе с тем, изучение народной речи «имеет огромное значение для распознавания психики каждого народа»⁴⁷².

Во введении Д.П. Шестаков обращает внимание на то, что «комедия Аристофана вырастает из двух главных корней: из старой традиции, возвращающейся к древнейшей, еще народной комедии, и из живого наблюдения поэта над современной ему повседневной действительностью». Благодаря этому комедия Аристофана получает очень много народных элементов⁴⁷³. Из народной комедии Аристофан, по мнению Д.П. Шестакова, берет многие комические образы, из повседневности многие формы языка.

Однако как считает сам Дмитрий Петрович, «полного восстановления подлинного произношения народной речи в комедии Аристофана – с самого начала затруднительно ожидать». Для восстановления народной речи необходимо использовать три источника: аттические надписи, которые, по мнению Д.П. Шестакова, «тем ближе воспроизводят народное произношение, чем менее официально их происхождение», метрические формы самой комедии и игру словами, которая, как считает Д.П. Шестаков, принадлежит к свойствам народной речи⁴⁷⁴.

Для доказательства своих положений он использует сравнительно-лингвистический метод: сравнивает латинские и греческие выражения, а также приводит параллели из других древних и современных языков. В книге разобраны морфология, фонетика, синтаксис и словообразование народной речи. Большое внимание уделено в исследовании так же проявлениям народной речи в звукоподражаниях, именах. Значительное место отводится и на рассмотрение жаргонов различных групп афинского населения, употребляемых в комедии Аристофана. Возводя начало аттической комедии в целом, и комедий Аристофана в частности, к народной комедии и народному фарсу, Д.П. Шестаков, тем не менее, считает, что в ней нашли отражение политические реалии того времени, особенно ярко это выразилось в комедиях «Лисистрата» и «Женщины в народном собрании». К недостаткам работы можно отнести отсутствие синтеза в исследовании. Изложение как бы обрывается из-за отсутствия выводов в работе.

На это исследование Д.П. Шестакова было напечатано несколько рецензий. Первой была рецензия Е. Кагарова⁴⁷⁵. Рецензент пишет, что

---

⁴⁷² Сонни А. Аристофан и аттический разговорный язык. По поводу книги Д.П. Шестакова Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. Казань, 1912 // ЖМНП. 1916. Ч. 61. С. 6.

⁴⁷³ Шестаков Д.П. Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. С. 3.

⁴⁷⁴ Там же. С. 33.

⁴⁷⁵ Кагаров Е. Д.П. Шестаков опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. Казань, 1912 // Гермес. 1914. № 7–8. С. 206–208.

«автору удалось собрать обширный материал и наилучшим образом осветить те особенности, которые свойственны безыскусному народному языку Афин в век Аристофана». Е. Кагаров также отмечает, что «весьма часто автор приводит меткие и удачные параллели из русской, латинской и немецкой простонародной речи». Е. Кагаров отмечает и некоторые недостатки труда Д.П. Шестакова, в частности к главам по литературе и недостаточность примеров, а так же спорность некоторых переводов слов и выражений, которые вызывают дискуссии в филологической литературе. Кроме того, Е. Кагаров указывает на возможность применения статистических методов при исследовании такого массового материала, как элементы народной речи. В заключение своей рецензии Е. Кагаров пишет, что «эти соображения, возникшие у меня при чтении книги Д.П. Шестакова, не умаляют, конечно, крупных достоинств разбираемого труда, появление которого можно только приветствовать»⁴⁷⁶.

Несколько позднее появилась рецензия Д.И. Нагуевского. В целом он положительно оценивает исследование Д.П. Шестакова. Однако дает ряд существенных замечаний, касающихся сравнения греческих и латинских выражений, а так же перевода некоторых латинских слов. «Общий план исследования едва ли заслуживает совершенного одобрения, – пишет Д.И. Нагуевский, – чтобы выделить общую, систематическую группировку народно-языковых явлений в комедиях Аристофана, автору надлежало подойти к решению этой проблемы посредством анализа или целых комедий или отдельных крупных их отрывков. Но исследователь предпочел выборку лишь отдельных, разрозненных стихов, и, нарушив этим общую стройность сгруппированных языковых явлений, преградил себе путь к более широким обобщениям, к статистическим итогам, к выяснению вопроса, почему в некоторых комедиях известные языковые явления преобладают, а в других встречаются реже». Так же отмечает отсутствие обзора литературы вопроса о народной речи в комедиях Аристофана, некоторые недостатки в переводе, особенно там, где они вызывают споры в филологической литературе⁴⁷⁷.

Более резкой по тону была рецензия А. Сонни⁴⁷⁸. Он выделяет существенные недостатки в исследовании. В первую очередь автор рецензии обратил внимание на недостатки в терминологии исследования. Термин «народная речь», по мнению Сонни, «слишком неопределенный

---

⁴⁷⁶ Там же. С. 206, 208.

⁴⁷⁷ *Нагуевский Д.И.* Д.Шестаков «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана». Казань, 1912 // Вестник образования и воспитания. 1915. № 11–12. С. 836–842..

⁴⁷⁸ *Сонни А.* Аристофан и аттический разговорный язык. По поводу книги д.П. Шестакова Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. Казань, 1912. // ЖМНП. 1916. Ч. 61. С. 6–90.

и в научном исследовании лучше было бы его избегать», лучше было использовать термин «разговорная речь», но и она не едина, так как отличается в разных сословных группах. «на эту дифференциацию разговорного языка г. Шестаков не обратил внимания, – пишет А. Сонни, – У него все сливается в единую «народную речь»»⁴⁷⁹. Критика Сонни направлена и на применяемые Д.П. Шестаковым методы исследования: слишком расширен круг источников народной речи, по мнению автора рецензии необходимо было сосредоточиться на самих комедиях Аристофана, недостаточное знакомство с выводами лингвистики, случайный подбор материала из исследований других ученых. Общий вывод Сонни об исследовании Шестакова резко отрицательный. «Указанные нами недостатки, – пишет А. Сонни, – имеют органический характер, касаясь самого существа работы, и настолько значительны, что лишают труд г. Шестакова научного значения»⁴⁸⁰.

Впоследствии Д.П. Шестаков не раз обращается к Аристофану⁴⁸¹. Переводу трех комедий Аристофана предпослано небольшое введение. Две комедии «Лисистрата» и «Женщины в народном собрании» представляют, по мнению Д.П. Шестакова, памятники женского вопроса в древней Греции. Он пишет, что «во всяком случае, и «Лисистрата», и «Женщины в народном собрании» указывают, что к концу V в. греческая женщина начинает выходить из прежнего замкнутого, теремного положения и живо интересуется общественными вопросами». Интересно его замечание и о характере реформ предлагаемых женщинами в комедии «Женщины в народном собрании». Д.П. Шестаков определяет его как коммунистический, так же он определяет и идеальное государство Платона. О третьей комедии «Лягушки» Д.П. Шестаков пишет, что она «интересна по народной первооснове, на которой построена» и что «основу эту образует общее многим народам сказание о схождении в ад живого человека»⁴⁸².

В статье «К вопросу о народной речи в комедии Аристофана (заметки и параллели)» Д.П. Шестаков доказывает заимствования Аристофана из народного фарса комических персонажей и эффектов, в основном повторяя положения своей книги «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана».

Конец XIX – начало XX вв. стали временем осмысления в науке пройденного пути, время подведения итогов и постановки задач на будущее, особенно для российской исторической и филологической науки.

---

⁴⁷⁹ Там же. С. 8–9, 10.

⁴⁸⁰ Там же. С. 58.

⁴⁸¹ Шестаков Д.П. Три комедии Аристофана (перевод с греческого) // УЗКУ. 1915. Кн. 2. приложения. С. 1–250; Шестаков Д.П. К вопросу о народной речи в комедии Аристофана (заметки и параллели) // УЗКУ. 1916. Кн. 12. С. 1–38

⁴⁸² Шестаков Д.П. Три комедии Аристофана (перевод с греческого). С. 5, 6, 7.

С.П. и Д.П. Шестаковы не остались в стороне от этого явления научной жизни. Ими был опубликован ряд статей, в которых ставились задачи развития филологической науки и подводились некоторые итоги ее развития. Так, в небольшой заметке «Из новейшей литературы, относящейся к греческой трагедии» С.П. Шестаков, делая обзор мнений о происхождении греческой трагедии и драмы, намечает пути дальнейшего развития истории греческой литературы⁴⁸³. «Задачи истории литературы, как науки, – пишет С.П. Шестаков, – могут рассматриваться с разных точек зрения. Несомненно во всяком случае, что одним из ближайших объектов ее является наблюдение процесса развития литературных видов». «В истории древнегреческой литературы, – продолжает он далее, – эта сторона изучения в особенности интересна». Здесь же казанский ученый отмечает, что прежнее эстетическое истолкование уже не удовлетворяет современного исследователя, так как «стремилось всячески оправдывать несовершенства и недостатки ранних произведений греческих драматургов», теперь же эти несовершенства служат для исследователя «характерным признаком искусства, еще отыскивающего свои пути, пробуемого и вырабатывающего свои средства»⁴⁸⁴. В этой же статье Шестаков высказывает и свои взгляды на развитие греческой драмы, считая, что она развивалась из лирической песни. Поэтому произведения Эсхила еще не драма, а музыкально-лирическое произведение⁴⁸⁵. Развитие из лирической песни трагедии происходит путем присоединения архаических элементов в построении сюжета и приемах воздействия на зрителя.

В уже упоминавшееся нами статье С.П. Шестакова «Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков»⁴⁸⁶, блестящему рассмотрению конкретного вопроса предшествует определение тенденций развития классической филологии в широких рамках изучения всего древнего мира. Особенно подчеркивается необходимость изучения эволюции греческой религии, что способно дать, по мнению С.П. Шестакова, «любопытные аналогии к культурной истории других народов».

Д.П. Шестаков обращает в своих работах внимание на направления в изучении древнегреческой литературы. Первым таким направлением, по его мнению, является изучение народной речи и народного языка, вторым – индивидуализация изучения греческого языка, то есть изучение языка отдельных писателей, что стало возможным благодаря пред-

---

⁴⁸³ Шестаков С.П. Из новейшей литературы, относящейся к греческой трагедии // Гермес. 1908. № 3. С. 76–78; № 4. С. 97–111.

⁴⁸⁴ Там же. С. 76.

⁴⁸⁵ Там же. С. 77.

⁴⁸⁶ Шестаков С.П. Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков // ИОАИЭ. Т. 32. Вып. 2. 1923. С. 97–114.

шествующему развитию классической филологии, которая «заложила прочные основы общего исторического изучения греческого языка»⁴⁸⁷.

Также ученый указывает, что в изучении Древней Греции одним из направлений исследовательской работы может стать изучение «малых древностей» в истории быта и искусства, внимание к изучению положения различных сословий в древнегреческом обществе, чему особенно способствуют богатые находки папирусов. Д.П. Шестаков пишет и о необходимости изучения древнегреческой религии, так как она «принадлежит к древнейшим обнаружениям национального духа греческого народа»⁴⁸⁸. Методологической базой для исследований по изучению народной речи и религии Древней Греции может стать, по мнению Д.П. Шестакова, сравнительно-сопоставительный метод, в частности использование наработок по изучению народной латыни⁴⁸⁹.

В последующих публикациях Дмитрий Петрович во многом расширяет высказанные ранее взгляды на развитие классической филологии. Так в статье "Греческая филология в славянской науке" он указывает, что развитию исследований по классической филологии способствует ведение в научный оборот большого количества вновь найденных греческих надписей и папирусов. "Мы присутствуем в настоящее время, пишет Д.П. Шестаков, при новом возрождении классической филологии благодаря обильным египетским открытиям"⁴⁹⁰.

Наиболее выразительной чертой современной ему классической филологии Д.П. Шестаков считает «расширение круга тем, интересов, изучений». Это расширение тематики исследований он связывает с вниманием исследователей к изучению народной речи, с одной стороны, и творчества «писателей послеклассических», с другой⁴⁹¹. Ученый высказывает сожаление, что у славянской науки нет постоянного представительства и научных исследований, напрямую связанных с местностями, где открываются новые папирусы. Но это не мешает ей быть на уровне с западноевропейской наукой: «то, что может делать славянская наука греческой филологии в представленных ей условиях, она исполняет добросовестно и последовательно». Дмитрий Петрович считает, что главное, что вносит российская наука в изучение античного мира – «славянская восприимчивость и спокойная, независимая критика»⁴⁹².

---

⁴⁸⁷ См. *Шестаков Д.П.* Новейшие изучения древнегреческой литературы и жизни // УЗКУ. 1904. кн.10. С. 1–78.

⁴⁸⁸ Там же. С. 24.

⁴⁸⁹ Там же. С. 12, 26.

⁴⁹⁰ *Шестаков Д.П.* Греческая филология в славянской науке // ЖМНП. 1909. Ч. 24. С. 522.

⁴⁹¹ Там же. С. 505.

⁴⁹² Там же. С. 522.

Таким образом, он подчеркивает аполитичный характер российской науки, ставит это ей в заслугу.

Заслуги славянской науки Д.П. Шестаков отмечает и в статье «Чешские новости греческой филологии». Он обращает внимание на перевод труда В.П. Бузескула «Введение в историю Греции» на чешский язык. «Нельзя не отметить, – пишет Д.П. Шестаков, – так же в чешской филологии внимания к тем областям греческой литературы, которая и в богатейшей без сомнения научной литературе запада сравнительно недавно вошли в круг тем и интересов научного исследования». Одной из таких тем Д.П. Шестаков называет исследования о Гиппократе⁴⁹³.

Более общие взгляды Д.П. Шестакова на развитие греческой литературы и литературы вообще изложены им в двух статьях: «Сохранность греческой литературы и египетские папирусы» и «О некоторых основных течениях в современной науке классической филологии»⁴⁹⁴. Проводя в них те же принципы, что и в предыдущих своих работах, Д.П. Шестаков специально останавливается на вопросах развития литературы и развития наук, изучающих античность. Им высказан достаточный оригинальный взгляд на эту проблему.

Развитие литературы идет путем преемственности через второстепенных лиц. В истории литературы «перед нами проходят не только великие, гениальные писатели, но и меньшие, слабейшие таланты, а для историко-литературного изучения последние столь же значимы, как и первые», «именно второстепенные писатели заполняют своей литературной деятельностью промежуточные стадии между явлениями двух великих талантов». До нас дошло мало известий о писателях древности, поэтому и не наблюдается плавности развития греческой литературы, она представляет собой, по мнению Шестакова, «обломки, прекрасные, но рассеянные»⁴⁹⁵. Находки папирусов в Египте помогают восстановить плавность развития греческой литературы, а их обильность позволяет назвать начало XX в. – «веком папирусов в науке классической филологии»⁴⁹⁶. Еще ранее В.П. Бузескул назвал это время – «эпохой папирологии», за то значение, какое стали играть папирусные находки в деле изучения античной истории⁴⁹⁷.

Обращаясь к общим вопросам и состоянию дел в классической филологии, Д.П. Шестаков считал основным отличием современной ему

---

⁴⁹³ Шестаков Д.П. Чешские новости греческой филологии // ЖМНП. 1910. Ч. 27. С. 191–207.

⁴⁹⁴ Шестаков Д.П. Сохранность греческой литературы и египетские папирусы // Гермес. 1911. № 11–12. С. 292–298; № 13. С. 330–334; О некоторых основных течениях в современной науке классической филологии // ЖМНП. 1912. Ч. 39. отд. V. С. 233–251.

⁴⁹⁵ Там же. С. 292

⁴⁹⁶ Там же. С. 330.

⁴⁹⁷ Бузескул В.П. Современное научное движение... С. 6.

классической филологии расширение хронологических границ изучения и добавление культурно-исторических методов исследования. Восстанавливаются и изучаются "с таким же обилием и прочностью рукописного исследования, на таких же основаниях, как и классические писатели, и авторы христианские"⁴⁹⁸.

Главной задачей науки Д.П.Шестаков считал восстановление жизни и культуры древних греков и римлян по литературным памятникам и другим источникам, например, надписям. Начиная с александрийского библиотекаря, астронома, географа Эратосфена, впервые назвавшего себя филологом, Д.П. Шестаковым прослеживается вся история науки через эпохи средневековья и возрождения до современного автору этапа. «При общности основной задачи науки, как и ее первоисточников, – пишет Д.П. Шестаков, – каждое новое поколение подходит к исследованию со своими воззрениями на границы задачи науки, как и на границы средств изучения»⁴⁹⁹. «Мы считаем, – пишет он далее, – первым основным течением в современной науке классической филологии значительное расширение хронологических границ изучения», то есть включение в сферу изучения классической филологии и доклассического этапа формирования древнегреческого языка и после классического периода его развития. В этой связи Д.П. Шестаков рассматривает изучение александрийской литературы с одной стороны, как самобытной, с другой, как передаточный пункт от греческой к римской литературе⁵⁰⁰. Заметив, что за расширением хронологических границ в науку входят другие черты, Д.П. Шестаков подчеркнул, что между ними на первое место выходят как народность, так и их международность.

На примере развития понятий о языке и его формах автор показывает возможный метод исследования языковых явлений в древнегреческом языке: «Когда мы замечаем, что позднейшие явления языка сводятся к таковым же древнейшим явлениям, то мы безошибочно относим и те, и другие к особенностям народной речи». В то же время, «мы возвращаемся к тем первоначальным состояниям обоих античных языков, которые сближают их между собою, и равномерно приближают и греческую, и латинскую речь к их общей индоевропейской основе, то есть повторяем свои изучения на международном основании»⁵⁰¹.

Как считает И.А. Дружинина, «попытка братьев Шестаковых, так же как, впрочем, и подобная попытка В.И. Модестова, несколько выделить российскую или славянскую науку об античности из европейской выгля-

---

⁴⁹⁸ Шестаков Д.П. О некоторых основных течениях в современной науке классической филологии // ЖМНП. 1912. С. 233–251.

⁴⁹⁹ Там же. С. 233.

⁵⁰⁰ Там же. С. 236–237.

⁵⁰¹ Там же. С. 249, 250.

дит достаточно противоречиво именно в силу сложившейся традиции активного восприятия всех достижений Запада, и, прежде всего, методологии исследований»⁵⁰². Однако здесь необходимо отметить, что при всем восприятии достижений западной, и особенно немецкой, филологической и исторической науки, российская наука была аполитичной. Это не раз подчеркивалось уже на рубеже XIX – XX вв. Позднее на это обстоятельство указывали многие исследователи⁵⁰³.

Исследования С.П. и Д.П. Шестаковых внесли значительный вклад в развитие российского антиковедения. Их работы были высоко оценены современниками: Ф.Г. Мищенко, Д.Ф. Беляевым, В.П. Бузескулом, А.С. Жебелевым. В методологическом плане их труды не выходили за рамки позитивистской методологии. В занятиях греческой филологией можно обнаружить влияние старшего брата Сергея Петровича на младшего Дмитрия Петровича. Это выразилось в определении тематики исследований, так С.П. Шестаков повлиял на выбор братом комедий Аристофана в качестве объекта изучения. Он же определил и общее направление научной деятельности брата – изучение народной речи.

В целом их исследования шли в русле процессов, происходивших в российской исторической науке, и вошли в «золотой фонд» российского антиковедения.

---

⁵⁰² Дружинина И.А. Указ. соч. С. 140.

⁵⁰³ См. например, Талашова Н.С. Генезис российского антиковедения на рубеже веков. Пути и поиски // Талашова Н.С. Избранные труды. Т. 1. Иваново, 2001. С. 372–376.

Глава 3

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ СЕМЬИ ШЕСТАКОВЫХ

Византиноведение представляет собой совокупность нескольких дисциплин – истории, филологии, археологии, истории искусства и др. Российское византиноведение занимало одно из ведущих мест в мировом византиноведении в конце XIX – начале XX вв. Его значение заставило византинистов всего мира специально изучать русский язык, так как по заявлению ряда ведущих российских ученых, ни один византинист не может обойтись без изучения работ В.Г. Васильевско-го, Ф.И. Успенского и многих других представителей русского византиноведения⁵⁰⁴.

Рубеж XIX – XX веков стал наиболее плодотворным в развитии российского византиноведения. Это было время, когда в науку пришло младшее поколение византинистов (Д.В. Айналов, Х.М. Лопарев, С.П. Шестаков). С.А. Жебелев в одной из своих статей, посвященных развитию византиноведения в России, писал, что «семена, посеянные нашими византологами старшего поколения, дали прекрасные всходы, и за время, истекшее, примерно, с 1880 по 1930г., появилось много и большей частью хороших работ в различных областях и отраслях византиноведения», однако он отмечает далее, что большинство их было посвящено изучению истории Византии и истории византийского искусства, в меньшей степени исследовалось византийское литературоведение и недостаточное внимание уделялось изучению развития греческого языка в византийскую эпоху⁵⁰⁵.

Одной из существенных черт российского византиноведения был приход в него филологов-классиков. Их опыт изоциренного изучения древних языков и литературных памятников оказал на византиноведение благоприятное влияние. Э.Д. Фролов пишет о «закономерности

---

⁵⁰⁴ Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081г.). СПб., 2000. С. 86; От редакции // ВВ. 1947. Т. I. С. 3.

⁵⁰⁵ Жебелев С.А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 16.

поворота патриотически и почвеннически настроенных русских классиков от занятий собственно классической древностью к Византии, бывшей в их глазах идеальным прототипом дорогой их сердцу русской православно-монархической государственности»⁵⁰⁶. В предисловии ко второму тому исследований «Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга» коллектив авторов выдвигает несколько другие причины перехода филологов-классиков к византиноведению, хотя и в чем-то сходных с мнением Э.Д. Фролова: «По-видимому, холодная красота классицизма была все же менее привлекательна русскому сердцу, чем таинственный и малоизученный, но чем-то столь родственный мир византинизма; в чисто исследовательском плане влекло, несомненно, «широчайшее поле деятельности «suo Marte», а не по следам и указаниям по преимуществу зарубежных предшественников, уже все, как казалось, сказавшим о древнем мире; учитывалась, конечно, и востребованность работ по византиноведческой проблематике»⁵⁰⁷. Возможно, что здесь было причудливое и непохожее в каждом конкретном случае сочетание причин, побудивших ученого заняться исследованием проблем византийской истории.

Наибольшее внимание в российском византиноведении уделялось изучению социально-экономических проблем истории Византии и истории византийской культуры, меньше внимания уделялось исследованию византийской литературы и средневекового греческого языка. Научные интересы братьев Шестаковых лежали как раз в этой мало исследуемой в России области изучения византийского наследства.

§ 1. Исследование византийской литературы

Интерес С.П. Шестакова к истории Византии сложился, как уже отмечалось, под влиянием его университетского учителя Д.Ф. Беляева, в период учебы Сергея Петровича в университете, занимавшегося изучением византийских древностей, и проявился уже в студенческие годы.

В конце XIX – начале XX в. изучение источников на Западе оставалось на уровне позитивистского обобщения методов критического изучения текстов источника. Подготовительная критика, критика про-

---

⁵⁰⁶ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999. С. 304.

⁵⁰⁷ Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 6.

исхождения и негативная внутренняя критика, сравнительный анализ фактических свидетельств – эти основные этапы изучения источника, обобщавшие практический опыт исследования, не поднимались до уровня теоретического обобщения. Они оставались в целом обобщением эмпирического опыта исследовательской практики. Главное состояло в том, что данная позитивистская методика рассматривала источник только как средство получения фактов, а не как целостный феномен.

Русские ученые сохранили интерес к цельности изучения произведений, к источнику как главной цели исследования. Во множестве крупных классических трудов русских историков и филологов того времени исследовались выдающиеся произведения прошлого или определенные виды (жанры) источников⁵⁰⁸.

Однако общее состояние изучения византийской литературы оставалось таковым, что даже в конце XX в. Я.Н. Любарский отмечает, что «история византийской литературы изучена крайне плохо. И дело не в том, что до сих пор остаются в рукописях многие тексты и в научный оборот не введены многие литературные факты, – главное, что не установлены связи и сцепления между жанрами, писателями, произведениями, нет еще научной истории литературы». Он пишет, что на византийскую литературу сложился взгляд «как на нечто неподвижное, статичное и неизменное во времени и потому вовсе не нуждающиеся в историческом рассмотрении», этому способствовало постоянное воздействие античного наследия на византийскую историографию, что привело к тому, что ее собственное развитие стало плохо прослеживаемым⁵⁰⁹. К тому же текстологическое изучение памятников византийской средневековой литературы и агиографии было в конце XIX – начале XX в. сопряжено с большими трудностями в связи с отсутствием глубоких исследований по «византийскому» греческому языку.

Интересы С.П. Шестакова в области изучения византийских источников первоначально сосредоточились вокруг изучения византийских хроник, где предметом его исследований стало выделение источников, использовавшихся хронистами для составления своих произведений.

Выдающийся немецкий византист конца XIX в. К. Крумбахер в своей «Истории византийской литературы» делил византийскую историографию на два несмешивающихся жанра – «историю» и «историо-

---

⁵⁰⁸ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998. С. 67–68.

⁵⁰⁹ Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана: хроника, история, жизнеописание? // Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 69.

графию» или «хронику». «Истории» были составлены по образцу античных сочинений и предназначались для образованной публики. «Хроники», в которых изложение материала было подчинено строгому хронологическому принципу, «начинались от сотворения мира, писались монахами, адресовались широким монашеским кругам и почти не имели никакой связи с античной традицией». Они тиражировались в большом числе рукописей и составляли «общее достояние» всей хронографии, «поскольку переходил из одного сочинения в другое, в результате чего разница между автором, редактором, а подчас и переписчиком становилась условной и трудно уловимой». К. Крумбахер выделял общие черты, свойственные всем византийским хроникам. К ним принадлежат в частности методы составления хроник из сочинений предшествующего времени, часто без ссылок на их авторов; создавались для простого народа и монахов, поэтому писались на языке близком к разговорному греческому языку. Этим, по мнению Крумбахера объясняется «клерикальная и популяризирующая тенденция» в хрониках. Это же и создает трудности для исследователя византийской хронографии. Вопрос об источниках хроник принадлежит «к самым трудным задачам, которые вообще существуют в филологии»⁵¹⁰. Вторая трудность – это большой объем сохранившихся текстов, представляющих множество редакций. Из них многое не издано, а многое из изданного, было издано на достаточно низком научном уровне.

В своих византиноведческих работах С.П. и Д.П. Шестаковы использовали весь арсенал методов классической филологии и современной им исторической науки. Особенно это заметно в работах Дмитрия Петровича, где основным методом исследования является сравнительно-исторический метод. Для своих исследований он привлекает обширный материал сравнений из истории народного творчества древних и новых народов, что позволяет ему делать обобщающие выводы, которые применимы не только к исследованию византийской или греческой народной культуры.

С.П. Шестаков уделял достаточно много внимания проблемам источниковедения в своих исследованиях. Он считал источник продуктом оригинального творчества автора, отражающим исторические реалии. Поэтому, по его мнению, исследователю необходимо сосредоточить внимание на том, чтобы, установив происхождение источника, изучать его автора. Следующий этап – выявление степени достоверности имеющихся исторических фактов и их тщательная проверка по данным других источников и исторической литературе. Важным в

---

⁵¹⁰ Крумбахер К. Византийские историки и хронисты // Очерки по истории Византии / Под ред. В.Н. Бенешевича. СПб., 1912. Вып. 3. С. 70–71.

методике исследования было и выяснение того факта, был ли автор современником описываемых событий или нет, видел своими глазами или писал по рассказам, высок ли уровень его образованности. Кроме того, необходимо было учитывать и то, что все непонятное для средневековых авторов могло быть объяснено божественным вмешательством. Таким образом, по мнению ученого, сведения об авторе – ценная историческая информация, причем многогранная, структурно сложная. Она отражает не только непосредственно фиксируемые факты или события, но и более глубокие пласты устоявшихся в обществе взглядов и представлений.

Первым опытом исследования С.П. Шестакова по византийским хронистам было студенческое медальное сочинение «О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартола)». В последствии оно было существенно переработано и опубликовано в «Ученых записках Казанского университета»⁵¹¹. В бытность свою профессорским стипендиатом, С.П. Шестаков часть отчетных работ посвятил разбору византийских хроник. Этому способствовала командировка в Москву и Петербург в 1889-1890 гг., в ходе которой он работал в библиотеках с рукописями византийских хроник, о чем он указывает в предисловии к статье «О значении славянского перевода хроники Малалы»⁵¹².

Две из его отчетных работ были посвящены разбору хроники Георгия Монаха, одна – хронике Иоанна Малалы. Первая работа посвящена изучению литературного отношения Свида к Георгию Монаху. В результате сличения лексикона Свида, хроники Георгия Монаха и ряда других источников, С.П. Шестаков пришел к выводу, что главным источником Свида является хроника Георгия Монаха, сочинение которого перешло в лексикон Свида с сокращениями, но в то же время было дополнено и из других источников⁵¹³. Во второй работе С.П. Шестаков исследует отношение хроники Георгия Монаха к церковному писателю IV в. Руфину, приходя к выводу, что Георгий достаточно много сведений заимствует из этого писателя. Причем здесь С.П. Шестаков указывает на характерный пример компиляции Георгия, когда текст источника переносится без какой-либо обработки в свое сочинение⁵¹⁴. Третья его отчетная работа посвящена сопоставлению греческого текста хроники Иоанна Малалы и ее древнеславян-

---

⁵¹¹ Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1891. Кн. 2. С. 121–140; Кн. 3. С. 89–110; Кн. 5. С. 1–56; 1892. Кн. 1. С. 173–198; Кн. 3. С. 1–46.

⁵¹² Шестаков С.П. О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста // ВВ. 1894. Т.1. С. 503–552.

⁵¹³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1362. Л. 89.

⁵¹⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1362. Л. 85–86.

ского перевода. В работе было высказано мнение, что, славянский перевод может служить восстановлению первоначального текста хроники⁵¹⁵, так как содержит части, отсутствующие в известном греческом тексте, хотя многими такая возможность исключалась, например, Крумбахером.

Результаты исследований, проведенных в Москве и Санкт-Петербурге в 1889-1890 гг., нашли свое отражение в серии публикаций в различных периодических изданиях. В «Ученых записках Казанского Университета» в 1890 г. печатается статья «Иоанн ритор в церковной истории Евагрия», в которой С.П. Шестаков пытается выяснить, вопрос о том, кто был этим Иоанном ритором, так как единого мнения по этому поводу в научной литературе того времени не имелось. Для этого казанский ученый сопоставляет различные свидетельства источников и точки зрения ученых по этой проблеме. В результате исследования Сергей Петрович приходит к выводу о тождественности личности Иоанна ритора в церковной истории Евагрия с личностью византийского хрониста Иоанна Малалы и зависимости Евагрия от Иоанна Малалы⁵¹⁶.

Позднее на это исследование появилась обстоятельная рецензия К. Глейе в «Byzantinische Zeitschrift»⁵¹⁷. Автор рецензии отмечает заслугу Шестакова в использовании славянского перевода для доказательства, что Иоанн ритор, цитируемый Евагрием – это Иоанн Малала. Однако он предостерегает от безоглядной веры переводу хроники Малалы, так как все ошибки греческого подлинника переводчик перенес в славянский текст. Указывает Глейе и на некоторые ошибки Шестакова при исследовании текста Евагрия. В целом же рецензент положительно оценивает исследование С.П. Шестакова.

Во втором томе «Византийского Временника» С.П. Шестаков помещает свой ответ рецензенту⁵¹⁸. В нем он признает некоторые проблемы в восстановлении греческого текста по славянскому переводу. Причиной этого Сергей Петрович указывает желание избежать ошибок. В основном же Шестаков не согласен с мнением рецензента о том, что он в статье не достаточно использовал сопоставления с Евагрием. В ответе рецензенту Сергей Петрович отмечает и некоторые расхождения в толковании перевода предисловия к хронике Малалы.

Для своего исследования С.П. Шестаков привлекает славянский перевод Малалы. В последствии он посвящает отдельную статью ис-

---

⁵¹⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1362. Л. 90.

⁵¹⁶ Шестаков С.П. Иоанн Ритор в церковной истории Евагрия // УЗКУ. 1890. Кн. V. С. 124.

⁵¹⁷ Gleye C.E. [рец. на:] Шестаков С.П. Иоанн ритор в церковной истории Евагрия // УЗКУ. 1890. кн. V. С. 97-132. // Byzantinische Zeitschrift. 1895. Bd.IV. P. 625-630.

⁵¹⁸ Шестаков С.П. Ответ рецензенту // ВВ. 1895. Т. II. С. 243-245.

следованию значения славянского перевода для восстановления первоначального текста хроники Малалы⁵¹⁹. Текст «Хронографии» сохранился лишь в единственной рукописи на греческом языке, которая хранится в Оксфорде. Тогда как редакций славянских переводов хронографии Малалы существует несколько.

«Хронографию» Иоанна Малалы с полным правом можно назвать «загадочным» произведением. Об авторе этого произведения известно лишь имя и то, что он был из г. Антиохии. Он создал всемирную хронику, которая включала в себя библейскую историю от Адама, греческую мифологию, историю Римской империи и доходила до 560-х годов. В хронографии Малалы как бы в зачаточной форме заложены все композиционные методы последующей византийской хронистики. Регионально-генеалогический принцип, синхронное повествование, анналистический метод, отдельные частные эпизоды, построенные по тематическому признаку, – все это используется в дальнейшем авторами хроник, это, в конечном счете – выражение «средневековой ментальности», четко противостоящей античному способу изображения истории⁵²⁰. В «Истории византийской литературы» К. Крумбахер пишет, что «хроника Малалы настолько же жалка сама по себе, насколько важна для истории литературы: в ней (по крайней мере в известной нам традиции) впервые появляется важный с точки зрения истории культуры и литературы тип христианско-византийской монашеской хроники»⁵²¹. Я.Н. Любарский не согласен с мнением Крумбахера, считая, что «жалким» его (Малалы – Л.Ш.) произведение может быть названо лишь с позиций ученого, чей вкус воспитан на образцах античной или новой литературы. На самом деле Малалу с полным правом можно назвать отцом всей византийской историографии»⁵²². Он сходится с Крумбахером лишь в признании огромного

---

⁵¹⁹ Шестаков С.П. О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста // ВВ. 1894. Т. 1. С. 503–552.

⁵²⁰ Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана: хроника, история, жизнеописание? С. 76.

⁵²¹ Крумбахер К. Византийские историки и хронисты // Очерки по истории Византии / Под ред. В.Н. Бенешевича. Вып. 3. СПб., 1912. С. 77.

⁵²² Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана: хроника, история, жизнеописание? С.76. См. также А.А. Васильев История Византийской империи (время до крестовых походов до 1081 г.) Т.1. СПб., Алетейя, 2000 примечание редактора издания на С. 256, который пишет следующее: «Представление о Малале исследователей рубежа веков, воспитанных на античной классической литературе и смотрящих поэтому с эстетствующим высокомерием на Иоанна Малалу и на тот жанр исторической литературы, который по-настоящему начался с него. Между тем, он не может быть худшим уже потому, что влияние его огромно. Бесспорно, его невозможно сравнивать с Геродотом или Фукидидом, однако для своего времени и своего жанра Малала очень хороший образец исторического сочинения. Сетования же о «глупости» Малалы не уместны потому, что к средневековой литературе невозможно подходить с мерками античной

значения хронографии Малалы. «Именно через «Хронографию» Малалы проходит демаркационная линия между античной и средневековой историографией»⁵²³. Этим и интересно это сочинение византийского хрониста.

В предисловии к статье Сергей Петрович пишет, что задачей его небольшого исследования является привлечение внимания к изучению одного из ценнейших памятников древнеславянской переводной литературы, «служащего столь важным пособием к критике текста греческого подлинника, значительно искаженного в единственной известной нам рукописи»⁵²⁴.

Взяв для исследования несколько редакций славянского перевода, С.П. Шестаков пришел к выводу, что они носят в известной мере самостоятельное значение, и что, взяв один из текстов рукописей за основной, необходимо исправлять и дополнять его по другим рукописям. В статье дается обширный свод тех дополнений и исправлений греческого текста, какие содержатся в славянском переводе. Многие из этих дополнений находят подтверждение в текстах позднейших летописцев, пользовавшихся хроникой Малалы. «В славянском переводе, как в фокусе, соединяются лучшие чтения и более или менее значительные дополнения к боннскому тексту Малалы, какие можно собрать в различных греческих текстах, так или иначе проистекающих из Малалы», – писал Шестаков в своей статье⁵²⁵. Кроме того, им было установлено, что славянский перевод содержит такие дополнения, которые не дает ни один из греческих текстов.

В прибавлении к этой статье, которое вышло в свет в 1895 г. С.П. Шестаков стремится согласовать различные мнения об отношении между летописными трудами двух антиохийских летописцев, Малалы и так называемого Иоанна Антиохийского⁵²⁶. Казанский уче-

---

литературы и у хронистов и других историков принципиально иного мировоззрения искать что-то похожие или сопоставимое по содержательности, идеям и глубине их разработки с классической греческой или римской литературой».

⁵²³ Шестаков С.П. О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста. С. 503.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Там же. С. 504.

⁵²⁶ Шестаков С.П. Прибавление к статье «О значении славянского перевода Малалы» // ВВ. 1895. Т. II. С. 372–377. Среди хронистов были Иоанн Антиохийский и анонимный автор Пасхальной хроники. Иоанн Антиохийский, который жил, вероятно, во времена Ираклия, писал всемирную хронику от Адама до смерти императора Фоки (610). Ввиду того, что сочинение дошло до наших дней только во фрагментах, среди ученых были долгие дискуссии об идентификации автора. Иногда его даже идентифицировали с Иоанном Малалой, который также был родом из сирийской Антиохии. Однако как показывают сохранившиеся фрагменты, сочинение Иоанна Антиохийского значительно превосходило труд Малалы, так как оно не рассматривает всемирную историю с узкой точки зрения уроженца Антиохии, а имеет поэтому более широкий

ный не согласен с немецким ученым Виртом в том, что изданная последним рукопись принадлежит Иоанну Антиохийскому, так как, по его мнению, имеет полное соответствие в славянском переводе Иоанна Малалы. С.П. Шестаков считает, что публикация греческого текста предисловия хроники, осуществленная А.Виртом в его «Chronographische Span» (Франкфурт-на-Майне, 1894), имеющему полное соответствие в славянском переводе Малалы, поможет этому согласованию.

Статьи о хронике Иоанна Малалы были написаны в ходе заграничной командировки, и в них были использованы результаты исследовательской работы С.П. Шестакова в библиотеках Мюнхена, Берлина, Парижа и Ватикана, а так же тот опыт методики исследования, который был им получен в Византийском семинарии у К. Крумбахера. Однако К. Крумбахер в своей «Истории византийской литературы» высказывал сомнение по поводу использования для восстановления греческого текста Малалы славянских переводов. В.Н. Бенешевич в примечаниях к изданию перевода части «Истории византийской литературы» К. Крумбахера, соглашаясь с мнением немецкого ученого, отмечал, что «использовать для изучения Малалы связно и полно славянский материал является еще потребностью, которую может, однако, удовлетворить лишь хорошо сведущий в обоих языках ученый. Предварительные работы произвел в этой области С.Е. Глеу»⁵²⁷. Он обходит вниманием работы русских ученых, писавших о большом значении славянских переводов для изучения византийских хроник, в частности хроники Иоанна Малалы⁵²⁸.

Параллельно в это время С.П. Шестаков работает над изучением хроники Георгия Монаха. Крумбахер отмечал, что «рукописная традиция Георгия Монаха принадлежит к труднейшим вопросам византийской филологии» и указывает на большое количество редакций текста на греческом языке, и, кроме того, столь же большое количество редакций славянского перевода хроники⁵²⁹. «Хроника» эта была очень популярна и в славянских землях, о чем свидетельствует большое количество сохранившихся списков и использование их в чисто русских исторических компиляциях. Популярной она была и в Византии. Все факты, события, сюжеты освещены в хронике светом

взгляд на историю. Автор демонстрирует также более искусное использование источников, относящихся к ранним периодам.

⁵²⁷ Очерки по истории Византии / Под ред. В.Н. Бенешевича. Вып. 3. СПб., 1912. С. 84.

⁵²⁸ Кроме С.П. Шестакова, подобное мнение высказал В.М. Истрин в своей вступительной лекции в Новороссийском университете «Хронографы в русской литературе». Опубликована она была в «Византийском Временнике» в 1898 г. Т. V. С. 131–152.

⁵²⁹ Крумбахер К. Указ. соч. С. 103.

христианско-нравственной оценки, оценены как благо или зло, так что книга оказалась настоящей энциклопедией христианской нравственности на материале поучительных сюжетов из истории и богословских рассуждений. «Хроника Георгия Монаха» – это компиляция с «много-ступенчатым включением, в лучшем (для исследователя) случае по типу матрешки вплоть до библейского ядра, в худшем – по типу мозаичного соединения разных мест из нескольких источников»⁵³⁰. Первым издателем хроники был Э.фон Муральт⁵³¹, разделивший ее на четыре содержательные части; вторым – К. де Боор (Boor)⁵³².

В предисловии к тексту работы С.П. Шестаков отмечает дополнения сделанные им по сравнению с медальной работой: разбор третьей книги хроники, привлечение большего количества источников и литературы. Однако исследование не совсем удовлетворяет самого Шестакова: «она [работа – Л.Ш.] выходит в свет далеко не в том законченном виде, какой мы желали ей дать. Помимо других недостатков, нам пришлось, за отсутствием достаточно полного критического аппарата, принять весьма позднюю редакцию московского синодального списка за самую хронику Георгия»⁵³³.

Исследование начинается биографией Георгия Монаха, для восстановления которой С.П. Шестаков использует текст самой хроники. Здесь он отмечает, что Георгий был сторонником православия, что находит отражение в хронике, где он нападает на иконоборцев. Далее он уделяет место разбору литературы по исследованию «Хроники Георгия Монаха» и текстов ее редакций. Он приходит к следующим выводам относительно редакций текста хроники: рукописи хроник «представляют в своем числе несколько самостоятельных списков, каждый из которых сделан еще до Возрождения», в них много дополнений из других источников, существует две редакции хроники – ранняя и поздняя, более насыщенная дополнениями и в которой встречаются перестановки текста по сравнению с ранней редакцией»⁵³⁴. Для определения первоначального состава хроники С.П. Шестаков предлагает использовать более поздние византийские хроники, а так же лексикон Свиды⁵³⁵. В свою очередь сама хроника Георгия Монаха

---

⁵³⁰ *Матвеевко В.А., Щеголева Л.И.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М., 2000. С. 5, 7, 9.

⁵³¹ «Хронограф» Георгия Амартола. Греч. подлинник, приготовленный к изданию Э.П. фон-Муральтом по списку Моск. Синод. библиотеки // Ученые записки II отд. импер. Академии наук. 1861. Кн. VI.

⁵³² Georgii monachi Chronicon. Ed. Carolus de Boor. Voll. I-II, textum genuinum continentia. Lipsiae, 1904

⁵³³ *Шестаков С.П.* О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1892. Кн. 3. С. 46.

⁵³⁴ Там же. С. 129–130.

⁵³⁵ Там же. С. 132–137.

может быть использована для восстановления текста тех источников, которыми он пользовался, так как Георгий Монах в редких случаях, по мнению Шестакова, «сливал свое сообщение из двух разных источников»⁵³⁶.

Разбирая использование Георгием цитат из святых отцов и Библии, С.П. Шестаков приходит к выводу, что для Георгия они важнее, чем собственно исторические источники. Главной целью Георгия было дать верующим чтение, в котором бы история наставляла в вере. Это, по мнению Шестакова общая тенденция византийской христианской литературы.

В этой работе С.П. Шестаков разбирает только три первые книги хроники. Он считает, что главным источником первой книги хроники Георгия была хроника Иоанна Малалы⁵³⁷. Во второй и последующих книгах Георгий использует, по мнению С.П. Шестакова, следующие источники для составления своей хроники: «неизвестную хронику, которой также пользовался Лев Грамматик, хронику Иоанна Малалы, Палладия, Василия Великого, Феодорита, Исидора», кроме того, Георгий много заимствует у святых отцов и из Священного Писания⁵³⁸. В третьей книге, которая начинается с Юлия Цезаря, Георгий пользуется античными авторами, но видимо, замечает Шестаков, через посредство предыдущих хронографов⁵³⁹.

В 1892 г. в приложениях к «Запискам Императорской Академии Наук» была опубликована статья С.П. Шестакова, посвященная разбору IV книги «Хроники Георгия Монаха». В ней С.П. Шестаков дополняет список источников Георгия, называя Феофана, Руфина, Соземана, Иоанна Антиохийского. Кроме того, указывает, что Георгий использует агиографическую литературу и «из особых источников происходят сообщения о вселенских соборах и богословские отступления»⁵⁴⁰. Однако Шестаков не указывает этих особых источников, считая, что это тема отдельного большого исследования. Исследование заканчивается разбором IV книги хроники, так как далее, по замечанию С.П.Шестакова, идет самостоятельный рассказ Георгия о современных ему событиях⁵⁴¹.

---

⁵³⁶ Там же. С. 138.

⁵³⁷ Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1891. Кн. 3. С. 96.

⁵³⁸ Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1891. Кн. 5. С. 1.

⁵³⁹ Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1892. Кн. 1. С. 173.

⁵⁴⁰ Шестаков С.П. По вопросу об источниках хроники Георгия монаха (Амартола). (IV книга хроники). Отд. оттиск из приложения к LXX тому Записок Императорской Академии Наук. № 4. СПб., 1892.С. 4, 33.

⁵⁴¹ Там же. С. 58.

Отмечает он и особенности изложения хроники: скудость исторического материала, «массу выдержек из литературы святых отцов и обилие анекдотов и легенд большей частью чудесного содержания»⁵⁴². Хроника представляет, по мнению С.П. Шестакова, ряд «отдельных мелких и крупных эпизодов с многочисленными и часто обширными отступлениями от летописного рассказа», что позволяет переписчикам сокращать или наоборот распространять содержание хроники⁵⁴³.

На это исследование последовала рецензия К. Глейе⁵⁴⁴. Оценивая в целом положительно исследование о Хронике Георгия Монаха, Глейе высказывает ряд замечаний, которые требуют дальнейшей тщательной работы над текстом хроники, и надеется, что после этого работа будет переработана и приобретет еще большую ценность, чем теперь⁵⁴⁵.

В последствии С.П. Шестаков несколько раз возвращается к исследованию «Хроники Георгия Монаха», чему способствовало накопление материала в ходе заграничной командировки. В 1895 г. он публикует в «Византийском Временнике» статью «К критике текста хроники Георгия Монаха», в которой казанский ученый проводит сопоставление нескольких наиболее древних рукописей с текстом хроники Георгия Монаха. В ходе сличения мюнхенской, венской, московской синодальной и парижских рукописей, он приходит к выводам, что «на самом деле именно более полный текст следует считать позднейшим распространением основной, краткой редакции хроники»⁵⁴⁶, то есть повторяет вывод сделанный им еще в 1891г. при первой публикации работы о хронике Георгия Монаха.

В 1906 г. в «Византийском Временнике» появляется рецензия С.П. Шестакова на издание текста хроники Георгия Монаха де Боором. В ней он отмечает некоторые достоинства издания де Боора, в частности параллельность издания двух редакций хроники. А также их сличение между собой. Однако казанский ученый высказывает множество замечаний касающихся и самого способа издания хроники и составленного Боором критического аппарата к изданию. Так Сер-

---

⁵⁴² Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1891. Кн. 2. С. 127.

⁵⁴³ Там же; Шестаков С.П. К критике текста хроники Георгия Монаха // ВВ. 1895. Т. 2. С. 551.

⁵⁴⁴ Gleye C.E. [Рец. на:] Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. 1891. Т. 58, 59. и По вопросу об источниках хроники Георгия монаха (Амартола). (IV книга хроники) // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1892. Т. LXX. Приложение № 4 // Byzantinische Zeitschrift. 1894. Bd.III. P. 156–158.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 158.

⁵⁴⁶ Шестаков С.П. К критике текста хроники Георгия Монаха // ВВ. 1895. Т. 2. С. 551.

гей Петрович отмечает, что издателем не определены источники в некоторых местах хроники, хотя там они, по его мнению, определяются достаточно легко. В издании отсутствует история распространения текста хроники, что, по мнению С.П. Шестакова снижает ценность издания Боора. Кроме того, Сергей Петрович указывает, что его труд, вышедший за более чем 10 лет до издания Боора, посвященный изучению источников хроники Георгия монаха, не был использован Боором, и что использование этого труда могло значительно упростить работу издателя. Поэтому, делает вывод Сергей Петрович, при издании источников желательна совместная работа многих ученых⁵⁴⁷.

В.А. Матвеевко и Л.И. Щеголева в издании перевода «Хроники Георгия монаха» с древнеславянского на современный русский язык отмечают значение трудов С.П. Шестакова в исследовании этой хроники: «Непревзойденная до сих пор по богатству сведений серия публикаций об источниках Хроники Георгия Амартола». Отмечают они и тщательное сличение С.П. Шестаковым сербской редакции текста Хроники с греческим и его вывод о том, что древнеславянский перевод с делан с первой редакции «Хроники Георгия Монаха»⁵⁴⁸.

Византиноведение обязано С.П. Шестакову важными наблюдениями и анализом такого византийского автора, как Кандид Исаврийский. Сведения об этом летописце черпаются из труда патриарха Фотия, который в своей библиотеке дает краткий пересказ содержания его исторического труда, оценку его литературных достоинств и те не многие сведения о самом авторе, которые содержались в его труде. Этот пересказ важен, по мнению Шестакова тем, что, руководствуясь им, можно определить заимствования из Кандида позднейших историков и летописцев и таким образом расширить знакомство с его историей⁵⁴⁹. На основе сопоставления текстов более поздних историков и летописцев, чем Кандид, С.П. Шестаков приходит к выводу, что Кандид был источником для Иоанна Антиохийского, а уже им пользовались позднейшие византийские летописцы (Зонара и Кедрин).

Работая в Парижской и Ватиканской библиотеках в период своей заграничной командировки, С.П. Шестаков подготовил материал для анализа анонима Cod. Paris.gr.1712. в пределах хронографии Феофана. Отдельные отрывки этой анонимной рукописи были изданы под именем Логофета. Исследованию рукописей Симеона Логофета по-

---

⁵⁴⁷ Шестаков С.П. рец. на Georgii monachi Chronicon. Ed.Carolus de Boor. Voll. I-II, textum genuinum continentia. Lipsiae. 1904 // BB. 1906. Т. XIII. С. 440, 444.

⁵⁴⁸ Матвеевко В.А., Щеголева Л.И. Указ. соч. С. 541, 542.

⁵⁴⁹ Шестаков С.П. Кандид Исаврийский // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Т. IV. Византийское отделение. Одесса, 1894. С. 124–149.

священы еще две статьи Шестакова⁵⁵⁰. В них он выясняет отношение между собой различных редакций текста хроники Симеона Логофета, и приходит к выводу, что ватиканские рукописи представляют собой особую обработку первоначального текста хроники, а более полным ее текстом является венская рукопись.

Казанского византиниста интересовали и другие сюжеты в изучении византийской литературы. Весьма интересна в этом плане его статья «Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра»⁵⁵¹. С.П. Шестаков считает, что подобные произведения появляются в литературе различных народов «как скоро они достигли известной степени культуры», когда возникает необходимость «собрать данные житейского опыта для руководства к постановке жизни каждой отдельной личности»⁵⁵². В статье он приходит к выводу, что сама традиция этого жанра восходит к «Трудам и дням» Гесиода, а также трактатам Ксенофонта и Аристотеля. Однако он отмечает и то, что «не может быть и речи о каком-нибудь влиянии на наш Домострой самого трактата Кекавмена. Важно констатировать продолжение существования в греческой письменности византийской эпохи того литературного жанра, основные элементы которого можно проследить в ней вглубь веков. Под влиянием новой религии, коренным образом преобразовавшей общественную этику, новых культурных условий, этот жанр является теперь в совершенно измененном виде, осложненным рядом новых мотивов». Но та же религия, та же культура из Византии глубоко влияла и на нашу общественную жизнь, нашу культуру и литературу». С.П. Шестаков пытается проследить и возможный путь влияния на наш Домострой византийского домостроя, и полагает, что этот путь возможен через посредство южнославянской литературы, а не путем непосредственного заимствования из Византии⁵⁵³.

Обращается С.П. Шестаков и к изучению художественной литературы на греческом языке. В этом плане интересна его статья «Язык «Еротокрита» со стороны его лексического состава»⁵⁵⁴. В ней он обращается к изучению греческого народного языка начала XVI в. Думаем, что обращение к такой теме не случайно, так как в это же время в записке о развитии классической филологии, поданной в истори-

---

⁵⁵⁰ Шестаков С.П. 1) Парижская рукопись Симеона Логофета // ВВ. 1897. Т. IV. С. 167–183; 2) О рукописях Симеона Логофета // ВВ. Т. V. С. 19–62.

⁵⁵¹ Шестаков С.П. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра // ВВ. 1901. Т. VII. С. 38–63. Есть отдельный оттиск.

⁵⁵² Там же. С. 38.

⁵⁵³ Там же. С. 62–63.

⁵⁵⁴ Шестаков С.П. Язык «Еротокрита» со стороны его лексического состава // ВВ. 1906. Т. XIII. С. 58–112, 364–418.

ко-филологический факультет, он пишет, что одной из областей, где может проходить дальнейшее развитие классической филологии, является изучение народного греческого языка в период всего его развития, от Древней Греции до нового времени⁵⁵⁵.

Работа эта является, по словам самого Шестакова, «опытом свода лексического материала «Еротокрита»». Он считает, это не менее важным, чем изучение диалектических особенностей и грамматических форм. Для этого он использует метод сравнения с другими произведениями народного творчества, а также художественными произведениями близкими по языку народным. «При обсуждении отдельных слов мы преследовали особенно задачу проследить распространение и изменение значения некоторых слов, отличающего их употребление от древнегреческого, так же разнообразие значения слов вообще». Интересны его наблюдения о словоупотреблении в поэмах нового времени на греческом языке. Он отмечает, что достаточно часто авторами используются слова романского происхождения. Причем указывает, что можно проследить степень их усвоения авторами, что выражается, по его мнению, в двух чертах: «в подчинении их морфологии языка в многочисленных производных, с чисто греческими элементами производства» и «в обобщении значений». Отмечает он и такую особенность стихосложения этого времени как включение в стих рядом с заимствованным словом и его греческого синонима. С.П. Шестаков отмечает, что данное обстоятельство помогает исследователю в том плане, что является как бы толковым словарем самого автора произведения⁵⁵⁶.

В последующее время С.П. Шестаков занимается изучением творчества ратора Либания⁵⁵⁷ и хрониста Феофана. К Либанию

---

⁵⁵⁵ НА РТ Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1949. Л. 119.

⁵⁵⁶ Шестаков С.П. Язык «Еротокрита» со стороны его лексического состава // ВВ. 1906. Т. XIII. С. 59, 60.

⁵⁵⁷ Либаний (314 – ок. 393) ритор, язычник, виднейший представитель «второй софистики» в IV в., учитель Иоанна Златоуста. Его творчество находится на стыке античности и ранневизантийской эпохи. В его произведениях сочетались и тенденции античной литературы и зарождающейся византийской. Поэтому сложно отнести его творчество к одной эпохе. Исследователь второй половины XX в. С.С. Аверинцев в книге «Поэтика ранневизантийской литературы» пишет, что хотя Либаний жил после Константина, «однако его творчество никак не может быть исключено из истории античной литературы». Это он объясняет тем, что переход от одной эпохи к другой совершался медленно (См.: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 5). Однако сам ученый считает, что Либаний принадлежит по своему творчеству к ранневизантийскому периоду развития греческой литературы (Там же. С. 253, 326). М.В. Бибииков также отмечает, что «с историко-литературной точки зрения невозможно провести ту четкую хронологическую грань, которая бы отделяла позднеантичную греческую литературу от византийской раннесредневековой» (Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 40.)

С.П. Шестаков впервые обращается в 1911 г., тогда он исследует письма-энкомии (письма-прославления) ритора Либания. «В те времена, когда искусство слова являлось основным предметом образования, неудивительно, что не только историческая, ораторская и всякая другая проза требует тщательной стилистической обработки, но и просьбы и ходатайства к начальникам и простая корреспонденция между друзьями, вообще всякий обмен письмами между людьми образованного общества является делом обдуманного и тщательного применения всех тех чар слова, какими снабжала школа своих питомцев»⁵⁵⁸.

С.П. Шестаков обращает внимание на значимость писем риторов в культурной жизни ранневизантийского общества: «Как обработанное литературное произведение, письмо служит предметом чтения и восхищения адресата и кружка его друзей, даже исполняется иногда в собрании, подобно речи или поэме, и подвергается критической оценке. Риторы заботятся о сохранности всех своих писем, дорожа ими, как другими своими произведениями, и собирают их в особый том, который бывает полезен и при справках о действительной посылке писем адресатам, когда они жалуются на их не доставление. Отсюда же ревнивое отношение к получению писем особенно таких риторов, как Либаний. Письмо ценно, как плод серьезного труда автора, как предмет интересного чтения для адресата и его друзей и внимания общества»⁵⁵⁹. Исследует С.П. Шестаков и обстоятельства появления писем-восхвалений в византийской риторической традиции: «достаточным основанием для энкомия служит воздержание правителя от насилия и лихоимства, прямых злоупотреблений властью». В своих речах и письмах Либаний рисует мрачные картины разорения и угнетения. Эти речи богаты данными для ознакомления с экономической и социальной историей империи IV в. А эти «многочисленные письма человека, искренно чувствовавшего чужое горе и страдание, не устававшего добиваться облегчения участи и знатного, и простолюдина, звучали в разных концах обширного государства постоянным напоминанием о долге и совести»⁵⁶⁰, – писал С.П. Шестаков.

Позднее Шестаков издает перевод произведений Либания. Здесь проявились качества автора как переводчика, превосходно выполнившего перевод сложнейшего текста речей Либания, самого знаменитого из ораторов IV в. н.э. Перевод речей занимает два тома, оба с солидными введениями и примечаниями. По мнению А.С. Шофмана,

---

⁵⁵⁸ Шестаков С.П. Письма-энкомии ритора Либания. Отд. оттиск из сборника в честь Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1911. С. 4.

⁵⁵⁹ Там же. С. 5–6.

⁵⁶⁰ Там же. С. 14.

этот «двухтомный образцовый перевод Либания несомненно обогатил отечественную литературу по Византии»⁵⁶¹.

Оба тома снабжены обширными введениями и обильными примечаниями. В первом томе введение представляет изложение биографии Либания. Она восстанавливается С.П. Шестаковым на основе автобиографии, написанной Либанием, его речей и писем. Достаточно много места в биографии уделено семье Либания, его учителям. С.П. Шестаков выясняет возможные влияния на Либания его окружения⁵⁶². Здесь же дается небольшой очерк о жизни риторов в IV в., об их отношениях друг с другом.

В первый том С.П. Шестаков включает письма Либания к Юлиану и послания так или иначе касающиеся его. Во втором томе он специально останавливается на отношениях Либания и Юлиана, отмечая, что «со смертью Юлиана Либаний, как убежденный язычник, подвергся козням врагов»⁵⁶³. «Либаний не знал латинского языка и, подобно Юлиану, был представителем эллинизма», поэтому, отмечает С.П. Шестаков, Либаний постоянно жаловался в конце своей жизни на засилье латинского языка и изучения законов в ущерб изучению риторики и греческого⁵⁶⁴. Он был весьма опечален, что юноши из хороших семей опускаются до таких занятий.

Последнее из его исследований в области изучения византийской хронографии посвящено изучению хроники Феофана и его продолжателя. А.С. Шофман указывает, что в Санкт-Петербургском филиале Архива АН СССР (ф. 126. Оп.3. ед.хр. 30) хранится рукопись С.П. Шестакова «К вопросу об авторе продолжения Феофана». Закончена она была в декабре 1925 г. Я.Н. Любарский в примечании к своей статье «Сочинение Продолжателя Феофана: хроника, история, жизнеописание?» указывает на работу Шестакова «К вопросу об авторе продолжения Феофана»⁵⁶⁵, опубликованную в материалах II Международного конгресса византистов в 1929 г.⁵⁶⁶

Полный текст «Хронографии» Продолжателя Феофана сохранился в двух рукописях в Ватиканской библиотеке. Одна датируется XI в., другая – XVI в. Боннское издание использовало рукопись XVI в.

---

⁵⁶¹ Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРПК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед. хр. 138. Л. 28.

⁵⁶² Либаний. Речи. С. III–VI.

⁵⁶³ Либаний. Речи. С. LV.

⁵⁶⁴ Либаний. Речи. С. LXVII.

⁵⁶⁵ Опубликована эта работа: Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines. Belgrad, 1927. Compte-rendu. Belgrad, 1929.

⁵⁶⁶ К сожалению, фонды ПФ Архива РАН оказались недоступны, а опубликованная работа не представлена в библиотеках России. Опубликованные материалы конгрессов византистов в российских библиотеках отложились лишь с конца 1940-х годов.

В тексте «Хронографии» выделяется несколько частей, которые можно отнести к разным авторам. По мнению Я.Н. Любарского таких авторов могло быть 3 или 4. Первому автору принадлежат вступление и первые четыре книги «Хронографии», отдельное произведение представляла ранее и пятая книга, во вступлении которой автором называется Константин VII Багрянородный. Совершенно отдельную по происхождению часть представляет собой последняя, шестая книга, объединившая в себе рассказы о царствовании нескольких императоров. Общий вывод Любарского, что «Хронография продолжателя Феофана» – это типичный средневековый летописный свод. В этом случае встает вопрос об авторстве всех произведений, входящих в «Хронографию», и о том, кто мог собрать их все воедино?⁵⁶⁷ Автором первых пяти книг мог быть один из ученых секретарей Константину VII Багрянородного, но имя его не известно. «Начиная с прошлого столетия, не прекращаются попытки предложить на роль редактора свода или автора отдельных его частей известного деятеля X в. Феодора Дафнопата»⁵⁶⁸.

В 1910 г. В.В. Латышев опубликовал исследование «Две речи Феодора Дафнопата, изданные со введением о жизни, о литературной деятельности автора и с русским переводом». В.В. Латышев отвергал предположение о том, что Феодор Дафнопат был автором шестой книги продолжения Феофана, доказывая свое утверждение тщательным анализом текстов (с. XII – XVII). «Вопрос о том, какой труд Дафнопата имел в виду Скилица, должен оставаться открытым», – резюмировал он⁵⁶⁹. В 1911 г. Латышев издал «Страдания св. славного великомученика Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату».

На эти исследования появились обстоятельные рецензии С.П. Шестакова, признавшего исследование Латышева о Дафнопате «отличным»⁵⁷⁰. Рецензент отметил тщательность напечатания греческого текста и мастерство перевода. Однако С.П. Шестаков возражал против примененной Латышевым методики доказательства принадлежности ряда произведений Дафнопату, базирующейся на сопоставлении языка и стиля текстов с надежно засвидетельствованными в

---

⁵⁶⁷ Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана: хроника, история, жизнеописания? С. 86.

⁵⁶⁸ Там же. С. 87. Сам Любарский считает, что это возможно, но «при нынешнем состоянии источников» вряд ли что можно сказать более определенно.

⁵⁶⁹ Латышев В.В. Две речи Феодора Дафнопата, изданные с введением о жизни, о литературной деятельности автора и с русским переводом // ППС. 1910. Вып. 59 (первая половина). С. XX.

⁵⁷⁰ Шестаков С.П. 1) Рец. на кн.: Латышев В.В. Две речи Феодора Дафнопата... // ЖМНП. 1910. № 6. С.403–415; 2) Рец. на кн.: Латышев В.В. Страдание св. славного великомученика Георгия ... // ВВ. 1913. Т. 18. С. 14–19.

источниках произведениями византийского писателя, а также на «непрочно установленных внешних свидетельствах» его авторства, в частности на заголовках рукописей. С.П. Шестаков считал свидетельства языка не достаточными для определения авторства⁵⁷¹. Он полагал, что сходство стиля в различных произведениях, приписываемых Дафнопату, ничего не доказывает: «существеннее, чем такие более внешние сопоставления, признаки в языке, которые позволяют отнести и данное житие к тому периоду агиографической письменности, какой намечается житиями, служившими предметом критической обработки со стороны содержания и текста Узенера, Гельцера и др.». В обеих рецензиях он привел собственные конъектуры тех мест, где «можно восстановить удовлетворительное чтение с меньшим отступлением от рукописной традиции», а также варианты перевода отдельных слов и фраз к житию Феодора Студита и страданиям св. Георгия. В целом, С.П. Шестаков поставил труд Латышева в ряд лучших исследований по византийским источникам. Подчеркнув важность изучения творчества отдельных византийских авторов, он поставил задачу последовательного и широкого изучения языка и стиля византийской литературы не только по авторам, но и по литературным жанрам⁵⁷².

В.В. Латышев, «не будучи вообще охотником до полемики», ответил на замечания Шестакова несколько лет спустя в своей книге о Царской минее,⁵⁷³ подвергнув язвительной критике методические установки рецензента: «Авторы, писавшие по-гречески, начиная с Гомера и кончая современными, пользовались и пользуются греческими словами. Как бы ни было велико лексическое богатство языка, оно все же ограничено..., следовательно, одни и те же слова неминуемо должны встречаться у разных авторов. Если стать на точку зрения г. Шестакова, то совершенно нельзя будет говорить о «языке» или «стиле» того или другого писателя, а между тем все историки литературы, все языковеды считают вполне возможным изучать писателей со стороны языка и стиля»⁵⁷⁴. От отмечает, что предметом его при изучении текстов Феодора Дафнопата была фразеологическая сторона его произведений.

Д.П. Шестаков так же обращался к проблемам византиноведения. Заслуживает внимания его небольшая работа «Три поэта Византийского Ренессанса»⁵⁷⁵, написанная еще в годы подготовки к профес-

---

⁵⁷¹ Шестаков С.П. 1) Рец. на кн.: Латышев В.В. Две речи Феодора Дафнопата... С. 405.

⁵⁷² Там же. С. 411, 414–415.

⁵⁷³ См.: Латышев В.В. Византийская «Царская» минея. Пг., 1915. С. 51–54.

⁵⁷⁴ Там же. С. 53.

⁵⁷⁵ Шестаков Д.П. Три поэта Византийского Ренессанса. Казань, 1906. С. 1–36.

сорскому званию. Статья посвящена анализу творчества трех византийских поэтов Николая Калликла, Федора Продрома, Христофора Митиленского.

Христофор Митиленский (1000-1050 гг.) был современником четырех императоров: Романа II Аргира, Михаила IV, Михаила V Калафата, Константина IX Мономаха. Это было время дворцовых переворотов, напряженной борьбы за престол. В его творчестве нашла отражения эта сложная эпоха. Христофор писал и на светские, и на церковные темы. В его творчестве можно выделить ряд тематических линий. Ряд стихотворений связан с определенными историческими событиями, событиями придворной жизни. Стихотворения разного содержания, содержащие обращения к друзьям, эпитафии, утешения, изъявления благодарности и т.д. И третья тематическая линия – его загадки и сатирические стихотворения⁵⁷⁶. Большой части стихов Христофора присущи пессимистические, иногда саркастические интонации. В его стихотворениях нашло отражение изменения в эстетическом восприятии человека в XI в., и возрастание интереса к явлениям повседневной жизни, к природе. Особое место в его творчестве занимает сатира. Таковы эпиграммы на глупого и самодовольного чиновника, на невежественного учителя грамматики, на легковерного собирателя священных реликвий. В его творчестве проявились тематические и жанровые направления поэзии малых форм, которые получили расцвет в последующую Комниновскую эпоху⁵⁷⁷.

Николай Калликл, придворный медик Алексея I Комнина, живший на рубеже XI – XII вв. Его творчество было оценено лишь в XIV в. Калликл писал эпиграммы – по большей части эпитафии знатным византийцам. Л.А. Фрейберг и Т.В. Попова отмечают «изошренную изобретательность» в его эпитафиях, которая проявляется в их композициях⁵⁷⁸. Свои произведения он писал на аттическом наречии греческого языка. Однако и в его произведениях есть отступления от этого, так как с течением времени разговорный язык все более отходит от древнегреческого.

Федор Продром расцвет его деятельности попадает на царствования Иоанна I и Мануила I Комнинов. Даты его рождения и смерти точно не установлены. О его жизни узнаем из его произведений. Он был учителем Анны Комнины, входил в кружок императрицы Ирины. Его литературное наследие огромно. В нем можно выделить несколько групп: научные сочинения, в которые входят богословские трактаты

---

⁵⁷⁶ Фрейберг Л.А. Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М., 1978. С. 86–87.

⁵⁷⁷ Шестаков Д.П. Три поэта Византийского Ренессанса. С. 1–36.

⁵⁷⁸ Фрейберг Л.А. Попова Т.В. Византийская литература... С. 151.

ты, комментарии к евангельским текстам и Аристотелю, филологические труды (в основном грамматике); риторическая проза и многочисленная переписка его с друзьями и высочайшими особами; поэтическое наследие, которое составляют классические по форме и христианские по содержанию эпитафии, сатирические поэмы⁵⁷⁹. Его произведения были адресованы Анне Комнине, императорам, высшим придворным, видным общественным и политическим деятелям⁵⁸⁰.

В исследовании Д.П. Шестаков отмечает, что «за последние годы все более определяется возможность получить полную картину развития византийской поэзии, не только раболепствующей античному прошлому, но и проявляющей живые, самобытные, интересные черты». На основе анализа стихотворений этих поэтов Д.П. Шестаков приходит к выводу об основных темах поэтов Византийского ренессанса – «воспевание материальных побед империи над врагами и мечты о духовной победе культуры над невежеством внутри империи». Не раз отмечается Д.П. Шестаковым и сходство этих трех поэтов в воспевании монархии и императора, причем он обращает внимание, что панегирики были достаточно искренними, так как Николай Калликл, Федор Продром, Христофор Митиленский были близки к императорскому двору⁵⁸¹.

В целом, он оценил их поэтическое творчество как «изящные миниатюры, поэтические безделушки в стихах». А их придворные панегирики охарактеризовал как холодные и старающиеся быть монументальными. «Горячи и искренни напротив сатиры поэтов, направленные против врагов просвещения и в защиту культуры. Но это именно те произведения поэтов византийского ренессанса в которых по тону и языку они наиболее близки к народному творчеству», – пишет Д.П. Шестаков. А.С. Рождествен печатает в газете «Казанский телеграф» небольшую заметку, в которой очень высоко оценивает эту работу Д.П. Шестакова. Особо Рождествен останавливается на приемах сопоставления, которые применил Шестаков в этом исследовании⁵⁸².

Продолжая сохранять интерес к изучению народной речи, Д.П. Шестаков в период командировки в Русский археологический институт в Константинополе обращается к изучению византийского периода развития греческого народного языка и литературы и избирает в качестве предмета исследования греческие народные сказания о святых. Диссертация была им написана достаточно быстро: приехав

---

⁵⁷⁹ Там же. С. 156–157.

⁵⁸⁰ Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 160.

⁵⁸¹ Шестаков Д.П. Три поэта Византийского Ренессанса. С. 3, 5.

⁵⁸² Рождествен А.С. [рец. на:] Д. Шестаков Три поэта византийского ренессанса. Казань, 1906 // Казанский телеграф. 1906. № 4014. С.4.

в Константинополь во второй половине 1907 г., уже в конце 1908 г. Д.П. Шестаков представил готовый текст магистерской диссертации. Опубликована диссертация была несколько позже в «Варшавских университетских известиях»⁵⁸³, когда Д.П. Шестаков был избран доцентом Варшавского университета.

Изучение житийной литературы было одной из наиболее исследуемых областей в культурной истории Византии. Необходимость изучения житий высказал еще В.Г. Васильевский. Много времени уделяли исследованию житий В.В. Латышев и Х.М. Лопарев. Последний изучал жития как особый вид исторического источника и много занимался народными житиями⁵⁸⁴. М.В. Бибииков отмечает, что «современный научный бум в изучении византийской агиографии во многом был предопределен развитием традиции отечественной византистики, обратившейся к историческим свидетельствам житийной литературы»⁵⁸⁵.

В отличие от античной литературы, христианская литература на греческом языке «сохранила богатейший запас литературных произведений совершенно народного характера», считает Д.П. Шестаков. В первую очередь к таким памятникам Д.П. Шестаков относит народные сказания о святых. В обширном введении отмечаются Д.П. Шестаковым особенности народного восприятия христианства и жизни святых. При этом он обращает внимание на то, что народное творчество в агиографии отдает предпочтение преданию перед историей, сказки перед действительностью. Д.П. Шестаков не соглашается с исследователями, делящими развитие народной агиографии на три периода: период нотариев, период легенд и период панегириков, считая, что «затруднительно представить себе такую эпоху развития народной агиографии, когда бы ее содержание не определяла легенда, когда бы ее форму не вдохновлял панегирик, и это вытекает из самого происхождения народных сказаний о святых»⁵⁸⁶.

Кроме того, в исследовании отмечается и влияние язычества на многие христианские праздники и борьба с этими проявлениями язычества церкви. По мнению Д.П. Шестакова, только когда христианство становится господствующей государственной религией, церковь начинает достаточно терпимо относиться к проявлениям язычества в

---

⁵⁸³ Шестаков Д.П. Исследования в области греческих народных сказаний о святых // ВУИ. 1909. № 9. С. 1–24; 1910. № 1–7. С. 25–232; № 10. С. 233–268.

⁵⁸⁴ См. Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII и IX вв. Ч. 1. СПб., 1914. О тенденциях изучения житий см.: Заливалова Л.Н. Х.М. Лопарев: ученый и его рукописное наследие // Архивы русский византинистов в Санкт-Петербурге. С. 213–225.

⁵⁸⁵ Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 121.

⁵⁸⁶ Шестаков Д.П. Исследования в области греческих народных сказаний о святых // Варшавские университетские известия. 1909. № 9. С. 1, 5.

вере и культе. Не все созданное народной агиографией нашло признание у официальной церкви. В период до окончательного утверждения вселенскими соборами норм церковной догматики, в агиографическую литературу проникли и успели в ней утвердиться сказания еретического характера. «Борьба между народным и церковным христианством из-за сказаний о святых оканчивается двояко: согласно нашим источникам, — пишет Д.П. Шестаков, — или получается некоторый компромисс между обеими враждующими силами, или народное христианство, как сила более первоначальная, откровенно побеждает самую власть церкви»⁵⁸⁷.

Д.П. Шестаковым отмечаются и источники сведений для сказаний. К таким источникам он относит дохристианские представления, еретические учения, рассказы паломников, а так же древневосточные легенды и предания⁵⁸⁸. Дмитрий Петрович обращает внимание на то, что с точки зрения истории литературы, для исследователя одинаково важны как памятники первоначальные, так и распространенные редакции сказаний о святых. К какому бы времени не принадлежала редакция она, по мнению Шестакова, «одинаково выражает народные воззрения своего времени на значительнейшие в глазах народа вопросы».

В своем исследовании Д.П. Шестаков останавливается лишь на двух моментах: народной вере и народном суеверии, объясняя это обширностью темы. В качестве основного метода работы был избран сравнительно-исторический метод, Д.П. Шестаков обосновывает необходимость применения этого метода для своего исследования тем, что сами сказания содержат в себе сведения из самых разнообразных источников. Для исследования он избирает лишь несколько типов сказаний: местные сказания, в частности сказания об ангелах; кочующие легенды, и их происхождение; общие предания о святых; легенды исцеления. Народные суеверия он рассматривает через призму преданий о нечистой силе.

Местные сказания Д.П. Шестаков относит к простейшим и первоначальным формам сказаний о святых. «В самом деле, история христианства, как мы ее наблюдаем по литературным памятникам первых веков, слагается из истории отдельных христианских общин», в каждой из которых свое соотношение между христианством и язычеством. Д.П. Шестаков считает, что местные сказания самые непосредственные, так как составлялись сразу после жизни святого, часто его земляками. Отсюда он делает вывод, что составление жития местного святого служит попыткам прославления города или местно-

---

⁵⁸⁷ Там же. С. 10–12.

⁵⁸⁸ Там же. С. 14–18.

сти, в которой жил святой. Однако, по мнению Шестакова, сказаниям о святых предшествовали легенды об ангелах, которые он выводит из языческого культа местных героев⁵⁸⁹.

При рассмотрении легенд об ангелах и сказаний о святых Д.П. Шестаков отмечает, что многие приписываемые им функции и действия восходят к языческим представлениям о роли небесных светил в жизни человека. В частности, таким проявлением язычества Шестаков считает появление святого на огненной колеснице, несущейся по небу, что находит подтверждение в греческих мифах о Гелиосе⁵⁹⁰. «Со сказаниями о святых, не умерших, но спящих в местных своих могилах, ранний христианин нечувствительно сплетает еще языческие легенды о богах весенней зелени, освежающей проснувшуюся землю, о божествах свежих ручьев, щедро наполняющих родные нивы для нового роста»⁵⁹¹, – пишет Д.П. Шестаков.

Здесь же он выясняет степень влияния Востока на содержание ранних христианских легенд. «Мы можем теперь же установить соотношение и сравнительное литературное участие Востока и Греции в выработке ранней христианской легенды. Перед нами сказания, возникающие в горниле богатой фантазии Востока и проходящие затем художественную греческую обработку». «Первоначальность и самостоятельность Востока в творчестве христианской легенды подтверждается и тем, что Востоку принадлежит евангельские апокрифы о Спасителе, без сомнения более первоначальные, чем апокрифы апостольские, восходящие, напротив, к греческому народному творчеству»⁵⁹². В своем историческом происхождении – это местные сказания отдельных христианских общин, образующихся на месте старого иудейства и язычества. Д.П. Шестаков пишет, что «горячо принимая в сердце учение новой веры, ранние прозелиты христианства не могут не оставить значительное места в своем сердце и старым привычным языческим представлениям. Внося в сказание о христианских святых многочисленные черты старой языческой легенды, прозелиты христианства не совершают измены новой вере. Они только украшают христианских святых всем лучшим и высшим, что сохранялось от язычества»⁵⁹³. Д.П. Шестаков приходит к выводу, что «святые местных сказаний являются помощниками людей во всех ежедневных

---

⁵⁸⁹ Там же. С. 22 – 24.

⁵⁹⁰ Там же. С. 29–37.

⁵⁹¹ Шестаков Д.П. Исследования... // ВУИ. 1910. № 10. С. 258.

⁵⁹² Там же. № 3. С. 71, 72.

⁵⁹³ Там же. № 10. С. 257.

нуждах, оказываясь в этом отношении прямыми приемниками древних богов и ангелов старо восточной легенды»⁵⁹⁴.

Кочующие сказания связаны, по мнению Шестакова, с перенесением мощей святых из одного города в другой. «Дробление мощей устанавливается рано, как всеобщий обычай. В нем справедливо видят одно из средств вящего распространения почитания мучеников». При перенесении мощей святого первоначальное сказание начинает обрывать новыми живописными подробностями. К таким подробностям Шестаков относит и рассказы о чудесах у мощей святых, которые так же прибавляются к сказанию⁵⁹⁵.

К общим преданиям Д.П. Шестаков относит сведения «применяемые довольно безразлично почти к любому святому». «В своем перенесении с места на место и применении к разным святым, такие предания утратили почти совершенно былую связь с местным сказанием, и образуют тот общий фонд типических представлений о святых, который повторяется неизменно через всю агиографическую литературу», считает он⁵⁹⁶. Это же отмечают исследователи и в дальнейшем, находя в сказаниях общие для каждого из них черты, повторяющиеся в каждом житии святого⁵⁹⁷.

К таким типичным чертам житий Д.П. Шестаков относит пророческие сны матери святого, особенно снящийся ей огонь, позднее рождение ребенка и по усердной молитве к богу, изображение в житиях смешанного брака христианина с язычницей или христианки с язычником, что вызывало постоянные споры о вере в семье, и способствовало тому, что ребенок обращался к «вопросам богомыслия», не историчность описания преследования христиан в агиографической литературе, что связано, по мнению Шестакова с тем, что «в глазах народного писателя жития преследователь поднял руку на человека Божьего, ополчился против Бога и за то примерно наказан»⁵⁹⁸. Ряд интересных наблюдений сделан Д.П. Шестаковым об отражении в сказаниях о святых представлений народа о нечистой силе: «Народное сказание о святых без большого преувеличения можно назвать непрерывным трактатом о дьяволе»⁵⁹⁹.

Его общий вывод в отношении греческой агиографии состоит в том, что «греческие народные сказания о святых зачастую представ-

---

⁵⁹⁴ Шестаков Д.П. Исследования... // ВУИ. 1910. № 3. С. 77.

⁵⁹⁵ Там же. С. 81, 82.

⁵⁹⁶ Шестаков Д.П. Исследования... // ВУИ. 1910. № 4. С. 104.

⁵⁹⁷ Полякова С. Византийские жития как литературное явление // Жития византийских святых. СПб., 1995. С. 31–32.

⁵⁹⁸ Шестаков Д.П. Исследования... // ВУИ. 1910. № 4. С. 113. См. Также: Полякова С. Указ. соч. С. 13, 15.

⁵⁹⁹ Шестаков Д.П. Исследования... // ВУИ. 1910. № 7. С. 215.

ляют христианизированные предания языческого и международного прошлого»⁶⁰⁰, то есть представляют собой переработку легенд и мифов как собственно греческих, доставшихся от античности, так и древне восточных.

Несколько позже появляется статья Д. П. Шестакова «Античные и международные мотивы в греческих сказаниях о святых»⁶⁰¹. По сути, статья представляет собой обширное дополнение к диссертации. «Если последние книжные формы греческих сказаний о святых выработаны византийской компиляцией, то начальные основы тех же преданий принадлежат народному старинному творчеству» считает Д.П. Шестаков. Причем начало таких представлений он относит ко времени еще до сложения известной нам системы языческих греческих богов. Особенно им выделяются народные суеверия, которые становятся особенно влиятельными в переходные эпохи, в частности при переходе от язычества к христианству. Он отмечает прочность и консервативность народной веры, и именно поэтому народные предания и сохраняются в агиографической литературе. В этой же статье представлен обильный материал сравнений не только с Востоком, но и с народными представлениями и суевериями других древних и новых народов. Д.П. Шестаковым были использованы и суеверия американских индейцев, и народов Севера, что дало особенно плодотворные результаты при выделении тех мотивов в сказаниях, которые можно отнести к международным. В основном это касается изображения сил природы и суеверного страха перед ними⁶⁰².

Это были одни из первых исследований такого рода в российской исторической науке, в которых бы жития святых подвергались такому осмыслению с целью выделения в них целого пласта языческих представлений и верований. А.С. Рождествен снова помещает небольшую заметку об этом исследовании в «Казанском телеграфе». В ней отмечаются литературные достоинства исследования, а также то, что оно будет интересна не только специалисту-филологу, но также «всякому любознательному и образованному человеку»⁶⁰³.

---

⁶⁰⁰ Шестаков Д.П. Исследования... // ВУИ. 1910. № 10. С. 259.

⁶⁰¹ Шестаков Д.П. Античные и международные мотивы в греческих сказаниях о святых // ЖМНП. 1911. Ч. 36. ноябрь. С. 497–531.

⁶⁰² Там же. С.498 – 501.

⁶⁰³ Рождествен А.С. [рец. на:] Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910 // Казанский телеграф. 1911. № 5431. С. 4.

§ 2. Проблемы истории Византии в работах С.П. Шестакова

Как уже отмечалось, разработка византиноведческой проблематики составляла существенную часть научных интересов С.П. Шестакова. Кроме вопросов, связанных с изучением источников, его интересовали и проблемы собственно истории Византии.

В начале XX в. им была опубликована серия работ касающихся истории юга России в византийскую эпоху. И здесь достаточно большое место занимают исследования по истории Херсонеса. Его обращение к истории Херсонеса не случайно, так С.П. Шестаков осознает связь византийской истории с историей отечественной: «Связь истории и культуры Византии с нашей не должна ли вызывать желание, чтобы обширный период жизни греческой нации... был предметом особо тщательного изучения и чтобы специалист в этой области мог весь отдать изучению этого периода, в то же время естественно и необходимо направляемый в область отечественной истории. Кафедра византиноведения, учрежденная в Санкт-Петербурге и Одессе, указывает на такую потребность»⁶⁰⁴.

Первая из статей, посвященных истории Херсонеса, касалась истолкования надписи времени Зинона. Надпись эта известна давно, однако, С.П. Шестаков предлагает свое толкование ее⁶⁰⁵. Он предполагает, что надпись посвящена торговле и торговым учреждениям в Херсонесе.

В статье «К вопросу о месте крещения св. Владимира» С.П. Шестаков полемизирует с А.А. Шахматовым по вопросу о содержании в житиях отражения реальных исторических событий. Исследуя вопрос о крещении Св. Владимира, А.А. Шахматов приходит к выводу, что содержащее этот сюжет сказание имеет былинные корни, и поэтому не может содержать в себе отголоски реальных исторических фактов. С.П. Шестаков высказывает прямо противоположное мнение. Он считает, что сказание о крещении Владимира имеет под собой реальный факт, однако сильно переработанный. Свой вывод С.П. Шестаков подкрепляет данными археологии⁶⁰⁶.

Определенным итогом в исследовании проблем истории Северного Причерноморья в византийскую эпоху стали «Очерки по истории Херсонеса в VI – X вв. по Р.Хр.». В этом исследовании С.П. Шестакову

---

⁶⁰⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1949. Л. 100.

⁶⁰⁵ Шестаков С.П. К истолкованию херсонской надписи времен Зинона // ЖМНП. 1906. Ч. 2. С. 140–151.

⁶⁰⁶ Шестаков С.П. К вопросу о месте крещения св. Владимира // ИОАИЭ. Т. XXIII. Вып. 5. С. 319–339.

удается проанализировать практически все имеющиеся в распоряжении исследователей источники по истории города Херсонеса в византийскую эпоху. Очерки представляют собой не только описание истории Херсонеса, но и областей вокруг него, внутреннего положения в Византийской империи в VI – X вв. В некоторые периоды, для которых недостаточно источников для восстановления истории города, С.П. Шестаков рассматривает его историю на фоне происходивших в империи событий.

В предисловии к «Очеркам» С.П. Шестаков писал, что «предполагаемый труд является попыткой сгруппировать сообщения о судьбе Херсона в византийские века литературных источников, вместе с результатами оценки этих сообщений в ученой литературе»⁶⁰⁷. Отмечается им и недостаточность материала для восстановления истории города в полном объеме, в связи с чем указывается на необходимость привлечения разнообразных источников для восстановления истории Херсонеса. А.И. Романчук и Л.В. Седикова отмечают две причины недостаточности археологического материала, относящегося к периоду Средневековья: во-первых, разрушение памятников в процессе строительства в период средневековья, и во-вторых, оставшиеся памятники были уничтожены, когда пытались докопаться до античных слоев⁶⁰⁸. «При всем том, на пространстве веков, в зависимости от наличия источников, только отдельные моменты и периоды истории города попадают в более яркое освещение, в то время как в других случаях приходится довольствоваться догадками и общими соображениями»⁶⁰⁹, – писал С.П. Шестаков. Он применил метод реконструкции истории города, используя сравнительное изучение вещественных памятников и данных письменных источников (византийских хроник, русских летописей, житий херсонесских святых и др.).

Особенное место в «Очерках» занимают события, связанные с началом христианства в Херсонесе. Главными источниками для начального периода христианства в Херсонесе являются надписи, для более позднего времени к ним добавляются и письменные свидетельства⁶¹⁰. Уделяя большое место рассмотрению положения церкви в Херсонесе, С.П. Шестаков рассматривает пещерные монастыри, и на основании анализа живописи в них делает вывод о том, что в иконоборческий период Крым стал прибежищем иконопочитателей.

---

⁶⁰⁷ Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса. Вып.3. Очерки по истории Херсонеса в VI – X вв. С.1. Далее: Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса.

⁶⁰⁸ Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика: Сб. научных трудов. Киев, 1991. С. 30.

⁶⁰⁹ Там же.

⁶¹⁰ Там же. С. 13, 30.

В последующее время этот вывод не нашел подтверждения. Так, А.Г. Герцен и Ю.М. Могарычев опровергают этот вывод Шестакова на основании исследования пещерных монастырей, появление которых они относят лишь к XII в., таким образом Крым не мог быть прибежищем иконопочитателей в VIII в.⁶¹¹

В связи с историей Херсонеса рассматриваются отношения Византии с хазарами, славянами и готами. Шестаков отмечает, что Херсонес был своего рода «мостом» между Византией и варварами, через который велась торговля со славянами, а также с Индией и Азией через хазар. «В период деятельности Святых Кирилла и Мефодия Херсон особенно выступает в своем значении «культурного моста» между Византией и язычниками севера, и с этих пор эта роль его наблюдается в течение долгого времени»⁶¹², – писал Сергей Петрович в «Очерках».

Первые попытки введения христианства на Руси Шестаков относит к 60-м годам IX в. В качестве источника для восстановления отношений существовавших между Византией и Русью он привлекает сочинения Константина Багрянородного и русские летописи⁶¹³. Казанский византинист обращает внимание как на экономические, особенно торговые отношения Руси и Византии, так и на духовные. Он указывает на устойчивость и продолжительность торговых контактов Руси и Херсона. Это же подтверждается в дальнейшем российскими учеными⁶¹⁴.

Затрагиваются С.П. Шестаковым и договора Руси и Византии 911 и 945 годов. Из них С.П. Шестаков выбирает информацию, раскрывающую положение и значение Херсонеса в первой половине X в. Он подробно рассматривает статьи договоров, в которых ограничивается пребывание русских в устье Днепра, так как это могло быть опасным для херсонской области. Приводит С.П. Шестаков и некоторые отличия договоров 911 г. и 945 г. Так он обращает внимание на то, что в договоре 945 г. наказание за убийство и кражу назначается по «закону русскому и греческому», в то время как в договоре 911 г. виды наказания прописывались в самом договоре. С.П. Шестаков объясняет это следующим: «с течением времени греки убедились в бесполезности писать законы для русских на случаи, когда усмотрение русских не могло быть контролируемо греческими властями». То есть договора

---

⁶¹¹ Герцен А.Г., Могарычев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Античная древность и средние века: Византия и средневековый Крым: Сб. науч. трудов. Барнаул, 1992. С. 180–187.

⁶¹² Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса. С. 42, 49.

⁶¹³ Там же. С. 55, 63.

⁶¹⁴ См. Литаврин Г.Г. Византия и Древняя Русь в конце IX – X в. // Византия и Славяне. Сб. ст. СПб., 1999. С. 426.

фактически закрепили уже существующее положение в отношениях между Русью и Византией⁶¹⁵. Г.Г. Литаврин отмечает, что договора Руси и Византии оформили уже существовавшие отношения, лишь приведя их в русло законности⁶¹⁶.

В целом «Очерки по истории Херсонеса в VI – X вв. по Р.Хр.» дают представление о положении города в этот период, о его месте в византийской империи, о его роли в истории Руси и содержат ценные замечания по истории русского государства. В появившемся несколько лет спустя в отзыве на «Очерки» отмечалась заслуга автора в сборе сведений в источниках о Херсонесе и их научная критика и правильное толкование. Авторы рецензии указывают на некоторые пробелы в изложении истории города, однако они отмечают, что это происходит от недостаточности источников. Существенным недостатком «Очерков» авторы рецензии считают запутанность в изложении, связанную с отсутствием подробного обоснования выводов, особенно в тех частях, где привлекается археологический материал. В целом же отзыв на «Очерки по истории Херсонеса» носил положительный характер⁶¹⁷. Этот труд Шестакова получил признание и за рубежом. Так, Дж. Бери, составляя библиографию по истории Византии, включил в нее и «Очерки по истории Херсонеса в VI – X вв. по Р.Хр.» Шестакова⁶¹⁸.

Позднее С.П. Шестаковым была написана специальная статья по вопросу о распространении христианства на Северном побережье Черного моря. В ней рассматривается вопрос о времени, когда христианство проникло в Херсонес. Он считает, что это произошло примерно IV – V вв. н.э., так как христианские надписи не появляются раньше этого времени. Кроме того, житие святого Клементя в западной исторической традиции восходит к IV в., а в том виде, в каком существовала легенда о мученической смерти святого Клементя в самом Херсонесе, она появляется у Григория Турского в VI в. Причинами распространения христианства в Херсонесе С.П. Шестаков считает контакты с южным берегом Черного моря и переселение христиан с юга на север. Разбирая подробно легенду о мученической смерти в Херсонесе святого Клементя, Шестаков приходит к выводу, что ее ядро содержит некоторые достаточно достоверные исторические фак-

---

⁶¹⁵ Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса. С. 74–77.

⁶¹⁶ Литаврин Г.Г. Условия прибывания древних руссов в Константинополе в Хв. // Византия и славяне. С. 462.

⁶¹⁷ Варнеке Б., Попруженко М., Пападимитриу С. Отзыв о сочинении С.П. Шестакова «Очерки по истории Херсонеса в VI – X вв. По Р.Х.» // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. 1913. Т. 31. С. 131-135.

⁶¹⁸ Bury J.B. History of the Later Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I (802-867). London, 1912.

ты. Основываясь на этом выводе и привлекая археологический материал, С.П. Шестаков делает окончательный вывод, что начало христианства в Херсонесе можно отнести к IVв.⁶¹⁹ Современный исследователь В.М. Зубарь отмечает, что в конце IV в. в Херсонесе уже был свой епископ Эвферий, что подтверждает вывод С.П. Шестакова о распространении христианства именно в это время⁶²⁰.

Изучением житий святых епископов Херсонских занимался и В.В. Латышев. В книге «Жития св. епископов Херсонских: исследование и тексты» он издал несколько греческих и славянских текстов житий с литературной, исторической и археологической интерпретацией. Здесь подробно рассмотрены и сличены по содержанию все равновременные редакции жития и их источников. У Латышева не вызывал сомнения тот факт, что в древнейшей редакции жития отражены реальные исторические события. Древнейшая редакция была составлена в церковной среде самого г. Херсонеса, так как в ней больше топографических подробностей и исторических фактов, а язык простой и безыскусный. Эта древнейшая редакция сохранилась лишь в славянском переводе. Здесь же В.В. Латышев попытался увязать отдельные известные археологические памятники Херсонеса с данными агиографических источников⁶²¹.

В период работы над книгой В.В. Латышев получил письмо от С.П. Шестакова: «Радуюсь тому, что житие первых херсонских святителей появится наконец в издании, достойном значения этого памятника. Как раз сейчас занимаюсь его анализом по тем вариантам легенды, которые так обстоятельно рассмотрены Франко в «Записках наукового товарищества имени Шевченка», и сожалею о том, что до сего года, после невозможного издания о. Серафимова, не появилось настоящего научного издания памятника. Рассчитываю заранее на Вашу всегдашнюю доброту, что и мне уделите экземпляр»⁶²².

Исследование Латышева было встречено благожелательными рецензиями. Казанский профессор считал, что исследование Латышева хотя и «расчистило пути» для решения вопроса, но «не является самим решением». С.П. Шестаков в ряде своих работ подверг де-

---

⁶¹⁹ Шестаков С.П. О начале христианства в Херсоне (посвящается профессору Ю.А. Кулаковскому) отд. оттиск из Serta Boryshthenica: сборника в честь Ю.А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 2, 3, 20.

⁶²⁰ Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика: сб. научных трудов. Киев, 1991. С. 21.

⁶²¹ Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. С. 231–232.

⁶²² Цит. по: Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. С. 232.

тальному критическому анализу доводы сторонников И. Франко и в дискуссии о достоверности херсонских легенд встал на сторону В.В. Латышева, полагая, что в древнейшей редакции жития нашел отражение «отголосок действительных событий»⁶²³.

Вышло несколько рецензий С.П. Шестакова на издания житий и их изучение, где он проводит те же установки, что и в своих трудах. В частности на книгу «Analekta» Ed. Papadopoulos-Kerameus. В рецензии он подчеркивает, что хронологические и топологические данные житий достаточно точны⁶²⁴.

Несколько работ казанского ученого были посвящены отдельным сюжетам византийской истории. Так одна из статей была посвящена изучению папириологического материала. С.П. Шестаковым было проанализировано завещание общинного врача Фебаммона из города Антеополя в Египте⁶²⁵. С.П. Шестаков особенно подробно остановился на праве жены на наследство, а также сообщил некоторые черты имущественных отношений между мужем и женой по другим юридическим актам, на основе папирусных текстов, главным образом, издания Масперо «Греческие папирусы византийской поры каирского музея». С.П. Шестаков обратил внимание на то, что юридические акты, такие как завещания, брачные контракты, а также документы о разводах, дают богатый материал для восстановления семейной и общественной жизни Египта византийской эпохи⁶²⁶.

Еще в конце XIX в. российские византиноведы обратились к изучению проблемы взаимоотношений Византии и Руси с точки зрения византийской истории и источников. А.А. Куник и В.Г. Васильевский поставили задачу выявить как можно более полный круг византийских памятников, имеющих отношение к России. Этой же проблемой занимался и Х.М. Лопарев⁶²⁷. В начале XX в. преимущественное внимание со стороны византиноведов уделялось византийско-русским сношениям, а также влиянию византийского искусства на русское.

Сношениям с византийским двором галицких князей в период царствования Комнинов (XII в.), посвящена мастерски написанная С.П. Шестаковым статья «Византийский посол на Руси Мануил Комнин», в которой ученый писал, что прибытие посла Мануила Комнина

---

⁶²³ Шестаков С.П. 1) Памятники христианского Херсонеса. Вып.3. Очерки по истории Херсонеса в VI – Хвв. С. 13–25, 139–141; 2) О начале христианства в Херсоне (посвящается профессору Ю.А. Кулаковскому) отд. оттиск из Serta Boryshthenica: сборника в честь Ю.А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 20–26.

⁶²⁴ Шестаков С.П. рец. на изд. Papadopoulos-Kerameus // ВВ. 1901.Т. 8. С. 173.

⁶²⁵ Шестаков С.П. Завещание общинного врача Фебаммона // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 2. С. 151–165.

⁶²⁶ Там же. С. 161–162.

⁶²⁷ Лопарев Х.М. Греки и Русь. СПб., 1898.

на Русь было связано с двумя вопросами: помощь Византии против венгров и выражение недовольства императорского двора за принятие Андроника Комнина Галицким князем Ярославом. Причем С.П. Шестаковым делается предположение, что Андроник был родственником Ярослава, так иначе последнему не удалось бы дать Андронику в княжение города⁶²⁸.

Здесь же Шестаков рассматривает возможность вассальной зависимости галицких князей от византийских императоров, а также делает вывод о том, что Византии выгодно было поддерживать рознь среди русских князей⁶²⁹. Шестаков одним из первых российских ученых обратил внимание на это обстоятельство. Г.Г. Литаврин в статье «Русь и Византия в XII веке» отмечает, что «Галицкая, а затем Суздальская Русь находилась на стороне имперской коалиции» и причины этого крылись, по его мнению, в политической ситуации в Венгрии и на Руси. Это не было результатом усилий византийской дипломатии. Указывает Г.Г. Литаврин и на обострение отношений между Галичем и Византией в 1164-1165 гг., когда Галицкий князь Ярослав принял у себя врага императора Мануила I Комнина Андроника Комнина. Состав посольства, отправленного на Русь в 1165г., на что обратил внимание еще Шестаков, куда входил родственник императора, возможно сын Андроника Комнина, Мануил Комнин, свидетельствовал о важности порученной миссии⁶³⁰. Н.Ф. Котляр отмечает, что никакой зависимости Галицко-Волынской Руси от Византии не было, их отношения носили дружественный характер, а Галицко-Волынское княжество в 30–40-е годы XII в. вело самостоятельную политику по отношению к Византии⁶³¹.

Определенным итогом исследовательской деятельности С.П. Шестакова в области истории Византии стал его курс лекций. Сергей Петрович стал читать лекции по истории Византии с осени 1912 г. в Казанском университете и на Высших женских курсах⁶³². Тогда же им была издана программа курса «История Византии», в которой выделяются три части. В первой части С.П. Шестаков предполагал дать студентам общее понятие об истории Византии, а также обзор литературы по истории Византии. Вторая часть программы содержит материал о падении Западной римской империи, изложение которого дается со второй половины III в. и здесь особое, и можно

---

⁶²⁸ Шестаков С.П. Византийский посол на Руси Мануил Комнин. Отд. оттиск из сборника статей, посвященных Д.А. Корсакову. 1913. С. 11.

⁶²⁹ Там же. С. 16.

⁶³⁰ Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII веке // Византия и славяне. С. 509–510.

⁶³¹ Котляр Н.Ф. Галицко-Волынская Русь и Византия в XII – XIII вв. (связи реальные и вымышленные) // Южная Русь и Византия: Сб. научных трудов. Киев, 1991. С. 21.

⁶³² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2173. Л. 171 об.

сказать, главное, место уделено варварам и их влиянию на Римскую империю. Особо оговаривается «так называемое, падение западной римской империи».

В третьей части казанским ученым рассматривается собственно история Византии с 395 г. по 802г. Здесь важное место отведено изложению истории царствования Юстиниана Великого. Подробно разобрана его внутренняя и внешняя политика, законодательство. Заканчивается программа царствованием Ирины и Константина VI.

В соответствии с этой программой Сергей Петрович построил и свой курс лекций, первая часть которого была издана в 1915 г. Начинается изложение со второй половины III века с движения варваров в пределы Римской империи. Примерно в то же время С.П. Шестаковым было подготовлено еще два тома лекций, доводивших изложение до 1261 г., однако они так и не увидели свет⁶³³.

Изложению истории Византии предшествует обширное введение, в котором даются периодизации истории Византии предложенные как зарубежными, так и отечественными учеными, начиная с периодизации Гиббона, данной им в работе «Упадок и гибель Римской империи». Ш.С. Хамматов считает, что в периодизации С.П. Шестаков следует за Гиббоном⁶³⁴. Гиббон выделяет три периода в истории Византии: 1. II в. – 476 г.; 2. с начала правления Юстиниана до 800 г.; и 3. от возрождения Западной империи до 1453 г. Ни в программе по истории Византии, ни в курсе лекций С.П. Шестаков не дает изложения материала по таким периодам. Он выделяет III – V вв., в рамках которых рассматривает проблему варварства и образования варварских государств, а изложение византийской истории начинает с 395 г.⁶³⁵ В связи с этим нельзя согласиться с выводом Ш.С. Хамматова о следовании С.П. Шестаковым за Гиббоном. С.П. Шестаков в концептуальных вопросах опирается на труды английского ученого Дж. Бери «History of the Later Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I (802-867)» и «History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395-800)»⁶³⁶. И периодизация истории Византии,

---

⁶³³ Ученик С.П. Шестакова Ю. Иванов писал, что в 1926 г. оба тома хранились у Сергея Петровича дома, но не было возможности их издать. См.: *Иванов Ю.А.* Профессор С.П. Шестаков: К 40-летию ученой деятельности // ВВ. 1926. Т. 24. С. 94.

⁶³⁴ См.: *Хамматов Ш.С.* Византиноведение в высших учебных заведениях Казани (XIX – начало XX вв.) // Античность: политика и культура: Межвузовский сб. Казань, 1998. С. 114–115.

⁶³⁵ С.П. Шестаков, приводя множество мнений о периодизации истории Византии, не дает в лекциях однозначного ответа, предлагая слушателям выбрать тот, который больше отвечает их интересам. Изложение материала в лекциях построено С.П. Шестаковым по правлениям императоров.

⁶³⁶ *Bury J.B.* 1) History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). 2 vol. London, 1889; 2) History of the Later Roman Empire from the fall of Irene to the acces-

принятая Шестаковым более напоминает периодизацию английского ученого.

В лекциях больше места уделено изложению политической истории. Однако необходимо отметить, что достаточное место уделено и истории экономической. Внимание ученого сосредоточено также и на рассмотрении роли варваров в истории Византии, в частности, отдельные части лекций специально посвящены рассмотрению истории славян в пределах Византии. Рассматриваются Шестаковым и события в Западной римской империи. Большое место отведено изложению истории церкви, борьбе с ересями. Он рассматривает не только в связи с догматическим спорами, но – шире – с борьбой епископских кафедр между собой за верховенство церкви. Вызвана эта борьба была стремлением императоров подчинить себе церковь. Вмешательство их выразилось и в участии в религиозных спорах, и в стремлении сделать Константинополь не только светской, но и духовной столицей империи. Эти притязания вызвали протест со стороны других кафедр, и в первую очередь, Александрийской (исконно влиятельной на Востоке). Поводом послужили догматические разногласия между Александрийской и Антиохийской школами (к последней принадлежали константинопольские патриархи). С.П. Шестаков выделил четыре этапа этой борьбы, связанных с деятельностью таких церковных авторитетов как Феофил и Кирилл александрийские, Несторий, Иоанн Златоуст и др. Результатом, как полагал Шестаков, стало развитие догматической мысли, падение императорского авторитета и рост влияния римской кафедры, занявшей в догматических спорах позицию «третьей стороны». Как считает А.Г. Суприянович, «С.П. Шестаков выступил новатором в объяснении этой проблемы политическими причинами и выдвинул оригинальную и убедительную версию»⁶³⁷.

Рассматривается Шестаковым и проблемы истории ислама в связи с изложением арабских завоеваний. Он отмечает, что сама религия формировалась в течение довольно длительного времени и вобрала в себя некоторые принципы из иудаизма, христианства и зороастризма. Указывает на превращение ислама в общеарабскую религию по-

---

sion of Basil I (802–867). London, 1912. Бери утвердил в византиноведении представление об общем поступательном развитии Византии. В своих работах больше внимания он уделял истории административной и фискальной систем. Он выступал представителем идеи непрерывной Римской империи с I в. до XV в. О месте Дж. Бери в историографии и его методологических взглядах см.: *Шарифжанов И.И.* Английская историография в XX веке. Казань, 2004. С. 18–20.

⁶³⁷ Суприянович А.Г. Забытые имена. Проблемы церковной истории в творчестве С.П. Шестакова // Социально-политическое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. Казань, 1995. С. 120.

сле бегства в Медину. С.П. Шестаков считает, что появление ислама и его распространение вызваны исторической необходимостью. При рассмотрении вопросов об исламе казанский византист опирается в основном на «Cambridge Medieval History» и «Историю Византии» Ф.И. Успенского⁶³⁸. Он дает развернутую характеристику источников, причем привлекает не только византийские, но и западные и восточные источники.

Исповедуя идею о непрерывности Римской империи до XV века, С.П. Шестаков, как и Бери, не считает отречение Ромула Августула датой падения Западной римской империи. Одовакар (в современной транскрипции – Одоакр) не пожелал порвать связи с императором. «Он рассчитывал править Италией в качестве патриция, в номинальной зависимости от императора, оставаясь королем над своими собственными германцами», считал С.П. Шестаков. Именно поэтому Одовакар и устроил, «что низложение Ромула приняло форму отречения от престола». Формально же, по мнению Шестакова, империя продолжала еще быть единой⁶³⁹. «Гиббон не правильно говорил о падении западной римской империи», а 476 г. «означает стадию, и то не из самых важных, в процессе разложения, который совершался целое столетие»⁶⁴⁰. Соответственно и историю Византийской империи рассматривается им как продолжение римской империи. Лишь для конца VII – начала VIII веков он отмечает своеобразие в развитии Византии и ее перерождение, именно с этого времени можно говорить о своеобразном государстве в восточной части Римской империи; до этого времени, по Шестакову, была единая римская империя.

Однако казанский византист признавал деление империи на западную и восточную, и писал, что «для разделов империи были глубокие основания в самом составе империи. Эллинистический Восток, где тысячелетняя культура государств Азии и Африки подверглась воздействию эллинизма и в свою очередь не преминула повлиять на эллинский мир, всегда представляла под римским владычеством лишь внешнюю, искусственную связь с Западом». Он также замечает, что «процесс истории, разумеется, непрерывен и всякие деления производят впечатление условности. Однако будем мы говорить о византийской истории, восточно-римской или «позднейшей» римской империи, можно определить некоторые черты, благодаря коим со смертью Феодосия Великого становится заметнее близость распада западной половины империи и путь своеобразного разви-

---

⁶³⁸ Шестаков С.П. Лекции по истории Византии. Т. 1. Казань, 1915. С. 338–340.

⁶³⁹ Там же. С. 69.

⁶⁴⁰ Там же. С. 5.

тия ее восточной половины»⁶⁴¹. В этом С.П. Шестаков согласен с мнением Ф.И. Успенского и А.А. Васильева⁶⁴².

В целом Шестаков предпринял в своем курсе лекций попытку дать комплексную картину истории Византии, которая бы включала не только события внутренней истории, но и те процессы вне Византийской империи, которые так или иначе оказывали влияние на нее, будь то движение варваров, или возникновение ислама. В курсе лекций С.П. Шестакова учтен опыт как зарубежного, так и отечественного византиноведения. Если в вопросах периодизации он следует в большей степени за западными учеными, то в содержательном плане Сергей Петрович более следует принципам и материалам российской историографии. В частности, казанский ученый уделяет много внимания вопросам истории церкви и экономики, что в большей степени характерно именно для отечественной исторической науки, обративший в этот период свое внимание на эти сферы жизни древних и средневековых обществ.

Рецензий на этот труд С.П. Шестакова не последовало. Однако в дальнейшем появилось несколько кратких отзывов о нем. Так, российский византинист А.А. Васильев, современник С.П. Шестакова, дает в своем обзоре развития византиноведения в России положительную оценку его труда: «книга дает немало сведений о внешних делах, внутренней жизни, историографии и литературе предмета»⁶⁴³. Это же отмечает и С.А. Жебелев⁶⁴⁴.

Обстановку в стране, начиная приблизительно с середины 1920-х гг., никак нельзя назвать благоприятной для византиноведения. К концу 1920-х гг. положение в гуманитарной науке становилось все более и более драматичным. Ученые «старой школы» не понимали меняющихся отношений между ними и властью, а также просоветски настроенными учеными. Существовали трудности в общении с западными коллегами, не было возможности выписывать новейшую зарубежную литературу.

Одной из последних по времени печатной работой С.П. Шестакова по истории Византии стала небольшая статья, посвященная династии Комнинов. Она была опубликована в 1926 г. в последнем томе «Византийского временника». Рассматривая в ней стихотворения эпохи Комнинов, С.П. Шестаков приходит к выводу, что они дают немало интересных данных об этой эпохе, хотя большин-

---

⁶⁴¹ Там же. С. 5, 9–10.

⁶⁴² *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081г.). СПб., 2000. С. 130.

⁶⁴³ Там же. С. 85.

⁶⁴⁴ *Жебелев С.А.* Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 18.

ство их известно нам по другим источникам. «Однако в беглых упоминаниях или намеках стихотворца проскальзывает та или иная деталь, восполняющая наши сведения. Особенно следует отметить так же указания по части фамильных и семейных отношений»⁶⁴⁵, – обращает внимание С.П. Шестаков. Для выяснения этих деталей С.П. Шестаков прибегает к сравнению данных из стихотворений и текстов Киннама и Никиты Хониата. По мнению казанского ученого, исторические события эти панегирические стихотворения преувеличивают, однако по ним можно проследить генеалогические связи Комнинов с аристократическими родами Византийской империи⁶⁴⁶.

Значительный интерес представляют два его этюда о взаимоотношениях Византии с Болгарией и Русью. На основании письма Арефа Кесарийского к императору Роману Лакапену, раскрывается положение Византии того времени и ее отношение с Болгарским царством⁶⁴⁷.

Официальную точку зрения по поводу византиноведческих исследований выразил в 1927 г. в издаваемом Комакадемией журнале «Историк-марксист» Г. Лозовик. Критикуя «разбитое корыто русской византологии, унаследованное революцией», он прямо писал, что «у идеологов Октябрьской революции во всяком случае не было оснований проявить особое внимание к этой отрасли знаний». От русских византиноведов, которые до революции «пели в унисон великодержавным мечтам панславистского империализма», требовалось влить «в устаревшие меха» новое содержание⁶⁴⁸.

В том же 1927 г. акад. В.П. Бузескул писал С.А. Жебелеву: «Теперь о Византии и византинистах говорить неудобно, ...ведь говоря о Византии неизбежно упоминать о церкви, церковных спорах и т. под.»; далее он рассказывает, что собирался на намечаемом съезде Восточной ассоциации сделать доклад по истории Византии и «в тезисах проводил мысль о необходимости поддержать у нас византийские штудии». Его попросили выбрать другую тему⁶⁴⁹. В это же время прекратилось издание «Византийского временника» и других изданий по византинистике.

---

⁶⁴⁵ Шестаков С.П. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524 // ВВ. 1926. Т. 24. С. 45.

⁶⁴⁶ Там же. С. 47, 50.

⁶⁴⁷ Шестаков С.П. К истории Греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X в. Отд. оттиск из сборника «Byzantinoslavica». Т. 1. 1929.

⁶⁴⁸ Лозовик Г. Десять лет русской византологии (1917-1927) // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 231.

⁶⁴⁹ Цит. по: Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге... С. 288.

В 1927 г. в Белграде состоялся II международный конгресс византистов, на котором, к сожалению, русская делегация не присутствовала. Однако доклады наиболее известных русской византистов, в том числе и доклад С.П. Шестакова о хронике Продолжателя Феофана, были прочитаны на конгрессе, а затем напечатаны.

В 1920-е годы работал Русско-византийская комиссия при АН СССР, в задачи которой входило изучение русско-византийский отношений и подготовка к переизданию «Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis» Дюканжа. В рамках этой комиссии С.П. Шестакову было поручено выбрать из Никиты Акомината материал для имен и терминов⁶⁵⁰.

Еще более осложнилась ситуация в отечественном византиноведении в 1930-е годы. Если на II Международный конгресс византистов была приглашена достаточно многочисленная группа ученых из Советского Союза, то в 1934 г. на IV Международный конгресс византиноведческих исследований были приглашены только В.Н. Бенешевич и Д.В. Айналов, но и те не смогли поехать по политическим причинам⁶⁵¹.

Таким образом, и в занятиях византийской проблематикой можно обнаружить влияние старшего брата – Сергея Петровича – на младшего – Дмитрия Петровича. Это влияние обнаруживается как в тематике работ, так и в общем избранном им направлении исследований. Занимаясь в начале XX века преимущественно исследованием юга России в византийский период и привлекая для своих работ в качестве источника жития святых, Сергей Петрович влияет этим в определенной мере на выбор тематики исследований Дмитрия Петровича, который в качестве темы для магистерской диссертации избирает греческие народные сказания о святых. Влияние прослеживается и в направлении изучения народного греческого языка, к чему в это же время обращается и сам С.П. Шестаков, ставя это одной из задач развития византиноведения и классической филологии.

В целом вклад казанских ученых в развитие византиноведения в России на рубеже XIX – XX веков значителен. Особенно большой вклад был сделан С.П. и Д.П. Шестаковыми в изучение византийских источников. В их работах представлены оригинальные взгляды на развитие византийской литературы, особенно в области признания за ней оригинальности и самобытности, а не только зависимости от античных образцов.

Для российского византиноведения было характерно издание общих работ по истории Византии, и С.П. Шестаков не стал здесь ис-

---

⁶⁵⁰ Бенешевич В.Н. Русско-византийская комиссия // ВВ. 1926. Т. 24. С. 121, 129.

⁶⁵¹ Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив... С. 290.

ключением. Лекции С.П. Шестакова были одной из попыток создать целостную картину истории Византии, на наш взгляд достаточно удачной. В них нашли отражение и вопросы политики, и экономики, и дела церкви. Меньше внимания уделено вопросам культуры. В курсе лекций С.П. Шестакову удалось проследить основные тенденции развития византийского общества и государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из задач современной историографии является исследование проблем получения знаний и сохранения традиций в гуманитарной науке. С этим же связано и обращение к семье как одной из форм научной коммуникации. Ярким примером такой семьи, своеобразным «культурным гнездом» в Казани стала семья Шестаковых. Глава семьи, Петр Дмитриевич, был в 1865–1882 годах попечителем Казанского учебного округа, посвятил много усилий изучению истории Волжско-Камского края, участвовал в работе IV Археологического съезда, проходившего в Казани в 1878 г., был первым председателем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Им был опубликован в «Ученых записках Казанского университета» ряд переводов с древнегреческого языка и многочисленные работы по истории местного края.

Его сыновья – Сергей Петрович и Дмитрий Петрович – унаследовали от отца интерес к древним языкам. Сергей Петрович окончил Казанский университет, где его учителями были профессора Д.Ф. Беляев, Д.И. Нагуевский. Особенное влияние оказал на него Д.Ф. Беляев, под влиянием которого С.П. Шестаков занялся исследованием византийских хроник. Но его магистерская и докторская диссертации, по настоянию факультета, были посвящены разбору гомеровского вопроса. Впоследствии византиноведение заняло ведущее место в его научном творчестве.

С.П. Шестаков был одним из немногих российских филологов-классиков, придерживавшихся в гомеровском вопросе точки зрения аналитиков. Он предпринял в своих работах о происхождении поэм Гомера попытку восстановить, насколько это было возможно, первоначальный текст поэм. Такому взгляду С.П. Шестакова на гомеровские поэмы способствовало исследование византийских хроник. Изучение их состава, вставок, переделок, заимствований и редакторских поправок, постоянно в них встречающихся, и было причиной того, что ученый стал сторонником аналитиков, которые пытались разложить «Одиссею» и «Илиаду» на составные части, выделить в них позднейшие напластования. Его работы были восприняты отечественными филологами-классиками

(Ф.Г. Мищенко, Ф.Ф. Зелинский, Д.Ф. Беляев и др.) неоднозначно. Они увидели в позиции казанского ученого следование за немецкой филологической наукой, и поэтому оценили его работы критически. Но вместе с тем, они признавали в этих работах Шестакова большой вклад в обобщение взглядов и достижений аналитиков. И спустя полвека труд Шестакова оценивался как «одно из самых солидных исследований на русском языке по гомеровскому вопросу» (А.Ф. Лосев).

Интересовали С.П. Шестакова и другие сюжеты древнегреческой истории и культуры. Им были опубликованы работы об изучении папирусов, в которых он не только критиковал построения западных ученых, но и пытался дать собственную оценку, содержащейся в папирусах информации. Значительный интерес не только современников, но читателей, увлеченных трудами французских анналистов о феномене смерти, вызывает исследование С.П. Шестакова о представлениях греков о смерти.

Однако в целом антиковедение занимало в научном творчестве С.П. Шестакова все же меньшее место по сравнению с византиноведением. Он вошел в российское византиноведение исследованиями византийских хроник. Большое исследование им посвящено хронике Георгия Монаха (Амортила), которая, как показал ученый, оказала большое влияние на русское летописание. В серии статей С.П. Шестакова внимание ученого сосредоточено на выяснении источников, которыми пользовались авторы хроник. Большую ценность представляет также исследование об истории Херсонеса в IV–X вв., основанное на комплексном анализе имевшейся источниковой базы. С.П. Шестаков использовал письменные и эпиграфические источники, данные археологических раскопок Херсонеса. Этот труд получил высокую оценку таких выдающихся византиноведов как Ф.И. Успенский, Дж. Бери.

Определенным итогом византиноведческих занятий С.П. Шестакова было написание курса лекций по истории Византии, в котором автору удалось проследить основные тенденции развития византийского общества и государства. Особенностью этого курса лекций было привлечение в качестве источников по истории Византийской империи не только источников византийского происхождения, но и западноевропейских и арабских.

Признанием вклада С.П. Шестакова в развитие отечественной науки стало его избрание членом-корреспондентом Российской Академии наук по разряду классической филологии и археологии Отделения исторических наук и филологии в 1916 г.

Д.П. Шестаков также окончил Казанский университет. В годы учебы в университете на него оказал большое влияние профессор Ф.Г. Мищенко, под руководством которого он занимался эпиграфикой, и С.П. Шестаков, обративший его к византиноведческой тематике. В своей

магистерской диссертации Д.П. Шестаков исследовал греческие народные сказания о святых. После этого он обращается к изучению комедий Аристофана.

В своей докторской диссертации «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана» Д.П. Шестаков исследует языковые заимствования греческого комедиографа из народной речи. Попытался Д.П. Шестаков реконструировать жаргоны различных групп населения афинского полиса (моряков, военных). Это было первое подобное исследование в российской науке. Оно получило весьма высокую оценку рецензентов (В.А. Богородицкого, Д.И. Нагевского, А. Сонни и др.), хотя высказывались и серьезные замечания по структуре работы.

Привлекало Д.П. Шестаков и византиноведение, где он, подобно своему брату, обращался к исследованию византийских источников. Первая работа в этой области была посвящена изучению византийских поэтов. В дальнейшем Д.П. Шестаков обращается к изучению житий византийских святых. Он ставит проблему условий формирования и бытования житий. Для решения ее ученый обращается к сравнительно-историческому методу. Предметом сравнения выступают не только греческие легенды и представления греков о жизни и смерти, но и материалы по восточной мифологии, мифологии европейских народов, и даже по религии североамериканских индейцев. В результате своего исследования Д.П. Шестаков приходит к выводу, что в большинстве случаев первоосновой житий выступают местные предания о героях и представления о языческих богах.

В целом развитие исторических взглядов С.П. и Д.П. Шестаковых, их исследовательская деятельность шли в русле процессов, происшедших в российской исторической науке конца XIX – начала XX вв. В их трудах нашли применение достижения как российской исторической и филологической науки, так и зарубежной, особенно немецкой. Это выразилось в применении ими всего комплекса позитивистских методов исследования источников, но особенно в использовании сравнительно-исторического метода применительно к филологическому анализу. Их вклад в развитие антиковедения и византиноведения, особенно в дело филологической критики источников, восстановления и интерпретации текстов получил высокую оценку современников. В целом их и внесли значительный вклад в развитие российского антиковедения и византиноведения. Им удалось установить и поддерживать научные контакты с российскими и зарубежными антиковедами и византиноведами (в большей степени). Вокруг С.П. Шестакова в 900-е годы начала складываться группа учеников (А.А. Фирсов, Ю.А. Иванов и др.). После революции 1917 г. важнейшей задачей своей учебной и научной деятельности С.П. и Д.П. Шестаковы считали сохранение традиции изучения классических языков, гуманитарного образования в целом.

Шестаковы были тесно связаны с Казанским университетом. Как члены профессорской корпорации, они принимали активное участие в деятельности научных обществ. С.П. Шестаков вел большую административную работу, неоднократно избирался деканом историко-филологического факультета, исполнял обязанности ректора.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что выбор С.П. и Д.П. Шестаковыми греческой филологии как предметной области научных изысканий во многом объясняется семейной традицией. Одна линия ее связана с влиянием П.Д. Шестакова на сыновей. Сам П.Д. Шестаков избрал греческую филологию в качестве своей специальности под влиянием своего старшего брата С.Д. Шестакова, адъюнкт-профессора Московского университета. П.Д. Шестаков формировал также интерес Сергея Петровича к византийской литературе, свидетельством чему являются записи бесед, сделанные им в своем дневнике. Он внимательно следил за успехами своих детей в научной сфере, считая приоритетной для них карьеру ученого.

Другая линия – это влияние старшего из братьев, Сергея Петровича, на младшего, Дмитрия Петровича. Оно прослеживается в том, что предметом изучения избирается народный греческий язык. К этой теме обращается сам С.П. Шестаков, под его влиянием, повторим, Д.П. Шестаков избирает в качестве тем своих диссертаций изучение народной речи в комедиях Аристофана. Так же явно прослеживается и тот факт, что Д.П. Шестаков обращается к византийской тематике под воздействием С.П. Шестакова. Изучая в начале XX в. тему историю юга России в византийский период и привлекая для своих работ в качестве источника жития святых, С.П. Шестаков увлек брата изучением греческие народные сказания о святых. В результате Д.П. Шестаков решительно меняет тему магистерской диссертации.

Если в первом случае влияние касалось определения научного интереса, то в последнем оно направлено и на определение научной тематики. Здесь просматривается более тесное научное сотрудничество двух ученых. Такое сотрудничество проявляется и в области антиковедения, и в византиноведении – как в тематике работ, так и в общем избранном им направлении исследований. Таким образом, жизнь и творчество представителей научной династии Шестаковых дает яркий пример того, какую роль в науке может играть семья как своеобразное «культурное гнездо», в рамках которого происходит выбор направления профессиональной деятельности, обмен знаниями, определение и конкретизация тематики научных исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные и неопубликованные источники

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
(г. Москва) (ОР РГБ)

Ф. 218. Собрание Отдела рукописей

Перцов П.П. Письмо к Шестакову Д.П. // Картон 1379. Ед. хр. 38. – 2 л.

Соловьев В.С. Дарственная надпись Д.П. Шестакову, отзыв о его стихах и адресованное ему стихотворение «Голосом неслышным ваша книжка милая...» // Картон 1379. Ед.хр. 40. – 1 л.

Фет А.А. Письма к Шестакову Д.П. 1891-1892 гг. // Картон 1379. Ед.хр. 39. – 5 л.

Шестаков Д.П. Легенды возмездия (статья) // Картон 1391. Ед.хр. 4. – 8 л.

Шестаков Д.П. Письма к Шестаковым Александре Никитичне (жене) и Анне Дмитриевне. // Картон 1391. Ед. хр. 5. – 11 л.

Шестакова Анна Дмитриевна письма к Сорокиной Анне Ивановне. // Картон 1400. Ед. хр. 13. – 7 л.

Ф. 231. М.П. Погодин II.

Шестаков П.Д. Письма к Погодину М.П. // Картон 37. Ед.хр. 38. – 3 л.

Ф. 249. Розанов В.В.

Шестаков Д.П. Письма к Розанову В.В. // М – 4211. Ед.хр. 1. – 19 л.

Ф. 261. Издательство М. и С. Сабашниковых

Шестаков Д.П. Письмо к Нилендеру В.О. // Картон 7. Ед.хр. 4. – 2 л.

Шестаков Д.П. Письма к Сабашникову Михаилу Васильевичу // Картон 7. Ед.хр. 5. – 3 л.

Ф.433. Толстой М.В.

Граф Толстой М.В. «Шестаков» – некролог // Картон 1. Ед.хр. 20. – 4 л.

Ф. 548. Кавелины

Шестаков С.П. Письма к Корсакову Д.А. // Картон 8. Ед.хр. 37. – 2 л.

Ф. 604. Пискорский В.К.

Шестаков С.П. Письма к Пискорскому В.К. // Картон 15. Ед.хр. 35. – 2 л.

Ф. 743. Коллекция архивных материалов

Шестаков Д.П. Сборник переводов из древнеримской, византийской, корейской и европейской поэзии за 1891-1914 г. / Составитель Шестаков П.Д. (сын). // Картон 6. Ед.хр. 15. – 283 л.

Ф. 746. Гершензон М.О.

Шестаков Д.П. Письмо Гершензону М.О. // Картон 44. Ед.хр. 12.– 1 л.

Архив Российской Академии Наук (г. Москва) (Архив РАН)

Ф. 154. Институт истории науки и техники АН СССР

Аннотации и паспорта к рукописям за 1936 г. // Оп. 1. Д. 103. – 140 л.

Переписка об издании научных работ. 1936-1938 гг. // Оп. 4. Д. 78. – 95 л.

Переписка с авторами на издания 1936 г. // Оп. 1. Д. 122.– 74 л.

Планы работ на 1936 г. // Оп.1. Д. 94. – 55 л.

Ф. 397. Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Отчет о научно-исследовательской работе за 1938 г. // Оп. 1. Д. 12. – 50 л.

Отчет о научно-исследовательской работе за 1940 г. и индивидуальные отчеты сотрудников // Оп. 1. Д.56. – 63 л.

План научно-исследовательской работы за 1939 г. // Оп.1. Д. 32. – 76 л.

Стенограммы заседаний секции античной литературы. Январь – июнь 1939 г. // Оп. 1. Д. 51. – 210 л.

Стенограммы заседаний секции античной литературы за 1939 г. // Оп. 1. Д. 53. – 240 л.

Стенограммы заседаний секции античной литературы за 1940 г. // Оп. 1. Д. 79. – 200 л.

Стенограммы заседаний секции античной литературы за 1940 г. // Оп. 1. Д. 80. – 34 л.

Ф. 411. Отдел Кадров АН СССР. Личные дела

Шестаков С.П. // Оп. 4-а. Личные дела умерших членов-корреспондентов. Д. 14. – 8 л.

Ф. 457. Отделение истории и философии РАН.

Разная переписка 1939-1940гг. // Оп. 1-39. Д. 19. – 206 л.

Ф. 558. Корш Ф.Е.

Шестаков С.П. Письма к Ф.Е. Коршу. 1907 г. // Оп. 4. Д. 380. – 8 л.

Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете (ОРК НБЛ КГУ).

Ф. 6. Н.В. Никольский.

Шестаков С.П. Из новой литературы по истории фольклора. Переводы с нем. Казань, б.г. // Ед.хр. 42. – 31 л.

Ф. 21. Сергея Петровича и Дмитрия Петровича Шестаковых

Разрозненные черновые материалы из архива С. П. и Д.П. Шестаковых. Б.г. // Ед.хр. 15. – 91 л.

Шестаков Д.П. Античные и международные мотивы в греческих сказаниях о святых. Б.м., б.г. [отд. оттиск] // Ед.хр. 33. – 35 с.

Шестаков Д.П. Вновь открытые толкования словарь к Демосфену. Казань: Типография Каз. ун-та, 1906 // Ед.хр. 28. – 45 с.

Шестаков Д.П. Греческие частные древности. 1884 г. // Ед.хр. 6. – 2 л.

Шестаков Д.П. Два момента из истории нашей археологической науки. Владивосток: типография Гос. Дальневост. ун-та, 1926 // Ед.хр. 32. – 43 с.

Шестаков Д.П. К вопросу о методах преподавания английского языка. Владивосток: типография Гос. Дальневост. ун-та, 1926 // Ед.хр. 31. – 20 с.

Шестаков Д.П. К вопросу о народной речи в комедии Аристофана. Казань: Типография Каз. ун-та, 1916 // Ед.хр. 30. – 38 с.

Шестаков Д.П. Новейшие изучения древнегреческой литературы и жизни. Казань: Типография Каз. ун-та, 1904 // Ед.хр. 27. – 79 с.

Шестаков Д.П. Отдельные оттиски рецензий на различные труды. Б.м., 1902-1914. – 15 отдельных брошюр // Ед.хр. 34.

Шестаков Д.П. Отчет о занятиях во время летней командировки. Варшава: Типография Варшав. Учеб. Округа, 1912 // Ед.хр. 29. – 28 с.

Шестаков Д.П. Письмо от декана историко-филологического факультета. 1 мая 1918 г. // Ед.хр. 13. – 1 л.

Шестаков Д.П. Сонник Артемидора. Б.г. // Ед.хр. 7. – 27 с.

Шестаков Д.П. Стихотворения: (материалы к библиографии) / Сб. составил П.Д. Шестаков. Б.м., 1979 // Ед.хр. 12. – 294 л.

Шестаков Д.П. Черновики писем: 1) Виктору Федоровичу(?) б.г. 1 л.; 2) В правление университета. 18 мая 1922 г. // Ед.хр. 14. – 1 л.

Шестаков С.П. Квитанция об уплате денег за второе полугодие учебного года. Ч. 2. 1884 г. // Ед.хр. 5. – 1 л.

Ф. 24. А.С. Шофман

Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии. Б.м., б.г. // Ед.хр. 138. – 30 л.

Материалы основного фонда хранения

Архивные материалы Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. // Ед. хр. 7585. –

Извещения о заседаниях Совета общества // Ед.хр. 9261. –

Отношение г. Сенатору, ревизирующему Казанскую губернию и г. Казанскому губернатору об исходотайствовании 300руб. субсидий на поддержку Булгарских памятников. 1881 г. // Ед.хр. 9264. – 2 л.

Петровская М.Н. О моих предках (документированный рассказ) // Ед. хр. 10007. –

Письмо Министру народного просвещения А.С. Уварову. Ед.хр. 9701. – 1 л. – год, место...

Шестаков Д.П. Почетные зрители афинского Дионисова театра (по надписям, сохранившимся в его развалинах) // Ед.хр.1963.

Шестаков П.Д. 1) Автобиография. Черновик. – 56, 24 л. 2) Воспоминания попечителя. 1873 и 1878 годы. Черновик // Ед.хр. 7.621.

Шестаков П.Д. Вместо предисловия к моим воспоминаниям. Историко-этнографический обзор 11-ти губерний, входивших в Казанский учебный округ // Ед.хр. 7.622. – 98 с.

Шестаков П.Д. Дневник // Ед.хр. 7.620. – 14, 1676 л.

Шестаков П.Д. Екатеринбургская гимназия под напором нигилизма и социализма. Казань, 70-80-е годы XIX в. // Ед.хр.8.390. – 8 л.

- Шестаков П.Д.* Переписка. 1855-1889 гг. // Ед.хр.8149. – 375 л.
- Шестаков П.Д.* Письма к жене. Казань, 1862-1873 гг. // Ед.хр.9682. – 9 л.
- Шестаков П.Д.* Студенческие беспорядки 1881года в Казани. Казань, 1889 // Ед.хр. 8234. – 28 с.
- Шестаков П.Д.* Черновики писем попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова. Казань. 60-80-е годы XIX в. // Ед.хр.8150. –
- Шестаков П.Д.* Черновые материалы (речи, записки, наброски). Казань, 70-80-е годы XIXв. // Ед.хр. 8151. – 18 л.
- Шестаковы П.Д. и А.Я.* Переписка. 1862-1891 гг. // Ед.хр.8152. – 29 л.
- Шестаков С.П.* Библиографические заметки. 1926 // Ед.хр. 2412. – 6 л.
- Шестаков С.П.* Гунны до Р.Х. 1921–1923гг. // Ед.хр. 2411. – 6 л.
- Шестаков С.П.* Записная книжка (выписки и заметки по греческой драматургии). Б.м., б.г. // Ед.хр. 9652. – 91 л.
- Шестаков С.П.* Некролог, написанный акад. С.А. Жебелевым (из хроники в Известиях АН СССР). 1941 // Ед.хр. 6.435. – 5 с.
- Шестаков С.П.* О банях у финских народностей. Казань, 1926 // Ед.хр. 2410. – 4 л.
- Шестаков С.П.* Смерть Аттилы в истории и сказании. 1920-30гг. // Ед.хр. 2409.
- Шестаков С.П.* Фотопортрет // Ед.хр. 7685 (мед-230).

Национальный Архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф. 92. Канцелярия попечителя Казанского учебного округа

Об увольнении попечителя Казанского учебного округа Шестакова от службы // Оп. 1. Д. 15525. – 12 л.

Об утверждении ординарного профессора С.П. Шестакова в должности директора Высших женских курсов в Казани // Оп. 2. Д. 19654. – 2 л.

О командировании в русский Археологический институт в Константинополе профессорского стипендиата Казанского университета Д. Шестакова // Оп. 2. Д. 7739. – 2 л.

О назначении Д.П. Шестакова экстраординарным профессором Императорского Казанского университета // Оп. 2. Д.15602. – 18 л.

О назначении приват-доцента Казанского университета, доктора греческой словесности Сергея Петровича Шестакова экстраординарным профессором того же университета по кафедре греческого языка и литературы // Оп. 2. Д. 676. – 14 л.

Ф. 131. Высшие женские курсы

Протоколы заседаний Совета. 1916 г. // Оп. 1. Д.161. – 189 л.

Протоколы заседаний Совета. 1916–1917 гг. // Оп. 1. Д. 172 б. – 170 л.

О составлении списка должностных лиц на 1917 г. и отчета о состоянии и деятельности курсов за 1916 г. // Оп.1. Д. 146. – 67 л.

Ф. 977. Казанский государственный университет (1804–1918)

Документы о подготовке к профессорскому званию Шестакова. 1903 г. // Опись Совет. Д. 10811. – 78 л.

Документы о направлении профессоров и служащих в командировки. 1914 г. // Опись Совет. Д. 12813. – 358 л.

Об оставлении при Университете для приготовления к профессорскому званию Дмитрия Шестакова по кафедре классической филологии // Опись Истфилфак. Д.1902.

Об оставлении на 2 года при университете кандидатов по классической филологии Шестакова и Черняева и кандидата по философии Корнилова // Опись Истфилфак. Д. 1362. – 90 л.

О доставлении заключения по прошению приват-доцента Шестакова о назначении его исправляющим должность экстраординарного профессора // Опись Истфилфак. Д. 1707. – 12 л.

О командировании ординарного профессора С.П. Шестакова с ученой целью за границу на летнее вакационное время 1908г. // Опись Истфилфак. Д. 2036.

О командировании профессорского стипендиата Шестакова в Москву и Санкт-Петербург для занятий в библиотеках // Опись Истфилфак. Д. 1471. – 4 л.

О научных командировках ученых университета // Опись Истфилфак. Д.2345. – 53 л.

О переводе ординарного профессора Варнеке ординарным профессором в Новороссийский университет, о назначении и.д. доцента Варшавского университета Шестакова и.д. экстраординарного профессора Казанского университета по кафедре классической филологии // Опись Истфилфак. Д.2165. – 20 л.

О присвоении звания ординарного профессора и.д. экстраординарного профессора Шестакову // Опись Истфилфак. Д.2407. – 4 л.

О соискании и.д. экстраординарным профессором Д.П. Шестаковым степени доктора греческой словесности // Опись Истфилфак. Д.2392.

О соискании приват-доцентом, магистром греческой словесности Шестаковым степени доктора греческой словесности // Опись Истфилфак. Д. 1762. – 16 л.

О соискании степени магистра греческой филологии С.П. Шестаковым // Описание Истфилфак. Д. 1561. – 12 л.

О III историко-археологическом съезде во Владимире и о XIII археологическом съезде в Екатеринославле // Описание Истфилфак. Д. 1920.

Отчет о занятиях Д.П. Шестакова, командированного в Русский археологический институт в Константинополе в 1909г. // Описание Истфилфак. Д. 2114.

Отчет стипендиата Д. Шестакова о занятиях его в Русском археологическом институте в Константинополе в 1908г. // Описание Совет. Д. 11567. – 25 л.

О чествовании ординарного профессора С.П. Шестакова по случаю исполнившегося 8 августа 1916 г. тридцатилетия его службы // Описание Истфилфак. Д.2449. – 19 л.

Переписка с Советом и профессорами об оставлении окончивших курс историко-филологического факультета Е. Чернышева и Ю.А. Иванова при университете для подготовки к профессорскому званию. 1917–1921 гг. // Описание Истфилфак. Д. 2493. – 45 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1897 г. // Описание Истфилфак. Д. 1674. – 165 л.

Протоколы... 1898 г. // Описание Истфилфак. Д. 1718. – 183 л.

Протоколы... 1900 г. // Описание Истфилфак. Д.1784. – 121 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1902 г. // Описание Истфилфак. Д.1843. – 99 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1905 г. // Описание Истфилфак. Д. 1949. – 136 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1906 г. // Описание Истфилфак. Д. 1983.– 113 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1906 г. // Описание Истфилфак. Д. 1984. – 122 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1911 г. // Описание Истфилфак. Д.2173. – 172 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1915 г. // Описание Истфилфак. Д.2377. – 157 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1916. // Описание Истфилфак. Д. 2433. – 107 л.

Протоколы заседания Совета историко-филологического факультета. 1917 г. // Описание Истфилфак. Д.2470. – 154 л.

Формулярный список С.П. Шестакова // Описание 619. Личные дела профессорско-преподавательского состава. Д.30. – Л. 29–60.

Формулярный список Д.П. Шестакова // Описание 619. Личные дела профессорско-преподавательского состава. Д.30. – Л.65–85.

Ф. Р-1337. Казанский государственный университет (1918 – ...)

Материалы по организации Факультета общественных наук и упразднении историко-филологического факультета // Оп. 2. Д. 4. – 25 л.

Переписка о научных командировках профессорско-преподавательского состава факультета (1921 г.) // Оп. 27. Д. 14. – 47 л.

Переписка с правлением о научных командировках профессорско-преподавательского состава факультета // Оп. 27. Д. 18. – 38 л.

Протоколы заседаний Совета университета. 1918 г. // Оп. 1. Д. 4. – 276 л.

Протоколы заседаний историко-филологического факультета за 1918 и 1919 г. // Оп. 2. Д. 1. – 124 л.

Протоколы заседаний факультета общественных наук (1922 г.) // Оп. 27. Д. 15. – 35 л.

Сведения о профессорах факультета общественных наук (1921 г.) // Оп. 27. Д. 13. – 121 л.

Ф. Р-1339. Северо-Восточный археологический и этнографический институт.

Учебные программы и годовые отчеты по дисциплинам, доклад директора института Покровского о целях и задачах института // Оп. 1. Д. 4. – 73 л.

Именные списки профессоров и преподавателей института // Оп. 2л. Д. 14. – 7 л.

Ф. Р-1487. Казанский государственный педагогический университет

Годовые отчеты факультетов за 1922-23 учебный год // Оп. 1. Д. 39. – 205л.

Отчеты преподавателей о работе за 1923-24 учебный год // Оп. 1. Д. 53. – 19 л.

Список личного состава // Оп. 1 л. Д. 94. – 24 л.

Список личного состава // Оп. 1 л. Д. 53.

Воспоминания, дневники, автобиографии, некрологи

Дневники академика М.В. Нечкиной / М.В. Нечкина; [публикацию подготовили Е.Р. Курапова, С.В. Копылова] // ВИ. – 2004. – № 10. – С. 114–137.

Дневники М.В. Нечкиной. Казань и Казанский университет: (1917 – 1924 г.) / М.В. Нечкина; Архив Рос. Акад. Наук; [вступ. ст., коммент. и подгот. текста А.Н. Бикташевой; науч. ред. Е.Л. Рудницкая].– Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – 107 с.

«Когда я буду «великим» человеком ... очень пригодятся мои тетради...» (из дневниковых записей академика М.В. Нечкиной. 1913 – 1923 гг.) / М.В. Нечкина // Отечественные архивы. – 1997. – № 5. – 55–92; №6. – С. 42–92.

Жебелев С.А. С.П. Шестаков (некролог) / С.А. Жебелев // Известия Ан СССР. – Отд. Лит. и языка. – 1941. – № 1. – Хроника. – С. 152–154.

Иванов Ю.А. Профессор Сергей Петрович Шестаков: к сорокалетию ученой деятельности / Ю.А. Иванов // ВВ. – 1926. – Т. 24. – С. 93–94.

Иванов Ю.А. Список ученых трудов проф. С.П. Шестакова (1886 – 1916) / Ю.А. Иванов // УЗКУ. – 1917. – Кн. 3–4. – Раздел критики и библиографии. – С.1-17.

Ключевский В.О. Московский университет в письмах и записках / В.О. Ключевский // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник. – М.: Современник, 1989. – С. 420–435.

Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. / П.П. Перцов; [вступ. ст. сост., подг. текста и коммент. А.В. Лаврова]. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 496 с.

Смоленский С.В. Из воспоминаний о Казани и Казанском университете в 60-х и 70-х годах / С.В. Смоленский // Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни. – Казань: типография императорского университета, 1904. – С. 237–274.

Фирсов Н.Н. Памяти П.Д. Шестакова. Мысли его об общественном воспитании в России вообще и о просвещении инородческого населения северо-восточной России в частности / Н.Н. Фирсов. – Казань: типография Казанского университета, 1891. – 20 с.

Шестаков С.П. (Автобиографический очерк) / С.П. Шестаков // Словарь профессоров и преподавателей Казанского университета [под ред. Н.П. Загоскина]. – Казань, 1904. – С. 201–203.

Шестаков С.П. Д.Ф. Беляев (некролог) / С.П. Шестаков // ЖМНП. – 1901. – Ч. 336. Отд.4. – С. 9–31.

Труды Петра Дмитриевича Шестакова (1827 – 1889)

Шестаков П.Д. Краткий педагогический отчет о заграничном путешествии / П.Д. Шестаков // Циркуляр по управлению Московским учебным округом. – 1863. – № 1. – С. 1–10.

Шестаков П.Д. Из воспоминаний педагога / П.Д. Шестаков // Воспитание. – 1862. – Т. XII. – № 9. – С. 196–215.

Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1887. – Т. 55. – Кн. XI. – С. 656 .

Шестаков П.Д. Студенчество 1840-х годов / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1887. – Т. 55. – С. 641–662.

Шестаков П.Д. О студенческих волнениях в Москве 1861 года / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1888. – Кн. X. – С. 203–223, Кн. XI. – С. 353–370.

Шестаков П.Д. О студенческих волнениях в Казани 1882 года / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1888. – Т. LX. – Кн. XII. – С. 649–670; 1889. – Т. LXI. – Кн. I. – С. 113–130.

Шестаков П.Д. Первый год моей учительской службы / П.Д. Шестаков // Волжский Вестник. – 1889. – № 272, 277, 281, 283.

Шестаков П.Д. Заметки к воспоминаниям / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1889. – Т. LXIV. – Кн. X. – С. 248.

Шестаков П.Д. Граф Д.А. Толстой как министр народного просвещения / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1891. – Т. LXIX. – Кн. II. – С. 387–405; Кн. III. – С. 776; Т. LXX. – Кн. IV. – С. 183–210.

Шестаков П.Д. Студенческие волнения в Казани в 1887 г. / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1892. – Т. LXXIV. – Кн. IV. – С. 489–539.

Шестаков П.Д. Тяжелые дни Казанского университета / П.Д. Шестаков // Русская старина. – 1896. – Т. LXXXVIII. – Кн. XII. – С. 519–539; 1897. – Т. LXXXIX. – Кн. I. – С. 113–144.

Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре / П.Д. Шестаков // Труды IV археологического съезда. – Т.1. – Казань: типография Казанского университета, 1884. – С. 1–28.

Шестаков П.Д. Где находятся книги, писанные зырянской или пермской азбукой, составленной св. Стефанием Великопермским? / П.Д. Шестаков // Труды IV археологического съезда. – Т. 1. – Казань: Казань: типография Казанского университета, 1884. – С. 1–20.

Шестаков П.Д. О влиянии русского языка на языки инородческие / П.Д. Шестаков // Труды IV археологического съезда. – Т. 1. – Казань: Казань: типография Казанского университета, 1884. – С. 1–18.

Шестаков П.Д. Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа / П.Д. Шестаков. – Казань, 1869. – 126 с.

Шестаков П.Д. Несколько слов о могильнике, находящемся близ деревни Ананьинской, в четырех верстах от г. Елабуги / П.Д. Шестаков // ИОАИЭ. – 1879. – Т. 2. – С. 72–73, 128–134.

Шестакова П.Д. Ответ на статью в «Московских ведомостях» / П.Д. Шестаков // Волжско-Камское слово. – 1882. – № 200.

Шестаков П.Д. Попытка объяснения одного места из Булгарской летописи Хисам-Эддина Ибн-Шараф-Эддина / П.Д. Шестаков // ИОАИЭ. – 1879. – Т. 2. – С. 147–154.

Шестаков П.Д. По поводу сообщения Н.И. Золотницкого: «Лингвистическая заметка о названиях Булгар, Биляр и Маркваши» / П.Д. Шестаков // ИОАИЭ. – 1879. – Т.3. – С. 57–59.

Шестаков П.Д. Речь на актовом дне во 2-ой Казанской гимназии // Волжско-Камское слово. – 1882. – № 179.

Шестаков П.Д. Кто были древние Булгары / П.Д. Шестаков // ИОАИЭ. – 1879. – Т.3. – С. 60–72.

Шестаков П.Д. Кто были древние Булгары / П.Д. Шестаков // ИОАИЭ. – 1879. – Т.4. – С. 45–49.

Труды Сергея Петровича Шестакова (1864 – 1940)

Шестаков С.П. Византийский посол на Руси Мануил Комнин. Отд. оттиск из сборника статей, посвященных Д.А. Корсакову / С.П. Шестаков. 1913. – 16 с.

Шестаков С.П. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра / С.П. Шестаков // ВВ. – 1901. – Т. VII. – С. 38–63.

Шестаков С.П. [рец. на] Georgii monachi Chronicon. Ed.Carolus de Boor. Voll. I-II, textum genuinum continentia. Lipsiae. 1904 / С.П. Шестаков // ВВ. – 1906. – Т. XIII. – С. 97–101.

Шестаков С.П. Гомер в схолиях / С.П. Шестаков // ФО. – 1) 1900. – Т. XVIII. – Кн.1. – С. 3–18; 2-3) Кн.2. – С. 12–40; 4) Т. XX. – Кн.2. – С. 137–152.; Т. XXI. – Кн.1. (1902г.) – С. 3–42.

Шестаков С.П. Греческие лирики. Вып.1 / С.П. Шестаков. – Казань: Казанский университет, 1907. – 31 с.

Шестаков С.П. В.А. Жуковский как переводчик Гомера / С.П. Шестаков // Чтения в обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете. – Т. XXII. – Казань: типо-литография Императорского университета, 1902. – 43 с.

Шестаков С.П. Завещание общинного врача Фебаммона / С.П. Шестаков // ИОАИЭ. – 1919. – Т. XXX. – Вып.2. – С. 151–165.

Шестаков С.П. Заметки к Гомеру (представлено акад. С.А. Жебелевым в ОГН 29 октября 1929) / С.П. Шестаков // Доклады АН СССР. – 1929. – С. 271–273.

Шестаков С.П. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524 / С.П. Шестаков // ВВ. – 1926. – Т. 24. – С. 45–56.

Шестаков С.П. Из новейшей литературы, относящейся к греческой трагедии / С.П. Шестаков // Гермес. – 1908. – №3. – С. 76–78; №4. – С. 97–111.

Шестаков С.П. Из новейшей литературы по истории эллинизма / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1907. – 27 с.

Шестаков С.П. Иоанн Ритор в церковной истории Евагрия / С.П. Шестаков // УЗКУ. – 1890. – Кн. V. – С. 97–132.

Шестаков С.П. История греческого красноречия. Вып.1. (из лекций по истории греческой литературы) / С.П. Шестаков // УЗКУ. – 1911. – Кн. 8–11. – С.1–144.

Шестаков С.П. Кандид Исаврийский / С.П. Шестаков // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. – Т. IV. Византийское отделение. – Одесса, 1894. – С. 124–149.

Шестаков С.П. К вопросу об авторе продолжения Феофана / С.П. Шестаков // Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines. Belgrad, 1927. Compte-rendu. – Belgrad, 1929.

Шестаков С.П. К вопросу о месте крещения св. Владимира / С.П. Шестаков // ИОАИЭ. – Т. XXIII. – Вып.5. – С. 319–339.

Шестаков С.П. К вопросу о национальности древнейшего населения южной России / С.П. Шестаков // ИОАИЭ. – Т. XXII. – Вып.2. – С. 119–145.

Шестаков С.П. К вопросу о первобытном населении Греции / С.П. Шестаков // Гермес. – 1909. – №1. – С. 13–16; №2. – С. 47–49.

Шестаков С.П. К истолкованию херсонской надписи времен Зинона / С.П. Шестаков // ЖМНП. – 1906. – Ч.II. – С. 140–151.

Шестаков С.П. К истории греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X в. / С.П. Шестаков // «Byzantinoslavica». – Т.1. – 1929. – С. 159–164.

Шестаков С.П. К критике текста хроники Георгия Монаха / С.П. Шестаков // ВВ. – 1895. – Т.2. – С. 551–580.

Шестаков С.П. К литературе трепетников / С.П. Шестаков // ИОАИЭ. – 1909. – Т. XXV. – Вып.5. – С. 49–90.

Шестаков С.П. К оксиринхскому историку / С.П. Шестаков // ЖМНП. – 1910. – Ч. XXIX. – Октябрь. – С. 441–470.

Шестаков С.П. Красноречие у древних греков в его влиянии на их историческую литературу / С.П. Шестаков // ФО. – 1902. – Т. XXI. – Кн. 1. – С. 123–192.

Шестаков С.П. Культурные отношения Швеции и России в текущей шведской археологической литературе / С.П. Шестаков // ИОАИЭ. – 1924. – Т. XXXIII. – Вып.4. – С. 53–65.

Шестаков С.П. [рец. на] Латышев В.В. Две речи Феодора Дафнопата / С.П. Шестаков // ЖМНП. – 1910. – Ч. VI (новая серия). – С. 403–415.

Шестаков С.П. [рец. на] Латышев В.В. Страдание св. славного великомученика Георгия / С.П. Шестаков // ВВ. – 1913. – Т.18. – С. 14–19.

Шестаков С.П. Лекции по истории Византии / С.П. Шестаков. – Т.1. – Казань: книж. маг. Голубева, 1915. –437 с.

Шестаков С.П. Ф.Г. Мищенко (некролог) / С.П. Шестаков // ЖМНП. – 1907. – Ч. X (новая серия). – С. 39–74.

Шестаков С.П. Несколько слов по поводу рецензии на книгу «О происхождении Одиссеи» / С.П. Шестаков // ЖМНП. – 1893. – Ч. ССLXXXVII. – Июнь. Отд.2. – С. 551–556.

Шестаков С.П. О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста / С.П. Шестаков // ВВ. – 1894. – Т.1. – С. 503–552.

Шестаков С.П. Оксирихский историк / С.П. Шестаков // ЖМНП. – 1909. – Ч.24. – С. 51–88, 285–312.

Шестаков С.П. О начале христианства в Херсонесе / С.П. Шестаков // «Serta Borysthenica» Сб. в честь проф. Ю.А. Кулаковского. – Киев, 1911. С. 192–208.

Шестаков С.П. О происхождении Илиады Гомера. Пробная лекция / С.П. Шестаков // УЗКУ. – 1890. – Кн. IV. – С. 67–108.

Шестаков С.П. О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении Одиссеи / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1892. – 238 с.

Шестаков С.П. О происхождении поэм Гомера. Вып.2. О происхождении «Илиады»: Эюд из истории литературы гомеровского вопроса и анализ «Илиады» с точки зрения теории зерна / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1899. – 509 с.

Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха / С.П. Шестаков // УЗКУ. – 1891. – Кн.2. – С. 121–140; Кн.3. – С. 89–110; Кн.5. – С. 1–56; 1892. – Кн.1. – С. 173–198; Кн.3. – С. 1–46.

Шестаков С.П. О рукописях Симеона Логофета / С.П. Шестаков // ВВ. – 1898. – Т.V. – С. 19–62.

Шестаков С.П. Ответ рецензенту / С.П. Шестаков // ВВ. – 1895. – Т. II. – С. 243–245.

Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса. (Очерки по истории Херсонеса в VI – Хвв. По Р.Хр. Вып.3.) / С.П. Шестаков. – М., 1908. – 142 с.

Шестаков С.П. Парижская рукопись Симеона Логофета / С.П. Шестаков // ВВ. – 1897. – Т.IV. – С. 167–183.

Шестаков С.П. Письма-энкомии ритора Либания / С.П. Шестаков // Записки Императорского Общества истории и древностей. – 1912. – Т. XXX. – С. 97–108.

Шестаков С.П. По вопросу об источниках хроники Георгия монаха (Амартола). (IV книга хроники) / С.П. Шестаков // Записки Императорской Академии Наук. – 1892. — приложение к LXX тому № 4. – С. 1–58.

Шестаков С.П. Повторения у Гомера / С.П. Шестаков // УЗКУ. – 1909. – Кн. 2. – С. 1–50.

Шестаков С.П. Повторения у Гомера по книге Martin Goldschmidt, *Gentagelserne ide homeriske Digte*. Копенгаген, 1900 / С.П. Шестаков. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. – 51с.

Шестаков С.П. Положения к магистерской диссертации / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1892. – 1 с.

Шестаков С.П. По поводу новейших трудов по истории и топографии Херсонеса Таврического / С.П. Шестаков // ИОАИЭ. – 1908. – Т. XXIV. – Вып.4. – С. 303–339. Тоже. Отдельный оттиск. Казань: типография Казанского университета, 1908. – 37 с.

Шестаков С.П. Программа по истории Византии / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1917. – 4 с.

Шестаков С.П. Прибавление к статье «О значении славянского перевода Малалы» / С.П. Шестаков // ВВ. – 1895. – Т.II. – С. 372–377.

Шестаков С.П. Религиозно-нравственные воззрения Эсхила. (Вступительная лекция, читанная в Казанском университете) / С.П. Шестаков // УЗКУ. – 1890. – кн. VI. – С. 38–62.

Шестаков С.П. Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков / С.П. Шестаков // ИОАИЭ. – 1923. – Т.32. – Вып.2. – С. 97–114.

Шестаков С.П. Язык «Еротокрита» со стороны его лексического состава / С.П. Шестаков // ВВ. – 1906. – Т. XIII. – С. 58–112, 364–418.

Труды Дмитрия Петровича Шестакова (1869 – 1938)

Шестаков Д.П. Античные и международные мотивы в греческих сказаниях о святых / Д.П. Шестаков // ЖМНП. – 1911. – Ч. XXXVI. – ноябрь. – С. 497–531.

Шестаков Д. Афинско-аргосский союзный договор 420 г. до Р.Хр. и передача его Фукидидом / Д.П. Шестаков // УЗКУ. – 1891. – Кн.2. – С. 75–92.

Шестаков Д.П. Галикарнасская надпись конца 80-ой Олимпиады и ее важность при изучении Геродота / Д.П. Шестаков // УЗКУ. – 1891. – Кн.4. – С. 72–78.

Шестаков Д.П. Греческая филология в славянской науке / Д.П. Шестаков // ЖМНП. – 1909. – Ч. XXIV. – С. 504–522.

Шестаков Д.П. Вновь открытые толкования и словарь к Демосфену / Д.П. Шестаков // УЗКУ. – 1907. – Кн.1. – С. 1–47.

Шестаков Д.П. Исследования в области греческих народных сказаний о святых / Д.П. Шестаков // Варшавские университетские известия. – 1909. – № 9. – С. 1–24; 1910. №1–7. – С. 25–232; №10. – С. 233–268.

Шестаков Д.П. К вопросу о народной речи в комедии Аристофана (заметки и параллели) / Д.П. Шестаков // УЗКУ. – 1916. – Кн.12. – С. 1–38

Шестаков Д.П. Новейшие изучения древнегреческой литературы и жизни / Д.П. Шестаков // УЗКУ. – 1904. – Кн.10. – С. 1–78.

Шестаков Д.П. О некоторых основных течениях в современной науке классической филологии / Д.П. Шестаков // ЖМНП. – 1912. – Ч. XXXIX. Отд. V. – С. 233–251.

Шестаков Д.П. Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана / Д.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1912. – 274 с.

Шестаков Д.П. Отчет о занятиях во время летней командировки / Д.П. Шестаков // Варшавские университетские известия. – 1912. – № 7. – С. 1–28.

Шестаков Д.П. Три поэта Византийского Ренессанса / Д.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1906. – С. 1–36.

Шестаков Д.П. Сохранность греческой литературы и египетские папирусы / Д.П. Шестаков // Гермес. – 1911. – № 11–12. – С. 292–298; №13. – С. 330–334.

Шестаков Д.П. Чешские новости греческой филологии / Д.П. Шестаков // ЖМНП. – 1910. – Ч. XXVII. – С. 191–207.

Шестаков Д.П. [рец. на] А.М. Миронов Изображение богини Победы в греческой пластике. Казань, 1911 / Д.П. Шестаков // ЖМНП. – 1912. – Ч. XL. – С. 152–158.

Переводы, выполненные С.П. и Д.П. Шестаковыми

Андрей Везалий. О строении человеческого тела / Перевод (с изд. 1725 г.) чл.-корр. АН СССР, проф. С.П. Шестакова / С.П. Шестаков [под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского] // УЗКУ. – 1930. – Т. 90. (отдел медицинские науки). – Кн.2. – С. 162–180; кн.6. – С. 1098–1102.

Андрей Везалий. О строении человеческого тела: в семи книгах / Перевод с латинского действительного члена АМН СССР В.Н. Терновского и члена-корреспондента АН СССР С.П. Шестакова / В.Н. Терновский, С.П. Шестаков. – М.: Академия Наук СССР. – Т.1. – 1950; Т.2. – 1954.

Либаний. Речи / Перевод, примечания и введение С.П. Шестакова / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1914. – Т. I. – ХСІ, 522 с.; Казань: типография Казанского университета, 1916. – Т. II. – 572 с.

Шестаков Д.П. Три комедии Аристофана (перевод с греческого) / Д.П. Шестаков // УЗКУ. – 1915. – Кн.2. – Приложения. – С. 1–250.

Труды по античности и истории Византии второй половины XIX – начала XX вв.

Bury J.B. History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395-800). 2 vol. / J.B. Bury. – London, 1889.

Bury J.B. A history of the Eastern Roman Empire. From the fall of Irene to the accession of Basil I (802-867) / J.B. Bury. – London, 1912. – XV, 530 p.

Беляев Д.Ф. Библиографическая заметка. О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении Одиссеи. Исследование С. Шестакова / Д.Ф. Беляев. Казань, 1892. Отд. оттиск. – Казань, 1893. – 9 с.

Беляев Д.Ф. История греческого эпоса. Литограф. курс лекций / Д.Ф. Беляев. – Б.м., б.г. – 180 с.

Беляев Д.Ф. Омировские вопросы. 1.О зиянии в Одиссеи. 2.О начальном согласном, отпавшим перед гласным в Одиссеи / Д.Ф. Беляев. – СПб., 1875. – 208 с.

Беляев Д.Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. В 3-х книгах. Кн. 1. Обзор главных частей большого дворца византийских царей. СПб., 1891. – 200 с.; кн.2. Ежедневный и воскресный приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Святой Софии в IX – X вв. СПб., 1893. – XLVII, 308 с.; кн.3. Богомольные выходы византийских царей в город и пригородные храмы Константинополя / Д.Ф. Беляев. – СПб., 1906. – II, 188 с.

Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и начале XX в. / В.П. Бузескул. – Изд. 2-е. – Харьков, 1904. – V, 533 с.

Бузескул В.П. Разработка древнегреческой истории в России / В.П. Бузескул // Анналы. – 1924. – №4. – С. 139–153.

Бузескул В.П. Современное научное движение в области греческой истории / В.П. Бузескул // Исторические этюды. – СПб, 1910. – С.18–19.

Бузескул В.П. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние тридцать лет / В.П. Бузескул // Русская мысль. – 1900. – февраль. – С. 58–79.

Васильев А.А. Лекции по истории Византии. Т.1. Время до крестовых походов (до 1084 года) / А.А. Васильев.– Пг.: тип. Я. Башмакова и К, 1917. – 355с.

Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.) / А.А. Васильев. – СПб., 2000. – 512 с.

Варнеке Б.В. Отзыв о сочинении С.П. Шестакова «Очерки по истории Херсонеса в VI – X вв. По Р.Хр.» М., 1908 / Б.В. Варнеке, М.Г. Похруженко, С.Д. Пападимитриу // Записки Одесского общества древностей. – Т. XXXI. (протоколы).– С. 131–135.

Воеводский Л.Ф. Введение в мифологию Одиссеи / Л.Ф. Воеводский. – Ч.1. – Одесса, 1881. – 235 с.

Воеводский Л.Ф. О занятиях по критике и мифологии гомеровского эпоса. Отчет за время заграничной командировки с 1 июня 1878 по 1 июня 1879 / Л.Ф. Воеводский. – Одесса, 1880. – 90 с.

Воеводский Л.Ф. О так называемых «гомеровских поэмах». Вступительная лекция / Л.Ф. Воеводский. – Одесса, 1876. – 27 с.

Gleye С.Е. [рец. на:] Шестаков С.П. 1) О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // УЗКУ. – 1891. – Т.58,59; 2) По вопросу об источниках хроники Георгия монаха (Амартола). (IV книга хроники). // Записки императорской Академии Наук. – 1892. – № 4. – приложение / С.Е. Gleye // Byzantinische Zeitschrift. – 1894. – Bd.III. – P.156–158.

Gleye С.Е. [рец. на:] Шестаков С.П. Иоанн ритор в церковной истории Евагрия // УЗКУ. – 1890. – кн. V. – С. 97–132 / С.Е. Gleye // Byzantinische Zeitschrift. – 1895. – Bd. IV. – P. 625–630.

Дератани Н.Ф. [рец. на:] История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. Т.1. – Эпос, лирика, драма классического периода. М.-Л., 1946. – 487с. / Н.Ф. Дератани // ВДИ. – 1947. – №2. – С. 72–81.

Деревицкий А.Н. Из комментария к Илиаде / А.Н. Деревницкий. Отд. оттиск из Записок Харьковского университета. – Вып. 1. – Харьков, 1893. – С. 1–17.

Джебб Р. Гомер. Введение к «Илиаде» и «Одиссеи» / Пер. с англ. А.Ф. Семенова / Р. Джебб. – СПб.: «Изд-е Л.Ф. Пантелеева», 1892. – 227 с.

Зелинский Ф. Старые и новые пути в гомеровском вопросе. С. Шестаков. О происхождении поэм Гомера. Вып. 2. О происхождении «Илиады»: Этюд из истории литературы гомеровского вопроса и анализ «Илиады» с точки зрения теории зерна / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1899. – 509 с. / Ф.Ф. Зелинский // ЖМНП. – 1900. – Ч. СССХХІХ. – Отд. 2. – С. 167–195.

Зелинский Ф.Ф. О синтагмах в древнегреческой комедии / Ф.Ф. Зелинский // ЖМНП. – 1883. – №4–6.

Зелинский Ф.Ф. О дорийском и ионийском стиле в древнеаттической комедии / Ф.Ф. Зелинский // ЖМНП. – 1885. – №1–5.

Известия XIII археологического съезда. – № 1–10. Харьков, 1906. – 147 с.

Извлечения из протоколов заседаний предварительного комитета IV археологического съезда. – Казань: типолитография Казанского университета, 1877. – 94с.

Из общественной хроники // Вестник Европы. – 1882. – октябрь; декабрь.

Иноземцев А. Гомеровский вопрос с антифольфианской точки зрения / А. Иноземцев. – Саратов, 1877. – 22 с.

История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. Т.1. – Эпос, лирика, драма классического периода. – М.-Л., 1946. – 487 с.

Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т.2. Греческий текст «продолжения Амартола», исследование / В.М. Истрин. – Петроград, 1922. – 454 с.

Истрин В.М. «Хронографы в русской литературе» / В.М. Истрин // ВВ. – 1898. – Т.V. – С. 131– 152.

Кагаров Е. Д.П. Шестаков опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. Казань, 1912 / Е. Кагаров // Гермес. – 1914. – №7–8. – С. 206–208.

Казанская хроника // Казанский телеграф. – 1911. – № 5428. от 18 мая. – С.4.

Казанская хроника // Казанский телеграф. – 1911. – № 5491. от 5 августа. – С. 3.

Казанская хроника // Казанский телеграф. – 1911. – № 5532. от 28 сентября. – С. 3.

Казанская хроника // Казанский телеграф. – 1911. – № 5593. от 13 декабря. – С. 3.

Казанский Б.В. [рец.] История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига. Т.1. – Эпос, лирика, драма классического периода. – М.-Л., 1946. – 487с. / Б.В. Казанский // Вестник Ленинградского университета. – 1947. – №4. – С. 166–170

Колмачевский Л.З. [рец. на] «О занятиях по критике и мифологии гомеровского эпоса. Отчет за время заграничной командировки с 1июня 1878 по 1 июня 1879 Л.Ф. Воеводского. Одесса, 1880» / Л.З. Колмачевский. – Воронеж, 1881. – 5 с. Отд. оттиск из «Филологических записок».

Крумбахер К. Византийские историки и хронисты / К. Крумбахер // Очерки по истории Византии [под ред. В.Н. Бенешевича]. – Вып.3. – СПб., 1912. – 128 с.

Кулаковский Ю.А. История Византии / Ю.А. Кулаковский. – Киев: типо-литография С.В. Кульженко, 1912–1913. – Т.1. – 536 с.; Т.2. – 513 с.

Латышев В.В. Византийская «Царская» минея / В.В. Латышев. – Пг., 1915. – 150с.

Латышев В.В. Две речи Феодора Дафнопата, изданные со введением о жизни, о литературной деятельности автора и с русским переводом / В.В. Латышев // Православный палестинский сборник. – 1910. – Вып.59 (первая половина). – 144 с.

Мищенко Ф.Г. [рец. на:] «О происхождении поэм Гомера. Вып.2. О происхождении Илиады. Эюд из истории литературы гомеровского вопроса с точки зрения теории зерна. С. Шестаков. Казань, 1898» / Ф.Г. Мищенко // ФО. – 1900. – Т.18. – Кн.2. – С. 73–85.

Мищенко Ф.Г. О происхождении поэм Гомера. Вып.1. О происхождении Одиссеи. Исследование С.Шестакова. Казань, 1892. (отзыв в историко-филологический факультет) / Ф.Г. Мищенко. – 5 с.

Мищенко Ф.Г. К гомеровскому вопросу. Отд. оттиск из ЖМНП. – С. 506-514.

Мищенко Ф.Г. [рец. на:] Шестаков С.П. О происхождении поэм Гомера. Вып.2. О происхождении «Илиады»: Эюд из истории литературы гомеровского вопроса и анализ «Илиады» с точки зрения теории зерна / С.П. Шестаков. – Казань: типография Казанского университета, 1899. – 509 с. / Ф.Г. Мищенко // ФО. – Т. XVIII. – Кн.2. Отд.2. – С. 73–85.

Нагуевский Д.И. [рец. на:] Д.Шестаков «Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана». Казань, 1912 / Д.И. Нагуевский // Вестник образования и воспитания. – 1915. – №11–12. – С. 836–842.

Обед 30 июня Петру Дмитриевичу Шестакову (из журнала «Волжский Вестник»). – Казань: Типография Императорского университета, 1883. – 30 с.

Передовая статья // Московские ведомости. – 1882. – № 166. от 17 июня. – С. 2.

Передовая статья // Московские ведомости. – 1882. – № 180. от 1 июля. – С. 2.

Передовая статья // Московские ведомости. – 1882. – № 182. от 3 июля. – С. 2.

Передовая статья // Московские ведомости. – 1882. – №258. от 17 сентября. – С.2.

Петрушевский Д.М. Общество и государство у Гомера. Опыт исторической характеристики / Д.М. Петрушевский. – М., 1913. – 60 с.

Рождествин А.С. [рец. на:] Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910 / А.С. Рождествин // Казанский телеграф. – 1911. – № 5431. – С.4.

Рождествин А.С. [рец. на:] Шестаков Д. Новейшее изучение древнегреческой литературы и жизни (УЗКУ. 1904. кн.10.) / А.С. Рождествин // Казанский телеграф. – 1904. – № 3559. – С.4.

Рождествин А.С. [рец. на:] Шестаков Д. Три поэта византийского ренессанса. Казань, 1906 / А.С. Рождествин // Казанский телеграф. – 1906. – № 4014. – С.4.

Рождествин А.С. [рец. на:] Шестаков С. Жуковский как переводчик Гомера. Казань, 1902 / А.С. Рождествин // Казанский телеграф. – 1902. – № 2886. – С.4.

Соколов Ф.Ф. Гомеровский вопрос / Ф.Ф. Соколов // ЖМНП. – 1868. – Ч.140. – С. 360–442, 835–886.

Сонни А. Аристофан и аттический разговорный язык. По поводу книги Д.П. Шестакова Опыт изучения народной речи в комедии Аристофана. Казань, 1912 / А. Сонни // ЖМНП. – 1916. – Ч. 61. – С. 6–90.

Съезд учителей русского языка и словесности в гимназиях Казанского учебного округа в Казани в июле 1866 г. – Казань: Университетская типография, 1866. – 144 с.

Труды IV Археологического съезда. – Т.1. – Казань, 1884. – VIII, CXLIV, 533 с.

Труды XIII археологического съезда / Под ред. графини Уваровой. – Т. 1. М., 1906. – 436 с.; Т. 2. – М., 1907. – VIII, 533, 273 с.

Успенский Ф.И. История Византийской империи / Ф.И. Успенский. – СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1913. – Т. 1. – 872 с.; Т. 2. – 520 с.

Сочинения античных и византийских авторов

Гомер. Илиада.

Гомер. Одиссея.

«Хронограф» Георгия Амартола. Греческий подлинник, приготовленный к изданию Э.П. фон-Муральтом по списку Московской Синодальной библиотеки // Ученые записки Императорской Академии наук. – 1861. – Кн. VI. II отд. – С. 1–100.

Georgii monachi Chronicon / Ed. Carolus de Boor, textum genuinum continentia. – Lipsiae, 1904. – Voll. I–II.

Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели / Матвеевко В.А., Щеголева Л.И. – М., 2000. – 544 с.

ЛИТЕРАТУРА

Историографическая литература

Diehl Ch. Etudes Byzantines / Ch. Diehl. Paris, 1905. – 438 p.

II-è Congrès international des Etudes Byzantines. Vieille et nouvelle université. Belgrade. 11 – 16 avril 1927. Programme des Travaux du Congrès. Belgrad, 1926. – 26 p.

Алмазова Н.С. Культура Рима эпохи перехода от республики к империи а отечественной историографии конца XIX – начала XX веков: дис. ...канд. ист. наук / Н.С. Алмазова. – Казань, 2004. – 239 с.

Алмазова Н.С. Студенческие работы по истории Древнего мира в Казанском Императорском университете (конец XIX – начало XX вв.) / Н.С. Алмазова // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник науч. ст. и сообщений. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 123–130.

Андромонова Н.А. Василий Алексеевич Богородицкий. 1857–1941 / Н.А. Андромонова, Л.К. Байрамова. – Казань: Изд-во Казанского унта, 2002. – 28 с.

Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив / А.Н. Анфертьева // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 259–312.

Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995. – 462 с.

Ахмадеев Ф.Н. Профессор Ф.Г. Мищенко (биографический очерк) / Ф.Н. Ахмадеев // Античность: история и историки. Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения». 17 февраля 1997 г. Межвуз. сборник. – Казань, 1997. – С. 3 – 6.

Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе (очерки истории) / Е.Ю. Басаргина. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 245 с.

Беленький И.Л. Ученый-историк в системе научных коммуникаций: Научно-аналитический обзор / И.Л. Беленький. – М.: Наука, 1983. – 43 с.

Бенешевич В.Н. Русско-Византийская Комиссия. Glossarium Graecitatis / В.Н. Бенешевич // ВВ. – 1926. – Т. 24. – С. 115–130.

Бердинский В.А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века / В.А. Бердинский. – М.; Киров, 1995.

Биография как вид исторического исследования: сб. статей / отв. ред. И.В. Серегина / Тверской гос. Университет. – Тверь, 1993. – 180 с.

Бодров О.В. Новистика в Казанском университете (последняя треть XIX в. – конец 50-х гг. XX в.) / О.В. Бодров // История и историки в Казанском университете. – Казань, 2005. – С. 176–185.

Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В.П. Бузескул. – Ч. 1. – Л.: Академия наук СССР, 1929. – 218 с.; Ч. 2. – Л.: Академия наук СССР, 1931. – VI, 223 с.

Бусыгин Е.П. Этнография в Казанском университете / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 220 с.

Бушмакин М.Д. Профессор Н.А. Осокин – первый казанский медиевист / М.Д. Бушмакин // Средние века. – 1960. – Вып.17. – С. 344–348.

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков / О.Л. Вайнштейн. – М.–Л.: ОГИЗ – Соцэкгиз., 1940. – 376 с.

Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики 1917 – 1966 / О.Л. Вайнштейн. – Л.: Наука, 1968. – 479 с.

Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середина – вторая половина XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед / Р.М. Валеев. – Казань: Казанский университет, 1993. – 103 с.

Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е XX в.) / Р.М. Валеев. – Казань: Казанский университет, 1998. – 380 с.

Варнеке Б.В. Греческий язык в университетах / Б.В. Варнеке // Гермес. – 1907. – №6. – С.142–145

Веллас Георгис. Янис Кордатос – историк древнейшей Греции: Автореф. дис. ...канд. ист. наук / Георгис Веллас. – Воронеж, 1975. – 19 с.

Вишленкова Е.А. Учебная повседневность в Казанском императорском университете / Е.А. Вишленкова // История и историки в Казанском университете. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 30–38.

Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. – М.: НИИВО, 1995. – 352 с.

Гребенкина А.Н. Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 20-х годов (Казанский период): дис. ...канд. ист. наук / А.Н. Гребенкина. – Казань, 1992. – 198 с.

Дорофеева С.С. Роль науки и веры в формировании мировоззрения поколения историков 1870-1890-х годов / С.С. Дорофеева // Мир историка: идеалы, традиции, творчество / Под ред. В.Г. Рыженко. – Омск: «Курьер», 1999. – С. 44–55.

Дружинина И.А. Изучение античности в Казанском университете (XIX – 20-е годы XX вв.): дис. ... канд. ист. наук / И.А. Дружинина. – Казань, 2001. – 219с.

Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. Изд. 2-е. (печатается по изданию 1954 г.) / А.Н. Егунов. – М.: Индрик, 2001. – 400 с.

Ермолаев И.П. Профессор Н.Н. Фирсов. Очерк жизни и деятельности / И.П. Ермолаев, А.Л. Литвин. – Казань: Казанский университет, 1976. – 102 с.

Есенгараев Е.Ж. Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX – начала XX веков (На материалах исторических обществ при Московском и Петербургском университетах): Автореф. дис. ...канд. ист. наук / Е.Ж. Есенгараев. – М., 1991. – 24 с.

Жебелев С.А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке / С.А. Жебелев // ВДИ. – 1938. – №4. – С. 13–22.

Жигунин В.Д. Антиковедение в Казани: специфика и основные тенденции развития / В.Д. Жигунин // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. – Казань: Форт Диалог, 1996. – С. 82–84.

Жигунин В.Д. Кафедра истории древнего мира и средних веков / В.Д. Жигунин // Жить историей: 60 лет историческому факультету казанского университета. Сб. статей. Казань : Хэтер, 1999. – С. 33–41.

Зайцев А.В. Развитие исторической науки в Татарстане 20-30 годы XX века: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Зайцев. – Казань, 1999. – 221 с.

Заливалова Л.Н. Х.М. Лопарев: ученый и его рукописное наследие / Л.Н. Заливалова // Архивы русский византинистов в Санкт-Петербурге. / Под ред. И.П. Медведева. СПб. Дмитрий Буланин, 1995. – С. 213–225.

Зарипова Л.Д. Российская история в трудах Н.Н. Фирсова. Дис. ...канд. ист. наук / Л.Д. Зарипова. – Казань, 1996. – 226 с.

Золотарев В.П. Отечественные школы новоевропейской истории в России и в СССР (1860–1930 гг.) / В.П. Золотарев // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран: Межвуз. сб. научн. тр. – Сыктывкар, 1996. – С. 93–106.

Золотарев В.П. Об исследовательской лаборатории историка С.М. Соловьева (1820–1879) / В.П. Золотарев // Гуманитарное знание в системах политики и культуры. – Казань: Изд-во «Унипресс», 2000. – С. 122–125.

Иванеско А.Е. Человек второго плана в контексте современной историографии / А.Е. Иванеско, А.В. Кореневский, Н.А. Мининков // Человек второго плана в истории. – Вып.2. Сб. научных статей. – Ростов-н/Д.: Ростовский государственный университет, 2005. – С. 3–8.

Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1980. – 415 с.

История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань: Казанский государственный университет, 2005. – 378 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998. – 701 с.

Казанский Б.В. Нынешнее состояние гомеровского вопроса / Б.В. Казанский // Классическая филология. Сб. статей. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1959. – С. 3–23.

Камардина О.В. Императорское русское историческое общество: Очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук / О.В. Камардина. – Самара, 1999. – 23 с.

Кармазина О.В. Антиковедение в России (1834 – 1917) по материалам «Журнала Министерства народного просвещения»: Автореф. дис. ...канд. ист. наук / О.В. Кармазина. – Воронеж, 1999. – 19 с.

Ключевич А.С. Алексей Яковлевич Богородский. 1843 – 1943 / А.С. Ключевич, А.С. Лозовой. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 27 с. – (Выдающиеся ученые Казанского университета).

Кнабе Г.С. Русская античность. М.: РГУ, 2000.

Корзун В.П. Мир русского историка: некоторые аспекты профессионального становления русского историка конца XIX – начала XX веков с точки зрения антропологии науки / В.П. Корзун, А.В. Свешников // Историки в поиске новых смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции. Казань, 7–9 октября 2003 г. – Казань: «Новое знание», 2003. – С. 121–135.

Корзун В.П. Научные сообщества в исторической науке как исследовательская проблема / В.П. Корзун // Исторический ежегодник, 2002–2003. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – С. 36–46.

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций) / В.П. Корзун. – Омск-Екатеринбург, 2000. – 226 с.

Корзун В.П. Постигание социальности: историк в поисках закономерностей развития исторической науки / В.П. Корзун // *Esse quam videri: Памяти Ю.И. Серого (1922 – 1986)*. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – С. 53–76.

Краснова Ю.В. Историческое образование в столичных университетах России в конце 70-х гг. XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук / Ю.В. Краснова. – Челябинск, 2003. – 24 с.

Курашов В.И. *Prima Elementa* научного познания: методология науки и концепции естествознания: Учеб. пособие / В.И. Курашов /

Казанский государственный технологический университет. – Казань, 1998. – 160 с.

Курбатов Г.Л. История Византии (историография) / Г.Л. Курбатов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 256 с.

Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси (1920-1930-е годы). По материалам архивов: Автореф. дис... докт. ист. наук / И.Л. Кызласова. – СПб., 1999. – 36 с.

Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси: 1920–1930-е годы. По материалам архивов / И.Л. Кызласова. – М., 2000.

Литвин А. Репрессированная наука / А. Литвин // Эхо веков. – 1998. – № 3–4. – С. 202–219.

Лозовик Г. Десять лет русской византологии (1917-1927) / Г. Лозовик // Историк-марксист. – 1928. – Т.7. – С. 228–238.

Мазитова Н.А. Изучение Ближнего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.) / Н.А. Мазитова. – Казань: Казанский университет, 1972. – 224 с.

Макарова Е.А. Династии ученых как особая форма научного сообщества: к постановке проблемы / Е.А. Макарова // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4-6 февр. 1999 г. -- М.: РГГУ, 1999. С. 96–97.

Макарова Н.И. Казанские славяноведы и Общество археологии, истории и этнографии: к изучению внутренней логики развития науки / Н.И. Макарова // История и историки в Казанском университете. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 90–96.

Малышева С.Ю. Конфликт университетских культур в 1917-1920-е годы / С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова // Историки в поиске новых смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции. Казань, 7-9 октября 2003 г. – Казань: «Новое знание», 2003. – С. 377–384.

Матвеева И.Н. Историк-антиковед Михаил Михайлович Хвостов / И.Н. Матвеева // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник науч. ст. и сообщений. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 274–289.

Матвеева И.Н. М.М. Хвостов как историк античности: дис. ...канд. ист. наук / И.Н. Матвеева. – Казань, 1970. – 261 с.

Махмутова А.Х. «Лишь тебе, народ, служенье»: История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби / А.Х. Махмутова. – Казань: Магариф, 2003. – 453 с.

Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений / О.М. Медушевская // Источниковедение и историография в мире гу-

манитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. Москва, 18-19 апреля 2002 г. – М., 2002. – С. 20–36.

Мининков Н.А. Человек второго ряда как исследовательская проблема / Н.А. Мининков // Человек второго плана в истории. Сб. научных статей. – Вып.1. – Ростов-н/Д.: Ростовский государственный университет, 2004. – С. 4–13.

Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX в.) / С.М. Михайлова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 359 с.

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма / Б.Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского университета, 2001. – 206 с.

Молодяков В. Последний ученик Фета / В. Молодяков // Новый журнал. Нью-Йорк. 2000. №219. Июнь. – С. 93–99.

Морозов А.А. Русская медиевистика в эмиграции (Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар): Автореф. дис. ...канд. ист. наук / А.А. Морозов. – Томск, 2001. – 17 с.

Мохначева П.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XX вв. М., 1999; Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX века. – М., 1999.

Мурзанаева Е.Н. Культурно-просветительские функции русского антиковедения XIX и начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук / Е.Н. Мурзанаева. – Иваново, 1999. – 203 с.

Мухамадеев А.И. Дмитрий Александрович Корсаков. 1843 – 1919 / А.И. Мухамадеев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 26 с.

Мягков Г.П. «...Работать в Казани даже лучше, чем в столицах»: казанский период жизни и творчества профессора В.К. Пискорского / Г.П. Мягков, Ш.С. Хамматов // Историки в поиске смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции – Казань: «Новое знание», 2003. – С. 165–175.

Мягков Г.П. Всеобщая история в Казанском университете в XIX – начале XX вв.: проблема формирования научной школы / Г.П. Мягков // Историческое знание и интеллектуальная культура. – М., 2001. – С. 242–246.

Мягков Г.П. Медиевистика в Казанском университете / Г.П. Мягков // История и историки в Казанском университете. – Казань: Казанский университет, 2005. – С. 160–171.

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. – 298 с.

Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении: Материалы научной конференции. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 109 с.

Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX – 1917 г.) / А.Н. Нечухрин. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 348 с.

От редакции // ВВ. 1947. – Т. I (XXVI). – С. 3 – 7.

Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955–1985.

Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. 2004. № 2. – С. 28 – 53.

Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский / С.Н. Погодин. СПб.: СПбГТУ, 1997. – 378 с.

Посохов С.И. Попечители учебных округов: состав, функции, мнения / С.И. Посохов // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. научных статей и сообщений. – Казань: Казанский университет, 2005. – С. 19–33.

Поэты 1880–1890-х годов / Вступ. Ст. Г.А. Бялого. Сост. Л.К. Долгополов, Л.А. Николаева. – Л.: «Советский писатель», 1972.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 282 с.

Репина Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // Новая и новейшая история. 2004. №5. – С. 39–51.

Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография / Л.П. Репина // Диалог со временем. – Вып. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. – М., 2002. – С. 5 – 10.

Репина Л.П. Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования / Л.П. Репина // Историки в поиске смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции. – Казань: «Новое знание», 2003. – С. 37 – 45.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802 – 1902 / С.В. Рождественский. – СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. – 785 с.

Рождествен А.С. Петр Дмитриевич Шестаков. Очерк жизни и педагогической деятельности / А.С. Рождествен. – Казань: типография Казанского ун-та, 1907. – 155 с.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа / Е.А. Ростовцев. – Рязань, 2004. – 352 с.

Рудницкая Е.Л. История в человеке / Е.Л. Рудницкая // Отечественные архивы. 1997. № 6. – С.93 – 102.

Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – 631с.

Румянцева М.Ф. Теория истории. Учебное пособие / М.Ф. Румянцева. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 319 с.

Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Изд-во УрО-РАН, 2000. – 354 с.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В.Я. Гросул [и др.]. – М.: Прогресс–Традиция, 2000. – 440 с.

Сабурова Т.А. К вопросу о «культурных гнездах» провинциального города (Омское медицинское общество на рубеже XIX – XX вв.) / Т.А. Сабурова // Мир историка: идеалы, традиции, творчество / Под ред. В.Г. Рыженко. – Омск: «Курьер», 1999. – С. 199–210.

Свенцицкая И.С. Изучение античного наследия в университетах России во второй половине XIX века / И.С. Свенцицкая // Античное наследие в культуре России / Под общ. ред. Г.С. Кнабе. – М.: Наука, 1995. – С.234–244.

Свешников А.В. Кризис науки на поведенческом уровне / А.В. Свешников // Мир историка: идеалы, традиции, творчество / Под ред. В.Г. Рыженко. – Омск: «Курьер», 1999. – С. 75–95.

Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. / А.А. Севастьянова. – Ярославль, 1998. – 239 с.

Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка / Н.Б. Селунская // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4. – С. 24–41.

Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома. Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона, пер. с франц. Л.А. Пименовой. – СПб.: Алетейя, 2004. – 285 с.

Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича / А.В. Сергеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 134 с.

Сидорова М.М. Николай Никитич Булич, 1824 – 1895 / М.М. Сидорова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 27 с.

Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. / О.В. Синицын. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – 161 с.

Старкова Н.Ю. Проблемы истории Древней Спарты в трудах казанских антиковедов рубежа XIX–XX вв. / Н.Ю. Старкова // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник науч. ст. и сообщений. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 266–273.

Суприянович А.Г. Забытые имена: проблемы церковной истории и творчестве С.П. Шестакова / А.Г. Суприянович // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. Казань, 1995. – С. 118–120.

Сыченкова Л.А. История становления и развития отечественного культуроведения (вторая половина XIX – середина 30-х гг. XX вв.) / Л.А. Сыченкова. – Казань: Казанский университет, 1996. – 78 с.

Сыченкова Л.А. Казанские историки культуры и ОАИЭ: история взаимоотношений / Л.А. Сыченкова // История и историки в Казанском университете. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 77–86.

Сыченкова Л.А. Культура Западной Европы в российском гуманитарном знании (вторая половина XIX – середина 30-х гг. XX вв.) / Л.А. Сыченкова. – Казань: Изд-во Казанского гос. тех. ун-та, 2000. – 248 с.

Талашова Н.С. Генезис российского антиковедения на рубеже веков. Пути и поиски / Н.С. Талашова // Избранные труды. – Т.1. – Иваново: Издательский центр «Юнона», 2001. – С. 372–376.

Талашова Н.С. Ученые-антиковеды России: попытки спасти страну на рубеже XIX–XX веков / Н.С. Талашова // Избранные труды. – Т. 1. – Иваново: Издательский центр «Юнона», 2001. – С. 362–372.

Трапш Н.А. «Историк второго плана» в структуре персональной историографической иерархии (на примере развития дореволюционной исторической науки) / Н.А. Трапш // Человек второго плана в истории. Сб. научных статей. – Вып.1. – Ростов-н/Д.: Ростовский государственный университет, 2004. – С. 13–29.

Троицкий С.И. Историческая записка о Казанском учительском институте за 25 лет его существования / С. Троицкий. – Казань: типография Казанского университета, 1901. – 69 с.

Тункина И.В. В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) / И.В. Тункина // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – С. 231–232

Умбрашко К.Б. Полемики русских историков XIX в. как коммуникативные события / К.Б. Умбрашко // Мир историка: идеалы, традиции, творчество / Под ред. В.Г. Рыженко. – Омск: «Курьер», 1999. – С. 21–43.

Утробина И.В. Педагогическое образование в Казанской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв.: дис. ...канд. ист. наук / И.В. Утробина. – Казань, 1999. – 232 с.

Фролов Э.Д. Развитие историко-филологического направления в русском антиковедении / Э.Д. Фролов // Проблемы историографии и

источниковедения отечественной и всеобщей истории. – Л.: Ленинградский университет, 1978. – С. 113–126.

Фролов Э.Д. Русская историография античности (до середины XIX в.) / Э.Д. Фролов. – Л.: Изд-во Ленинград ун-та, 1967. – 144 с.

Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки / Э.Д. Фролов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 544 с.

Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878-1917 гг.): Дис. ...канд. ист. наук / А.А. Хабибуллин. – Казань, 1979. – 196 с.

Хайрутдинова Л.Ф. «Казанский телеграф». Литературно-критическое наследие (1893 – 1917 гг.) / Л.Ф. Хайрутдинова. – Казань: Мастер-Лайн, 2000. – 188 с.

Хамматов Ш.С. Византиноведение в высших учебных заведениях Казани (XIX – начало XX вв.) / Ш.С. Хамматов // Античность: политика и культура: Межвузовский сб. Казань, 1998. – С.114–115.

Хамматов Ш.С. Изучение и преподавание медиевистики в учебных заведениях Казани (XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. ист. наук / Ш.С. Хамматов. – Казань, 2003. – 227 с.

Ханина А.З. В.К. Пискорский (к 100-летию со дня рождения) / А.З. Ханина // Вопросы историографии всеобщей истории. – Вып.3. – Казань, 1968. – С. 65–81.

Хрущева Э.Н. Концепция византийского государства в русской византистике последней четверти XIX – XX вв.: автореф. дис. ...канд. ист. наук / Э.Н. Хрущева. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

Человек науки. Сборник статей. – М.: Наука, 1974. – 392 с.

Чиглинцев Е.А. Антиковедение в Казанском университете: традиции и перспективы / Е.А. Чиглинцев // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сб. науч. статей и сообщений. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 152–160.

Чиглинцев Е.А. Биография историка в историографическом сочинении / Е.А. Чиглинцев // Античность: эпоха и люди. Сб. статей. – Казань, 2000. – С. 132–141.

Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные Теоретико-методологические тенденции, школы и направления / И.И. Шарифжанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 240 с.

Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии / С.О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М.: Наука, 1976. – С. 264–283.

Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете / А.С. Шофман. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1956. – 129 с.

Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов / А.С. Шофман. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. – 112 с.

Шофман А.С. Федор Герасимович Мищенко / А.С. Шофман. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1974. – 111 с.

Штергер М.В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX века (по материалам Тобольска и Омска): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Штергер. – Омск, 2003. – 24 с.

Ягудин Б.М. Н.А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории / Б.М. Ягудин. – Казань: Изд-во КГУ, 1998. – 227 с.

Ягудин Б.М. Николай Алексеевич Осокин, 1843 – 1895 / Б.М. Ягудин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – 30 с.

Ярхо В.Н. Аристофан в русском литературоведении XIX – XX веков (из истории классической филологии в России) / В.Н. Ярхо // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1954. – Т.13. – Вып.6. – С. 520–532.

Труды по истории Казанского университета

Бречкевич М.В. Северо-Восточный Археологический и Этнографический Институт в Казани / М.В. Бречкевич // ИОАИЭ. – 1919. – Т. XXX. – Вып.1. – С. 81–87.

Воробьев Н. Пятидесятилетний юбилей Общества Археологии, истории и Этнографии / Н. Воробьев // Просвещение и жизнь. – 1929. – № 1. – Хроника. – С. 98–99.

Галиуллина Р.Х. Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1827 – 1845): Дис. ... канд. ист. наук / Р.Х. Галиуллина. – Казань, 1997. – 223 с.

Горохова Л.В. Материалы о деятельности ОАИЭ при Казанском университете в фондах Национального архива Республики Татарстан / Л.В. Горохова, Л.О. Кузнецова // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сб. науч. статей и сообщений. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 22–29.

Дюков И.А. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина в 1917 – 1941 годах / И.А. Дюков // УЗКУ. – 1947. – Т. 107. – Вып.3. – 124 с.

Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX вв. / А.Е. Иванов. – М.: Наука, 1990.

Ильинский Л.К. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете / Л.К. Ильинский // Краеведение. – 1929. – Т. VI. – № 9. – С. 529–534.

Исаков А.П. Летопись Казанского государственного университета: (история в фактах, подтвержденных документами) / А.П. Исаков, Е.П. Исаков. – Казань: Дизайн-студия «МИАН»; Лондон. – Т. 1: 1804 – 1945. – 2004. – 487 с.

История Казанского университета, 1804 – 2004 / Гл. ред. И.П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 651 с.

Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30 / М.К. Корбут. – Казань: Изд-во Казанского университета. Т.1. – 1929. – 211 с.; Т.2. – 1930. – 385 с.

Корбут М.К. Наука в Казанском университете за последнее двадцатилетие / М.К. Корбут // УЗКУ. – 1930. – Т. LXXXX. – Вып.3–4. – С. 314–390.

Муньков Н.П. К истории студенческих волнений в Казанском университете в 1881 и 1882 годах / Н.П. Муньков // Ученые записки КГПИ. – Вып. 7. – Казань, 1949. – С. 81–97.

Очерки истории Казанского университета. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 380 с.

Ректоры Казанского университета, 1804 – 2004 гг.: Очерки жизни и деятельности / Сост. и науч. ред. В.С. Королев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 360 с.

Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: некоторые проблемы изучения / И.Б. Сидорова // История и историки в Казанском университете. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 7–21.

Смыков Ю.И. Профессора Казанского университета второй половины XIX века в оценке его выпускников / Ю.И. Смыков, М.В. Скворцов // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник науч. ст. и сообщений. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 110–115.

Хакимова А.С. Казанский университет в 80–90-е годы XIX в. Дис. ...канд. ист. наук / А.С. Хакимова. – Казань, 1997. – 298 с.

Исследования по истории античности и Византии

Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – М. «Coda», 1997. – 343 с.

Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784-847) / Д.Е. Афиногенов. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – 224 с.

Афиногенов Д.Е. Об идейно-политической ориентации «Хроники» Георгия Амортала / Д.Е. Афиногенов // *Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX международному конгрессу византинистов.* – М.: «Индрик», 1996. – С. 88–96.

Афиногенов Д.Е. Представления Георгия Амортала об идеальном императоре / Д.Е. Афиногенов // *Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII международному конгрессу византинистов (8-15 августа 1991г. Москва).* – М.: «Наука», 1991. – С. 163–183.

Бибиков М.В. Историческая литература Византии / М.В. Бибиков. – СПб.: «Алетейя», 1998. – 318 с.

Бибиков М.В. К проблеме историзма византийской агиографии // *Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX международному конгрессу византинистов / М.В. Бибиков.* – М.: «Индрик», 1996. – С. 50–55.

Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах / М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 660 с.

Герцен А.Г. Иконоборческая Таврика / А.Г. Герцен, Ю.М. Могарычев // *Античная древность и средние века: Византия и средневековый Крым: Сб. науч. трудов.* – Барнаул: «День», 1992. – С. 180–190.

Гиндин Л.А. Гомер и история Восточного Средиземноморья / Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996. – 328 с.

Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса / Р.В. Гордезиани. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1978. – 394 с.

Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом / В.М. Зубарь // *Византийская Таврика: Сб. научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов).* – Киев: Наукова Думка, 1991. – С. 8–29.

Каждан А.П. История византийской литературы / В сотрудничестве с Ли Ф. Шерри и Х. Ангелиди [Перевод с англ. А.А. Белазеровой, Е.И. Вакеевой и др.]. / А.П. Каждан. – СПб.: Алетейя, 2002. – 529 с.

Каждан А.П. Очерки истории Византии и южных славян / А.П. Каждан, Г.Г. Литаврин. – СПб.: Алетейя, 1998. – 336 с.

Клейн Л.С. Анатомия «Илиады» / Л.С. Клейн. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. – 557 с.

Клейн Л.С. Бесплотные герои: происхождение образов «Илиады» / Л.С. Клейн. – СПб.: Художественная литература, 1992. – 192 с.

Котляр Н.Ф. Галицко-Волынская Русь и Византия в XII – XIII вв. (связи реальные и вымышленные) / Н.Ф. Котляр // *Южная Русь и Византия: сб. науч. трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / АН УССР, ИН-т археологии; Редкол.: П.П. Толчко, Я.Е. Беровский, Г.Ю. Ивакин.* – Киев: Наукова Думка, 1991. – С. 20–33.

Культура Византии вторая половина VII – XII вв. / Под ред. З.В. Удальцовой. – М.: «Наука», 1989. – 680 с.

Левченко М.В. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии / М.В. Левченко // ВВ. – 1956. – Т. VIII. – С. 7–25.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). / Г.Г. Литаврин. – СПб.: «Алетейя», 2000. – 415 с.

Литаврин Г.Г. Византия и славяне: Сб. ст. / Г.Г. Литаврин. – СПб.: «Алетейя», 2001. – 606 с.

Литаврин Г.Г. О юридическом статусе древних руссов в Византии в X столетии (предварительные замечания) / Г.Г. Литаврин // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVIII международному конгрессу византинистов (8-15 августа 1991г. Москва). – М.: «Наука», 1991. – С. 60–82.

Лосев А.Ф. Античная литература: Учебник для высшей школы / А.Ф. Лосев. – 7-е изд. – М.: «Че Ро», при участии изд-ва «Омега-Л», 2005. – 543 с.

Лосев А.Ф. Гомер / А.Ф. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 1996. – 350 с.

Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана: хроника, история, жизнеописание? / Я.Н. Любарский // Византийские историки и писатели. – СПб., 1999. – С. 68–149.

Мальчукова Т.Г. «Одиссея» Гомера и проблемы ее изучения: Учеб. пособие по спецкурсу / Т.Г. Мальчукова. – Петрозаводск: ПГУ, 1983. – 92 с.

Маркиш С.П. Гомер и его поэмы / С.П. Маркиш. – М.: Гослитиздат, 1962. – 126с.

Полонская К.П. Поэмы Гомера / К.П. Полонская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 59 с.

Полякова С. Византийские жития как литературное явление / С. Полякова // Жития византийских святых. – СПб.: Изд-во «Terra Fantastica», 1995. – С. 5–36.

Романчук А.И. Два сюжета из истории Херсонеса или проблема традиционных датировок археологических источников / А.И. Романчук // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX международному конгрессу византинистов. – М.: «Индрик», 1996. – С. 234–244.

Романчук А.И. Ранневизантийский Херсон (отражение в источниках основных функций города) / А.И. Романчук // Античная древность и средние века: Византия и средневековый Крым: Сб. науч. трудов. – Барнаул: «День», 1992. – С. 204–213.

Романчук А.И. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников / А.И. Романчук, Л.В. Седикова // Византийская

Таврика: Сб. научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов). – Киев: Наукова Думка, 1991. – С. 30–50.

Сахарный Н.Л. Илиада. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы / Н.Л. Сахарный. – Архангельск, 1957. – 379 с.

Сахарный Н.Л. Гомеровский эпос / Н.Л. Сахарный. – М.: Художественная литература, 1976. – 397 с.

Соболевский С.И. Аристофан и его время / С.И. Соболевский. – М.: Наука, 1957. – 416 с.

Тахо-Годи А.А. Греческая мифология / А.А. Тахо-Годи. – М.: Искусство, 1989. – 301 с.

Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. / З.В. Удальцова. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 542 с.

Фихман И.Ф. Введение в документальную папирологию / И.Ф. Фихман – М.: Наука, 1987. – 523 с.

Флоренсов Н.А. Троянская война и поэмы Гомера. / Н.А. Флоренсов. – М.: Наука, 1991. – 143 с.

Фрейберг Л.А. Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. / Л.А. Фрейберг, Т.В. Попова. – М.: Наука, 1978. – 287 с.

Цымбурский В.Л. [рец. на:] Л.С. Клейн Анатомия «Илиады». СПб., 1998 / В.Л. Цымбурский, В.В. Файер // ВДИ. – 2002. – № 1. – С. 179–189.

Шталь И.В. Гомеровский эпос. Опыт текстологического анализа «Илиады»: [учебное пособие для филолог. ф-тов ун-тов] / И.В. Шталь. – М.: Высшая школа, 1975. – 246 с.

Ярхо В.Н. Эпос. Ранняя лирика / В.Н. Ярхо. – М.: «Лабиринт», 2001. – 368 с.

Словари, энциклопедии, справочные издания

Античная поэзия в русских переводах XVIII – XXвв.: Библиографический указатель/ Российская Академия наук. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Сост. Е.В. Егунов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – 399 с.

Библиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1905 – 1963. – Ч. 2. Вып. 2. Историко-филологический факультет. – Казань, 1965.

Библиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1905 – 1963. Ч.3. Справочные материалы. – Казань, 1965.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. (1804-1904) в двух частях / Под

ред. Н.П. Загоскина. – Казань: Казанский университет, 1904. Ч.1. – 554 с.; Ч. 2. – 456 с.

Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1905-1917 / Под ред. А.С. Шофмана. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1986. – 80 с.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за 1869 – 1894 гг. Т. 1. (лит. А – Л). – СПб., 1896. – 728 с.

Казанское дворянство. 1785 – 1917 г. Генеалогический словарь / Сост. Г.А. Двоеносова. – Казань: Гасыр, 2001. – 640 с.

Казанский университет. (1804-2004): Биобиблиографический словарь. Т.1.: 1804–1904. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 808 с.

Казань и Российская академия наук: Историко-биографические материалы / Ред.-сост. А.И. Коновалов и др. – Казань: Унипресс, 1999. – 84 с.

Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, 1975. Т.8. – Стб. 700–701.

Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891– октябрь 1917). – Вып. 1. (1891–1900). – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 528 с.

Летяев В.А. Методические материалы для изучения Российского дореволюционного антиковедения / Волгоградский гос. пед. Институт А.С. Серафимовича; В.А. Летяев. – Волгоград, 1990. – 56 с.

Михайловский А.И. Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804 – 1904): Материалы для истории университета / А.И. Михайловский. – Казань: типо-литография Казанского университета, 1901–1908. Ч.1. Вып.1–3.

Сыченкова Л.А. Отечественные культуроведы второй половины XIX и начале XX – начала 30-х годов XX в. Биобиблиографический словарь / Л.А. Сыченкова. – Казань: Казанский университет, 1997. – 84 с.

Наука и научные работники СССР. – Ч. 6. – Л.: «Работник просвещения», 1928. – 810 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив РАН – Архив Российской Академии наук (г. Москва)
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВПИ – Восточно-педагогический институт
ВУИ – Варшавские университетские известия
ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва)
ОРРК НБЛ КГУ – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета
ППС – Православный палестинский сборник
СВАЭИ – Северо-Восточный археологический и этнографический институт
УЗКУ – Ученые записки Казанского университета
ФО – Филологическое обозрение
ФОН – Факультет общественных наук

Оглавление

Введение	3
Глава 1. СЕМЬЯ ШЕСТАКОВЫХ В НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАЗАНИ И КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	13
§ 1. Попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков и его «ис- тинно-просвещенческая деятельность»	13
§ 2. Жизнь и научно-педагогическая деятельность С.П. Шестакова	40
§ 3. Основные вехи жизни и творчества Д.П. Шестакова.....	82
Глава 2. ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОСТИ В ТРУДАХ ШЕСТАКОВЫХ	97
§ 1. Гомеровский вопрос	98
§ 2. Исследование древнегреческих источников	124
Глава 3. ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ СЕМЬИ ШЕСТАКОВЫХ	143
§ 1. Исследование византийской литературы	144
§ 2. Проблемы истории Византии в работах С.П. Шестакова.....	171
Заключение	170
Библиография	174
Список сокращений	210

Шмелёва Людмила Михайловна

**Семья казанских ученых Шестаковых
и развитие антиковедения и византиноведения
в России (40-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.)**

Компьютерная верстка автора

Подписано в печать 30.11.2010.

Бумага офсетная. Печать на ризографическая.
Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 13,5.

Тираж 300 экз. Заказ №

Издательского Татарского государственного
гуманитарно-педагогического университета
420008, Казань, ул. Татарстан, 2

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, ул. Кремлевская, подъезд 5

Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09